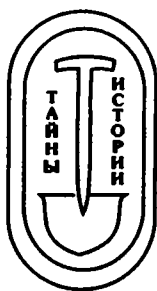

КИР БУЛЫЧЕВ
ТАИНЫ
XIX ВЕКА

КИР БУЛЫЧЕВ

**Тайны древнего мира
Тайны античного мира
Тайны Средневековья
Тайны Нового времени
Тайны Руси
Тайны Российской империи
Тайны XIX века**

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

КИР БУЛЬЧЕВ

ТАЙНЫ XIX ВЕКА

Иллюстрации К. Сошинской

**МОСКВА
2003**

УДК 82-4(02.053.2)

ББК 84(2Рос=Рус)6-4я5

Б 90

Если вы любите историю, то эта книга написана для вас! Если история кажется вам скучной, прочтите «Тайны истории» Кира Булычева, и вы полюбите историю больше всех других школьных предметов!

Эта таинственная наука полна загадок. Иногда людям удается их разгадать, а порой загадка так и остается неразгаданной — но тем интереснее узнать о ней и попытаться самому найти ответ.

Тайны XIX века интересны для нас хотя бы потому, что люди, жившие тогда, ничем от нас не отличались. Где был построен первый дирижабль? Когда появилась первая подводная лодка? Кому посвятил свои знаменитые повести-сказки Льюис Кэрролл? Кто организовал заговор против президента Линкольна?.. Об этом и о многом другом вы узнаете из книги Кира Булычева «Тайны XIX века».

**Оформление серии
Ф. В. Домогацкого**

© Кир Булычев, 2003

© Сошинская К. А. Иллюстрации, 2003

© ООО «Дрофа-Плюс», 2003

ISBN 5-9555-0038-3

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда несколько лет назад мне пришло в голову объединить в сборниках короткие истории, которые я рассказывал в газете «Пионерская правда», я менее всего предполагал, что это предприятие растянется на годы, а число книжек будет расти и расти.

Все вышло, как в лесу, когда вы пошли по грибы.

Увидели красную шляпку подосиновика, срезали гриб, а впереди, рукой подать, уже высовывается бурая головка подберезовика. Вперед, охота началась!

Сначала я собрал книжку, которая называлась «Тайны древнего мира». От нее до «Тайн античного мира» было рукой подать. А следом за ней появились «Тайны Средневековья». Четвертая книга была внутренне связана с третьей. «Тайны Нового времени» заканчивались на Великой французской революции, то есть замирали на пороге XIX века.

Если две первые книжки охватывали период в несколько тысяч лет, следующая пара книг имела дело с одним тысячелетием.

А что делать дальше?

Продолжить путешествие по реке истории?

Не споря с внутренним голосом, я все же попросил у него отсрочку и написал две книги — своеобразную боковую ветвь на большом стволе моего замысла. Это были «Тайны Руси» и «Тайны Российской империи». О чем в них говорилось, вы уже догадались.

Но тут обнаружилось, что у меня постепенно накапливались в папках темы, сюжеты, заметки по другим «кустам» тайн. Ведь когда-то, планируя всю работу, я наметил написать еще «Тайны XIX века», «Тайны XX века», «Тайны Америки», «Тайны Востока» и даже «Тайны морей и островов».

Честно говоря, я так и не знаю, удастся ли мне написать все эти книжки или я прежде уйду в отставку.

Но, как видите, седьмую книжку, «Тайны XIX века», я закончил и предлагаю ее на ваш суд и для вашего с пользой развлечения.

Честно говоря, заниматься этим делом и выкапывать удивительные, увлекательные и необычные истории мне интересно. Это занятие сродни охоте. Порой тайна лежит на поверхности и о ней уже написали умные люди. А иной раз над водой видны только ее уши и приходится нырять, чтобы вытащить ее из озера. Иногда получается интересно, а порой ничего не выходит.

Почему-то раньше мне казалось, что XIX век так к нам близок (мой дедушка прожил в нем большую часть своей жизни), что тайнам там делать нечего. А если они и есть, то мы их уже тысячу раз обсуждали. Ну, Джек Потрошитель, ну, «Мария-Целеста»...

Неправда! Близость к нам не лишает события того времени таинственности.

Больше того, приходится отказываться от многих тайн, чтобы поместить все в небольшую книжку.

Когда я избавлялся от лишних загадок, первыми шли на убой тайны, связанные с убийствами и смертями. Иначе получилась бы не книга, а уголовная хро-

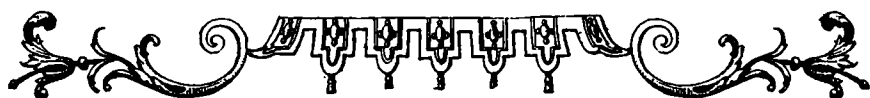
ника. Конечно, убийства и загадочные смерти остались — куда от них денешься, но я старался отыскать тайны, лишенные трагизма.

И последнее: порой мне пишут критические письма. В связи с моими ошибками. Ошибки проистекают в большей степени оттого, что мои сведения вторичны. Я истолковывал по-своему рассказы других авторов. И если был доверчив, то порой попадался на том, что начинал излагать чужую точку зрения. А другому автору нужна была не тайна и не правда о ней. Взяться за перо его заставили совершенно иные побуждения. Так случилось, к примеру, с историей о трех писательницах — сестрах Бронте. Вместо того чтобы сразу обратиться к серьезным трудам, я увлекся рассказом в популярном журнале, автору которого важно было выжать слезу у своих читателей. А потом, перечитав написанное, я впал в сомнения. Уж очень все получилось слюняво и не слишком правдоподобно, хоть и изящно.

Когда я наконец узнал кое-что полезное для себя из настоящих исследований, то решил сохранить и первый вариант, а более достоверную историю опубликовать следом за ней. Как признание своей ошибки.

Итак, тайны XIX века...

Надеюсь, они покажутся вам интересными. Ведь люди, жившие тогда, ничем от нас не отличались.

ШАХМАТЫ ИМПЕРАТОРА

НАПОЛЕОН ПРОТИВ ФУЛТОНА

Век XIX начался эпохой наполеоновских войн, его побед, завоеваний и поражений. Неизбежно, что и в нашей книге многие очерки будут так или иначе связаны с французским императором.

И первый из них охватывает всю эпоху — началась эта история в те дни, когда молодой генерал Бонапарт лишь начинал свои завоевания, а закончилась в последние годы его жизни.

Лет пятнадцать назад в Лондоне проходил аукцион Кристи. И на нем продавались вещи Наполеона, собранные одним из его английских почитателей.

Среди вещей были шахматы. Достоверно известно, что французский император в последние годы жизни на острове Св. Елены в них играл. Шахматы были сделаны из нефрита, фигуры тяжелые, как гири. Когда император впервые их увидел, он сказал, что шахматы слишком массивные, а он не подъемный кран, чтобы их поднимать. И вообще, откуда они взялись?

И тогда личный врач императора, Барри О'Мара, сказал, что купил их по случаю, очень дешево, у матроса со стоящего в гавани китайского корабля. И если они императору не подходят, он отнесет их к себе домой.

*Даже на вершине славы
Наполеон редко улыбался*

— Погоди, — сказал император. — Я попробую...

Вечером доктор пришел к императору вновь. Тот с увлечением двигал фигуры.

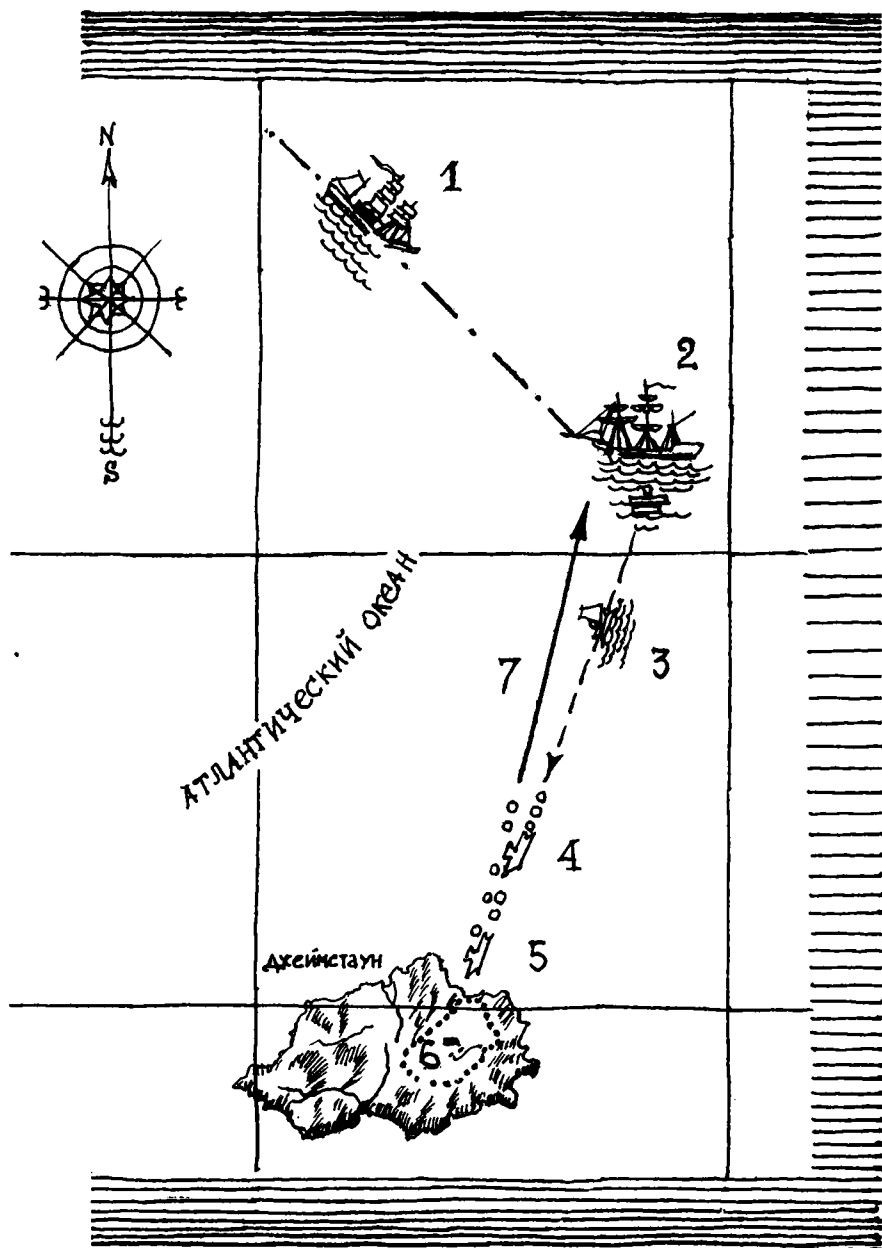
С тех пор Наполеон играл только в эти шахматы.

А через несколько дней произошла странная встреча. Когда Наполеон гулял по берегу, к нему подошел китайский моряк и заговорил с ним в тот момент, когда охранявший императора английский офицер отстал, отвлеченный дракой двух китайцев.

Что сказал китаец императору и почему у Наполеона в тот день было такое хорошее настроение, его тюремщики так и не догадались.

А мы с вами знаем.

Когда в наши дни новый владелец шахмат стал их внимательно рассматривать, он увидел, что одна из фигур развинчивается. А в ней обнаружился полуистлев-

ший листок бумаги, где был нарисован план части острова и значки, которые изображали корабль и его путь к острову. Судя по схеме, корабль должен был подойти к острову и остановиться в нескольких милях от берега.

Но что означал пунктир — линия, соединяющая корабль и берег?

Путь лодки?

Но кто рискнет везти императора в лодке на расстояние нескольких миль, если возле бухты, где стоит его дом, всегда дежурят два английских фрегата, которые перехватят любую лодку?

Бумажка, спрятанная в шахматной фигуре, является первым доказательством того, что Наполеон был посвящен во все детали заговора и знал, куда ему направиться, когда к берегу подойдут его друзья.

А началась эта таинственная история за пятнадцать лет до того, когда все участники драмы были молоды и полны надежд — и революционный французский генерал Бонапарт, и талантливый изобретатель, американец Роберт Фултон, который поселился во Франции,

Таким намечался побег Наполеона с острова Святой Елены:

- 1. Из Америки приближается корабль с «Наутилусом» на борту*
- 2. Здесь «Наутилус» спускают в море*
- 3. Своим ходом «Наутилус» незаметно приближается к острову*
- 4. «Наутилус» подходит к берегу в месте обычных прогулок императора*
- 5. Наполеон видит сигнал с «Наутилуса», заговорщики высаживаются на берег*
- 6. Обезоружив охрану, заговорщики сажают императора в «Наутилус»*
- 7. На безопасном расстоянии «Наутилус» всплывает и выходит на встречу с кораблем. Корабль берет курс на Америку*

так как принадлежал к тем американцам ирландского происхождения, которые поддерживали демократическую Францию и готовы были отдать ей свои знания.

Фултон знал о генерале Бонапарте и хотел с ним встретиться, потому что надеялся получить у него поддержку своих необычных проектов.

Первым изобретением, с которым Фултон обратился к французам, был «ныряющий корабль», то есть подводная лодка, которую он изобрел за сто лет до того, как подводные лодки появились на вооружении флотов.

Специальная комиссия Французской академии рассмотрела проект Фултона, и он произвел на ученых такое впечатление, что в заключении комиссии говорилось: «Машина, безусловно, остроумна, а предлагаемое оружие невидимо и ужасно».

Фултон тут же приступил к трудной работе. И в мае 1800 года первая и слишком рано родившаяся подводная лодка была готова.

В длину она достигала семи метров, в ширину — двух.

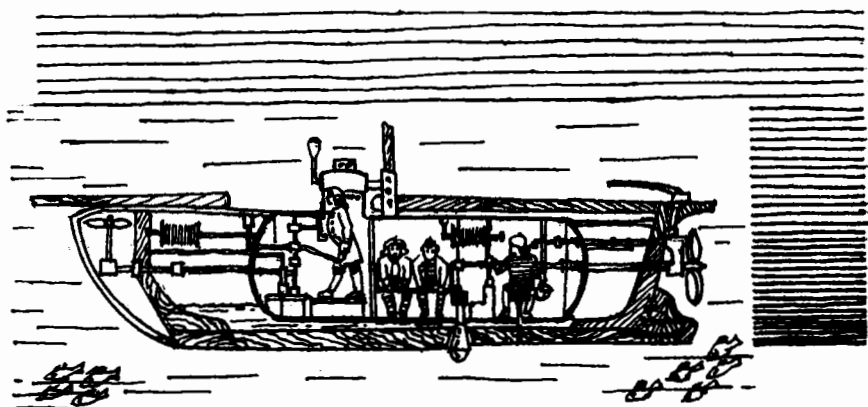
В корпусе было три иллюминатора, а двигалась лодка с помощью большого винта, который крутили два матроса.

Подводная лодка, названная «Наутилусом», была отбуксирована в Париж. Фултон на глазах огромной толпы опустил в люк, и, когда вода заполнила цистерны, странный корабль на глазах у изумленной и недоверчивой публики медленно утонул.

Но оказалось, что ничего страшного не произошло. Просто сбылась мечта человечества — человек стал подобен рыбе.

Память об этой подводной лодке сохранилась до наших дней. Вы ведь помните, что именно так называли корабль капитана Немо в романе Жюль Верна?

Мы считаем Фултона изобретателем парохода. Это действительно так. Гениальный изобретатель постро-

«Наутилус-2» в разрезе

ил первые в мире пароходы и даже начал пассажирские перевозки. Но это будет позже. Начал-то он с постройки подводной лодки!

Самое удивительное то, что подводная лодка Фултона отлично плавала. Когда англичане узнали о первых испытаниях «ныряющего корабля», в Адмиралтействе перепугались. Еще бы — такое оружие грозило изменить все существующие правила ведения морской войны!

Фултон не остановился на испытаниях в Париже. Он вышел на своем «Наутилусе» из порта Гавр и проплыл пятьдесят миль по морю, прикрепив к лодке пороховые мины, чтобы подрывать корабли англичан. «Наутилус» был настолько замечательно спроектирован и построен, что в конце 1800 года он пробыл в подводном положении шесть часов! И его команда не почувствовала удушья или неудобств.

Во время испытаний в Бресте в присутствии всех членов Академии и командования французского флота Фултон опустил на глубину десять метров, подошел к стоявшему на рейде списанному фрегату, подвел под днище корабля мину и взорвал ее. Только щепки полетели во все стороны!

Все были в восторге.

Кроме Наполеона.

Он знал об успешных испытаниях «Наутилуса». Но когда после испытаний Фултон пришел к нему, генерал согласился оплатить все расходы великого изобретателя, но строить подводные лодки отказался. Удивительная причина отказа: подводные лодки, с точки зрения Наполеона, были варварским оружием.

— Ступайте, господин Фултон, — сказал он. — Ваше изобретение годится только для алжирских пиратов. Мы в нем не нуждаемся.

Вот таким гуманистом оказался Наполеон!

После него подобных полководцев уже не было.

Но вот прошло пятнадцать лет. За эти годы в жизни обоих героев нашего рассказа произошло очень многое. Оба прожили и завершили свою жизнь.

Фултон уехал в Америку, построил свои пароходы, стал знаменитым и умер совсем не старым в 1815 году.

Наполеон построил великую империю, победил всех европейских монархов, но, когда они объединились, был ими разбит. После окончательного поражения при Ватерлоо в 1815 году его сослали на остров Св. Елены в Атлантическом океане. В том же году, когда умер Фултон, Наполеон тоже умер как политик. Он проживет еще шесть лет на острове, но вырваться оттуда не сможет.

Но хотел ли он убежать со Св. Елены?

Оказывается, такие попытки делались. Находились соратники и союзники императора, которые хотели ему помочь, тем более что существовали слухи, возможно и не лишённые оснований, что ссыльного императора медленно отравляют.

И тут возникает загадка нефритовых шахмат.

Брат Наполеона, Жозеф, успел укрыться в Америке, где возле Нью-Йорка основал колонию бонапартистов. Туда съезжались сторонники Наполеона со всего света.

*Наполеон часто выходил
на берег острова, будто
старался увидеть
Францию*

Деньги у Жозефа были, и он не скрывал своего намерения спасти старшего брата.

Рядом с колонией находилась фирма наследников Фултона, которая строила пароходы. Так вот, в ее доках, судя по имеющимся сведениям, строился новый «Наутилус», так решительно отвергнутый когда-то Наполеоном.

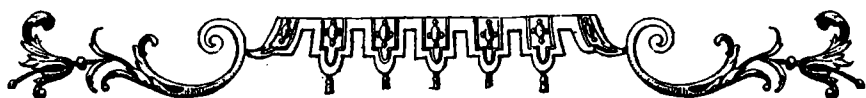
Считается, что руководил операцией известный авантюрист, капитан Джонсон. Он должен был доставить

подводную лодку к острову Св. Елены на американском судне. Там «Наутилус» планировалось спустить на воду, чтобы он незаметно подошел к берегу, где его уже ждал Наполеон. В то же время камердинер ссыльного императора ложился в постель своего господина и отворачивался к стене. Благо в спальне больного Наполеона всегда было полутемно.

Вернее всего, приготовления подходили к концу, но императору стало хуже, и в мае 1821 года он скончался.

Так не повезло первому изобретению Фултона. Наполеон запретил подводную лодку как орудие войны, но не успел воспользоваться ею как средством спасения.

Лишь через сто лет подводные лодки стали обычными гиенами войны и стали куда больше похожи на «Наутилус» капитана Немо, чем на маленькие «Наутилусы» Роберта Фултона.

ПРОПАВШИЙ ПОСОЛ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БЕНДЖАМИНА БАТХЕРСТА

К 1809 году Наполеон не единожды перекроил карту Европы, заключил столько противоречивых союзов и нарушил столько мирных договоров, что даже дипломаты, которым все положено знать, порой путались в лабиринтах политических интриг. Зато тайным агентам было приволье.

В то же время наполеоновские войны завершили эпоху джентльменских войн XVIII века, жестоких по отношению к крестьянам, на землях которых велись кровавые и бессмысленные битвы, но с соблюдением обязательных правил поведения для благородной элиты. Наполеоновский генерал мог рассчитывать на милость победителя и на безопасность плена, так же как и его противник. Это не означает, что исключений не существовало — но это случалось уже позже, когда вернувшиеся к власти роялисты стали мстить давным-давно сгинувшей в истории Французской революции и не простили верности Наполеону, за что и был расстрелян маршал Ней, не ставший предателем.

И все же уверенность в том, что благородный человек среди благородных людей не пропадет, существовала. И посол Его Величества короля Великобритании ко двору Священной Римской империи, другими словами

*Бенджамин Батхерст,
молодой дипломат*

Австрии, сэр Бенджамин Батхерст, тридцатилетний красавец, умница, талант и к тому же кузен министра иностранных дел Англии, разделял эту точку зрения. Что, впрочем, не мешало ему проявлять крайнюю осторожность.

В ноябре он возвращался в Англию из Вены и вез с собой важные документы. Австрия была недавно разбита Наполеоном при Ваграме, ей навязали унижительный мирный договор, который австрийскому императору уже не казался слишком унижительным, поскольку тот склонялся к мысли выдать дочку за Наполеона. Напо-

леону к тому времени уже надоела его незнатная жена, ошибка молодости, когда он и не подозревал, что станет императором. Впрочем, пока он не решался породниться с Габсбургами, хотя они и были самым древним родом среди прочих королевских родов Европы. Ему хотелось жениться на русской принцессе и вместе с Россией делить мир. Но союз с Россией расползался по швам, и с русской принцессой ничего не получалось.

Англия оставалась единственным стойким и несгибаемым противником Наполеона. Не помогала ни блокада, ни уничтожение союзников Великобритании, ни полная ее изоляция. Остров был неприступен, и Наполеон не смел ринуться на него. Но Англии приходилось нелегко. Ей не помогла даже Трафальгарская победа.

Так что возвращения посла из Вены в Лондоне ждали с нетерпением. Именно от его сведений во многом зависело, как будет строить свою политику Англия в ближайшие месяцы.

Как уже говорилось, для благородных людей война препятствием в дороге не была, и по Австрии посол ехал открыто и безбоязненно. Тем более что между Австрией и Францией наступило перемирие. Но дальше путь посла лежал на север, через немецкие земли, также оккупированные французами, а в Гамбурге он намеревался сесть на корабль, откуда до дома рукой подать.

События, о которых будет рассказано в этом очерке, произошли в субботу, 26 ноября 1809 года. Так как путь от Берлина, где посол остановился у своего коллеги, был самой опасной частью путешествия, Батхерст попросил коллег изготовить для него и его слуги фальшивые паспорта. Кроме единственного проверенного слуги, посол никого брать с собой не стал, полагая, что главное — быстрота и незаметность. Два скромных путешественника по торговым делам не должны были вызвать подозрения у немецких властей и французских шпионов.

*Гвардейский конный
жандарм французской
армии и курсант военной
школы в Сан-Суси
(1804–1830)*

Итак, в субботу, покрыв половину расстояния от Берлина до Гамбурга, сэр Батхерст добрался до небольшого городка Перлеберга. Там поменяли лошадей и отобедали.

В карете, кроме англичанина и его швейцарского слуги, ехали еще два человека, имен которых история не сохранила.

Пообедав и сменив лошадей, путники решили отправляться дальше. Слуга проверил, хорошо ли привязаны сундуки и чемоданы на крыше, а посол гулял вокруг кареты.

Представьте себе: карета стоит посреди большого двора гостиницы, кучер и его помощник уже влезли на

облучок, два спутника посла уселись и ждут, когда карета тронется, слуга, убедившись, что вещи закреплены надежно, тоже влезает в карету. Пора ехать.

А где же господин Бауэр (под таким именем путешествовал посол)?

А его нет!

Может, он что-то забыл в гостинице и вернулся туда?

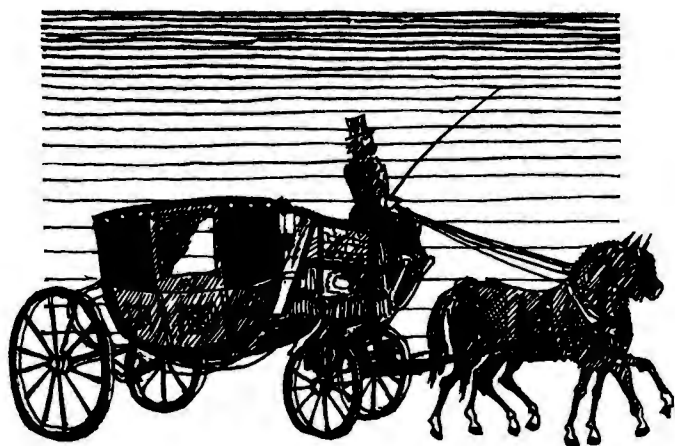
Слуга поспешил в гостиницу. Нет, сказали ему, ваш господин сюда не заходил.

Но не мог же он провалиться сквозь землю! Мы не в лесу стоим, а посреди вашего двора!

Началась суматоха. Кричали, звали, бегали...

Потом сгрузили вещи, карета уехала. Имен попутчиков так никто и не узнал, а слуга поспешил к герру Клитцингу — коменданту Перлеберга.

Когда слуга стал рассказывать, каким образом исчез его спутник, капитан Клитцинг, к его удивлению, ответил, что знает о приезде гостей, потому что два часа назад один из пассажиров попросил двух солдат, чтобы охранять карету до Гамбурга, поскольку он опасается нападения.

Карета была пуста...

— Почему же герр бургомистр не отправил солдат? — спросил растерянный слуга.

Потому что когда они пришли в гостиницу, тот же господин сказал, что нужда в них пропала, чем весьма рассердил герра бургомистра. Его солдаты — не мальчики на побегушках!

Сначала взявшийся за это дело всерьез капитан Клитцинг допросил слугу, потому что заподозрил, что господина Бауэра ограбили и убили. Слуга сообщил, что его господин был одет в очень дорогую соболиную шубу с бархатной фиолетовой подкладкой и у него был кошелек с крупной суммой денег.

Капитан сразу же арестовал гостиничного слугу, чья репутация оставляла желать лучшего, а тем временем его солдаты начали обыскивать саму гостиницу и все строения по соседству.

И к вечеру в сарае нашли зарытую в сено соболиную шубу.

Гостиничного слугу отпустили, но дело не продвинулось. Если посла похитили, то с него могли снять шубу, которая мешала его увести. Если убили — зачем снимать шубу? Но главное, версия об ограблении отошла на второй план.

Стемнело, и поиски прекратили до утра. Слуга отправил срочное письмо в посольство в Берлине.

С утра в воскресенье капитан мобилизовал рыбаков. Они вышли на лодках в реку Штепниц и начали прочесывать ее баграми. Рыбаки ничего не нашли. Капитан куда-то исчез и вернулся только к вечеру. Был ли он в Берлине у своего начальства или съездил к французскому генералу, командовавшему оккупационными войсками, неизвестно. Однако, вернувшись, капитан уже знал, кто скрывался под псевдонимом Бауэр. Теперь разговор шел об английском после.

Тогда слуга признался, что у посла был портфель с документами, которые он вез из Вены и которые оберегал гораздо тщательней, чем деньги и даже шубу.

После этого капитан удвоил усилия. Солдаты обыскивали соседние деревни, весь город был взбудоражен, но следов посла не обнаруживалось.

Через два дня случилась неожиданная и бессмысленная находка. Женщина, которая собирала в лесу хворост, увидела на тропинке брюки, которые слуга опознал как принадлежавшие послу. Брюки были прострелены, но никаких следов крови на них не нашли. Капитан сошелся во мнении со слугой, что на самом деле они были прострелены после того, как их сняли с посла. И вернее всего, они являются ложным следом.

В общем, брюки никуда не привели.

Герр бургомистр стал внимательно обследовать брюки и обнаружил, что в кармане лежит свернутый в комочек клочок тонкой бумаги. Это оказалось письмо посла к жене, причем содержание его было совершенно непонятным. Посол писал жене, что больше никогда ее не увидит и виноват во всем проклятый граф д'Энтрего. Но нельзя было понять, когда посол написал эту записку. То ли после обеда, зайдя на почту, располагавшуюся по соседству с гостиницей, то ли уже после исчезновения. Впрочем, оба варианта были загадочными и непонятными.

Когда английское правительство узнало об исчезновении такой важной фигуры, как посол, и, главное, его документов, была объявлена награда в тысячу фунтов стерлингов за сведения о сэре Батхерсте. Его богатая семья удвоила награду. Но никаких новостей не последовало. За деньгами никто не явился.

На следующее лето молодая жена посла, которая не могла пережить его исчезновения, поехала в Перлебург сама. Путешествовать по тылам наполеоновской армии

молодой красивой женщине в одиночку не следовало, но дело в том, что леди Батхерст, прежде чем отправиться в путь, приехала к самому Наполеону, добилась у него приема, и тот дал ей собственноручное письмо ко всем военным и гражданским лицам, в котором просил оказывать всяческое содействие. Это был мандат, открывавший перед молодой дамой все двери.

Леди Батхерст опросила всех, кто мог иметь отношение к событиям того дня, узнала множество различных версий — от самоубийства на почве несчастной любви до страшной растраты, которая также привела к самоубийству. Но всей этой чепухе она не верила. Ее заинтересовал рассказ одного немецкого чиновника. Он был по делам в Магдебурге, и начальник тамошней тюрьмы

показывал ему свои владения. Указывая на башню крепости, в которой содержались опасные заключенные, начальник произнес: «Все ищут английского посла, а он у меня вон там сидит».

Леди Батхерст кинулась в Магдебург и направилась к начальнику тюрьмы. Тот был растерян. Сначала он отказывался от своих слов, потом вроде бы вспомнил, что и в самом деле их произнес. И сказал примерно так: «К сожалению, я ошибся. Этот заключенный вовсе не английский посол». Больше ничего леди Батхерст узнать не удалось, и попытка ее попросить свидания «не с тем» заключенным ни к чему не привела, потому что это было против правил.

*Цветочница времен
Первой империи*

Когда она вернулась в Англию, так ничего и не узнав о судьбе мужа, ей сообщили, что ее посетил некий граф д'Энтрего. Именно это имя содержалось в странной записке, найденной в брюках посла.

Граф явился с визитом и крайне не понравился леди Батхерст. Через свои связи в Министерстве иностранных дел она узнала, что он — двойной агент, служит сразу и английской, и французской разведкам и ни одному его слову верить не следует.

И все же леди Батхерст решила поговорить с графом, полагая, что в министерстве ее могли обмануть, не желая, чтобы она с ним виделась.

Граф произвел на нее крайне неприятное впечатление. Наглость в нем была смешана со лстивостью. Он нуждался в деньгах и пообещал, что, если леди Батхерст возьмет на себя оплату расходов, он может тайком съездить в Пруссию и пробраться в Магдебург, где в тюрьме содержится несчастный посол.

Леди Батхерст сказала, что ей хотелось бы получить какое-нибудь доказательство того, что граф был знаком с ее мужем и что ее муж жив.

Граф с готовностью согласился представить доказательства, а заодно и список возможных расходов на поездку и подкуп тюремщиков.

Договорились, что граф вернется через два дня.

Леди Батхерст снова кинулась к министру иностранных дел с требованием вызволить мужа из Магдебурга, но ей доступно объяснили, что в Магдебурге его нет и не было, а предложение графа — чистейшей воды ложь, направленная на то, чтобы выманить у нее побольше денег, в которых граф весьма нуждается.

Так ничего и не добившись, леди Батхерст решила все же заплатить графу. Но в назначенный день он не пришел.

А днем позже стало известно, что на него совершено покушение.

Оказалось, что три дня назад от графа неожиданно ушел слуга и тот нанял нового, француза, который вовремя предложил свои услуги.

Вечером граф с молодой женой направлялись в театр. Как только они вышли из дома, поджидавший их слуга пронзил сердце женщины кинжалом и она умерла на месте. Граф кинулся наверх, в спальню, где хранил свои пистолеты, французский слуга — за ним. В спальне раздался два выстрела. Когда остальные слуги вбежали в комнату, они увидели два тела. И граф и слуга были мертвы.

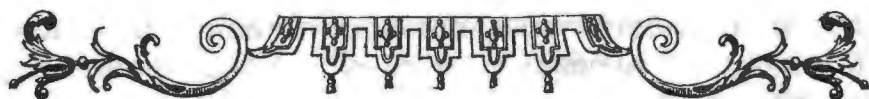
Так магдебургская тайна и не была раскрыта.

В Англии считали, что посла выкрала французская разведка, чтобы овладеть документами, которые он вез. Но остается непонятным, как слуга посла и другие пассажиры, которые его ждали, ничего не услышали и не увидели. Ведь, по их утверждению, во дворе было тихо и пусто. «Исчезновение посла кажется магическим, — писал немецкий современник тех событий. — Кажется, что земля беззвучно расступилась и поглотила его, а затем сомкнулась вновь, не оставив и следа».

В то же время английские историки считают, что не было нужды убивать посла, достаточно было украсть или отнять портфель с документами и не рисковать крупным скандалом.

Я бы сказал, что историки не правы. Одно дело бумаги, которым далеко не все можно и хочется доверять. В голове у посла хранилось много тайн, в которых был заинтересован сам Наполеон, намеревавшийся породниться с австрийским императором.

Но в архивах французской тайной полиции и военной разведки не сохранилось никаких упоминаний об этой операции. Впрочем, могло быть указание: «Никаких следов не оставлять. Послов не крадут!»

ОБОГНАВШИЙ ВРЕМЯ

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

Знаете ли вы, что любое великое изобретение появлялось на свет множество раз? История, как неопытный стрелок, неоднократно палила в цель и все промахивалась... пока не научилась стрелять.

Паровой двигатель был известен древним грекам, а нужды в нем не возникло. И он остался игрушкой, диковинкой, каких было немало в храмах, потому что жрецы знали много секретов, но хранили их от непосвященных. А можно привести еще более невероятный пример. В Америке до появления Колумба возникали, расцветали и гибли сотни удивительных цивилизаций. Но ни одна из них не знала колеса! Казалось бы, чего проще? Ребенок изобретет. Так вот, у древних американцев были детские игрушки, повозки на колесах, чтобы малышам легче было возить их по дому. Но ни одному мыслителю тех времен не пришло в голову взглянуть на игрушку своего сыночка, изготовить большое колесо, встать на колесницу и разгромить всех врагов.

Должна возникнуть большая нужда, чтобы люди пустили в дело паровоз, самолет или бормашину.

Чаще всего нужда в изобретениях возникает во время войны. Война куда энергичнее подталкивает

прогресс, чем мирные времена. Самолет изобрели братья Райт в начале XX века, но авиация появилась именно в Первую мировую войну. Тогда же взрвали танки и стали грозой морей подводные лодки. До тех пор пока самолеты соревновались в скорости на спортивных состязаниях, больших перемен не наступало. Но когда речь зашла о том, чтобы догнать вражеский бомбардировщик или улететь от истребителя, все изменилось.

Именно в Первую мировую войну изобретение немецкого инженера Цеппелина, известное у нас под названием дирижабля, стало страшным воздушным оружием. Цеппелины совершали налеты на Лондон и Париж, а через несколько лет после войны они уже перелетали через Атлантический океан.

Цеппелин построил первый дирижабль — то есть воздушный корабль легче воздуха, который, в отличие от воздушного шара, мог лететь, куда ему прикажет пилот, поворачивать, увеличивать и уменьшать скорость, независимо от ветра. Для этого воздушный шар принял форму сигары, изготавливался из легких, но твердых материалов и снабжался винтами, которые толкали его вперед.

Прежде я думал, что дирижабль изобрели гораздо раньше, чем его придумал Цеппелин. А сделал это Жюль Верн, который написал роман «Робур-завоеватель». И на иллюстрациях к этому роману был изображен воздушный корабль, похожий на цеппелин, только со множеством винтов, а вместо гондолы во всю длину сигары была устроена платформа, по которой и гуляли члены экипажа.

Но различие между Жюлем Верном и Цеппелином заключалось в том, что писатель много читал, слышал, думал и потому домыслил то, что уже разрабатывали конструкторы. Он ничего не смог бы построить, да и

никто не построил бы воздушный корабль по описанию французского писателя.

Значит, были изобретатели дирижабля до Жюль Верна?

Разумеется.

И с этим связана одна из любопытных тайн начала XIX века.

В 1812 году в Московском университете обучался любознательный студент из обрусевших немцев по фамилии Шнайдер. Он снимал комнату у торговца сукном и портного Данкварта. Однажды Шнайдер был в магазине своего квартирного хозяина и увидел, как туда вошли два незнакомых господина. Один из них подошел к Данкварту и сказал:

— Представляю вам моего друга доктора Шмидта. Мы украли из Австрии сорок рабочих, и нам нужно их одеть. Есть ли у вас хорошее серое сукно?

Можете вообразить, как насторожился романтически настроенный студент! Кто-то крадет рабочих в Австрии и одевает их в Москве!

За обедом Шнайдер спросил Данкварта, кто эти странные господа.

— Со мной разговаривал капитан Фейхнер, — ответил Данкварт. — Мы с ним договорились, что я сошью из сукна одежды и доставлю их на дачу Репнина для господина Лейпиха.

Тайна усугублялась. Репнин был одним из самых влиятельных вельмож России, приближенный к императору Александру.

Прошло несколько дней. В Москву зачем-то приехал император.

На следующий день Шнайдер случайно увидел, как коляска государя направилась к Калужской заставе в сторону дачи Репнина в селе Воронцове.

*«Властитель слабый
и лукавый» — император
Александр I*

Шнайдер рассказал об этом Данкварту, и тот вовсе не удивился, а заметил:

— Я только что с этой дачи. Отвозил туда заказ. И чуть было не столкнулся там с императором.

— А что там делают сорок рабочих? — спросил любознательный Шнайдер.

— Сорок? Да там сотни рабочих! Там готовится новое оружие, — поведал студенту государственную тайну торговец. — Сам император каждодневно осведомляется, как идут дела. А во главе стоит вюртембергский инженер Франц Леппих.

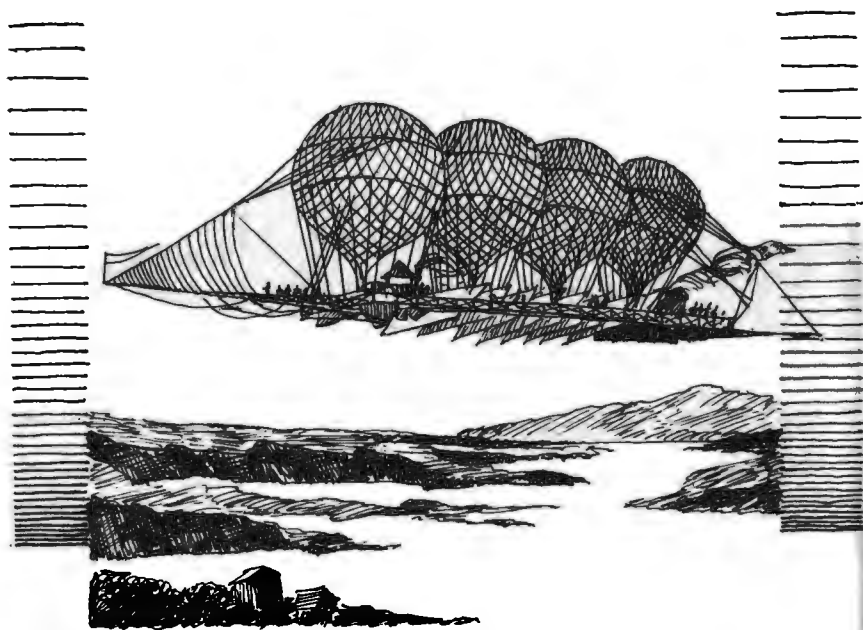
— Вы еще поедете туда?

— Разумеется. Я получил новые заказы.

— Умоляю, возьмите меня с собой. Я сгораю от любопытства.

— Ради бога, — согласился Данкварт, — но надеюсь, что вы будете вести себя пристойно и не станете совать свой нос, куда не следует.

Впоследствии Шнайдер вспоминал, что дача Репни-на тщательно охранялась и, чтобы попасть туда, надо было миновать несколько караулов. Но у Данкварта

*Один из проектов
управляемого аэростата начала XIX века*

был пропуск, выписанный самим Леппихом, и по нему стража пропустила гостей.

Леппиха в тот воскресный день в мастерских не было, он упражнялся в стрельбе в саду. Все великолепные залы дворца были превращены в мастерские и завалены разными материалами и инструментами.

К Шнайдеру подошел рябоватый господин и сказал:

— Не слишком ли вы любопытны, молодой человек?

— Ах, — соврал Шнайдер, — я мастеровой Данкварта.

— Не врите. Вы же каждый день гуляете по Ордынке с господином Грибоедовым.

Оказалось, что Шнайдера выследил доктор Шеффер, доверенное лицо Леппиха. Он доверился студенту и объяснил тайны дачи Репнина так: «Здесь пригото-

Развлечения горожан — «русские горки»

ляется воздушный шар, которого движения посредством крыльев можно управлять по произволу. Он подымет ящики с разрывными снарядами, которые, будучи сброшены с высоты на неприятельскую армию, произведут в ней страшные опустошения».

Историк Лев Вяткин занимался историей изобретения Франца Леппиха. Он рассказывает, как все началось.

Оказывается, за сто лет до Цеппелина и больше чем за пятьдесят до романа Жюль Верна инженер из Штутгарта изобрел дирижабль. Во всем мире воздушные шары были игрушкой потоков воздуха, в то время как сигарообразное детище Леппиха, снабженное «веслами» для управления, могло развивать скорость до сорока километров в час.

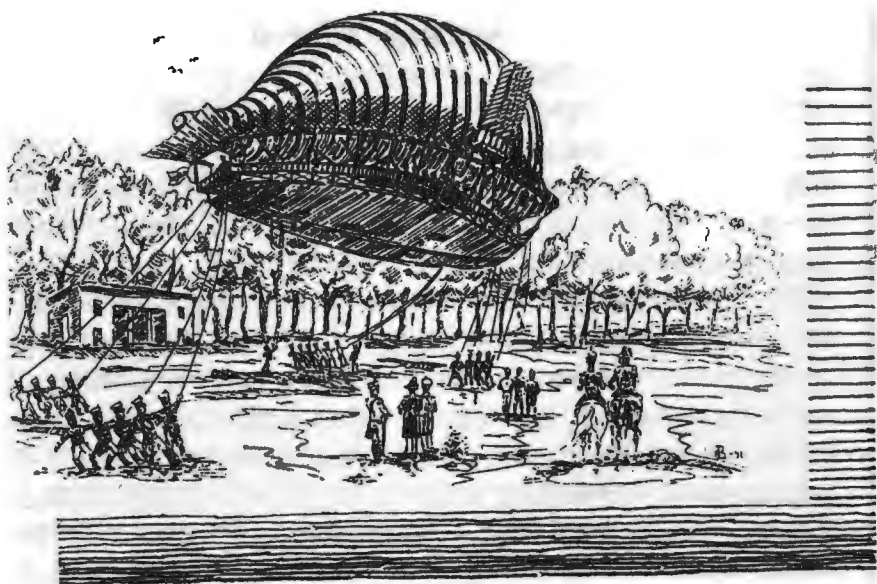
*Недоброжелатель
изобретателя — граф Аракчеев*

Об этом изобретении узнал русский посланник в Вюртемберге и отправил срочную депешу в Петербург. Александр I, который со дня на день ожидал вторжения Наполеона, решил, что управляемый воздушный корабль поможет ему победить французов. Он внимательно изучил проект Леппиха и приказал ни в чем не отказывать инженеру.

Разумеется, у Леппиха тут же появился опаснейший враг, который впоследствии его и погубил. Это был второй человек в государстве, граф Аракчеев. Аракчеев никогда не оставлял императора в одиночестве. Он заявил, что «эта штука никогда не полетит!». Император не очень церемонился со своим фаворитом и ответил просто: «Пошел вон, дурак!» В этот момент Леппих обрел безжалостного врага, который умел выжидать своего часа, как паук в паутине.

В Штутгарт была немедленно отправлена депеша — привезти в Москву изобретателя и его помощников. На даче Репнина начались работы. Каждый шаг в работе был новым, все приходилось изобретать заново. Представьте себе, что дирижабль был 60 метров в длину и 165 метров в диаметре. Именно такой объем водорода мог, по расчетам Леппиха, поднять корабль в небо. Двадцати метров в длину достигала гондола, в которой должны были уместиться сорок человек экипажа, от бомбометателей и пилотов до матросов, управлявших веслами. Корабль собирались снабдить боевыми ракетами, стрелявшими почти на три километра.

Но времени оказалось слишком мало. Леппих въехал в Россию 1 мая 1812 года. Только к концу месяца сто пятьдесят плотников и кузнецов начали работы. А теперь попытайтесь представить, сколько надо было заготовить емкостей для получения водорода, сколько материи пошло на оболочку и сколько смолы потребовалось для ее пропитки, как сложно было выковать шпангоуты

Таким был летательный аппарат Франца Леппиха

и сделать рессоры, чтобы при посадке корабль не развалился. Вот эти рессоры и стали камнем преткновения — такие они получились тяжелые.

Работы только начинались, а армия Наполеона уже вторглась в Россию. Работы были в полном разгаре, а Наполеон подошел к Бородину. 8 августа император приказал Кутузову готовиться к встрече Леппиха. За четыре дня до Бородинского сражения Кутузов сообщил, что все готово для приема «еростата».

Леппих работал днем и ночью. Репнин писал императору, что готов подняться в воздух вместе с изобретателем. Все поля вокруг дачи были уставлены бочками с серной кислотой и железными опилками, шла реакция, и водород перекачивали в оболочку. Но наполнялась она слишком медленно. Наконец, не в силах ожидать далее, Леппих поднял свой корабль в воздух с неполной командой. Корабль летел и слушался рулей,

но когда после испытаний он садился, рессоры подвели и пришлось их чинить.

И тут пришла роковая весть: русские войска отступают, Москва будет сдана французам.

Пришлось эвакуировать «еростат». Репнин добыл для Леппиха 136 подвод, на которые и был погружен спешно разобранный корабль.

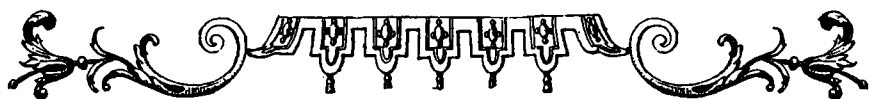
Последние телеги еще выбирались с дачи Репнина, когда в имение вступил авангард великой армии.

Наполеон, который отлично знал о работе Леппиха, почти немедленно приказал генералу Лауэру скакать на дачу, чтобы захватить воздушный корабль. Корабля генерал не обнаружил, но докладывал: «Обнаружена лодка, которая подвешивалась к воздушному шару, но которая была сожжена до вступления наших войск в Москву... В помещениях строения найдено 70 бочек и 6 особых чанов, из которых добывался водород». Озлобленный собственным опозданием генерал Лауэр приказал арестовать всех мужчин, что оставались в усадьбе. Шестнадцать человек из них были объявлены поджигателями и расстреляны.

Тем временем Леппих добрался до Ораниенбаума под Петербургом, где ему были выделены сараи и дома для восстановления корабля. Он провел несколько испытательных полетов, но беда его заключалась в том, что император, ему покровительствовавший, был за границей, в Париже, а «за него» оставался Аракчеев, злейший враг изобретателя. Аракчеев приказал остановить опыты и выслал Леппиха из России. На этом следы его обрываются.

А тут и война кончилась. А раз кончилась война, некому было финансировать создание воздушного корабля.

И изобретение перешло в разряд несвоевременных.

ДВЕ НАХОДКИ АДМИРАЛА

ЯБЛОКО В РУКЕ ВЕНЕРЫ

Сименем этого французского адмирала связаны два открытия, вернее, две находки. О находках вы наверняка слышали, а имени адмирала не знаете.

Завязка первой из тайн приходится на 1785 год.

Открытия капитана Кука, который, прежде чем его убили островитяне в Тихом океане, за три года успел сделать важнейшие открытия в тропических морях и «застолбить» за Англией неизвестные раньше земли, вызвали большой интерес во Франции, давней сопернице Англии. И пока англичане не успели все открыть и захватить, в кругосветное путешествие отправился опытный капитан Лаперуз. В состав экспедиции входили два фрегата, «Буссоль» и «Астролябия». Названия кораблей подчеркивали мирные задачи экспедиции.

Три года Лаперуз бороздил Тихий океан, побывал, кстати, на Сахалине и на Камчатке. Первые полтора года прошли без приключений, потому что экспедиция была хорошо подготовлена, на кораблях находилось немало ученых, даже больных среди матросов не оказалось. Но летом 1787 года, когда исследователи промеряли глубины бухты у берегов Аляски, прибором

*Знаменитый мореплаватель XVIII века
Жан-Франсуа Лаперуз*

опрокинуло две шлюпки и погибло более двадцати моряков.

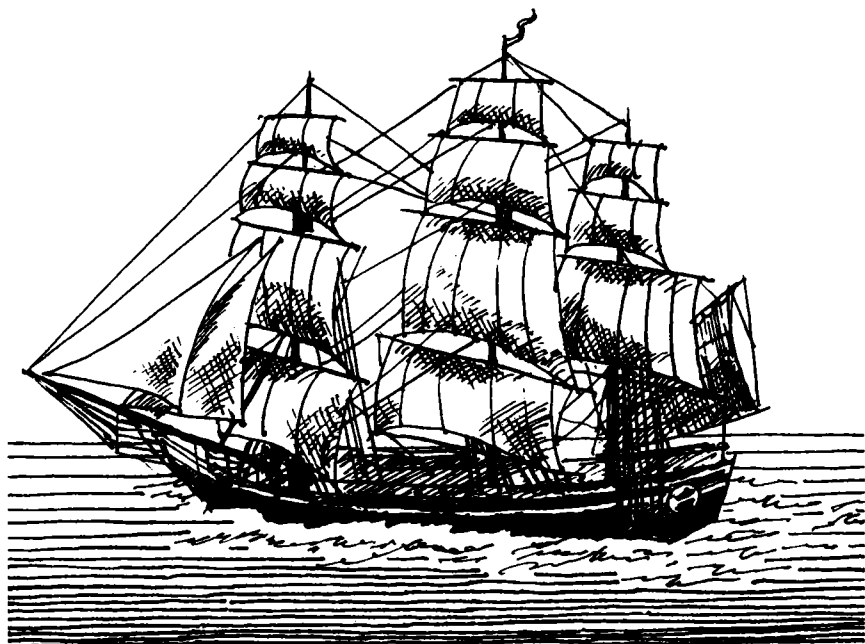
С тех пор экспедиции уже не везло. И хоть плавание продолжалось еще многие месяцы и Лаперуз открыл и нанес на карту десятки островов, число моряков все уменьшалось. Осенью того же года туземцы на Самоа напали на шлюпки, которые набирали пресную воду, и погибло двенадцать моряков, включая и капитана «Астролябии» де Лангля.

Еще через полгода корабли Лаперуза встретили у берегов Австралии английскую эскадру — англичане везли

каторжников. Эти семьсот пятьдесят человек должны были стать первыми колонистами. С англичанами Лаперуз отправил домой письма и отчеты, сообщил им, что намерен продолжить обследование островов Полинезии, и потом, как писал шотландец Томас Карлейль, «бесследно исчез в безбрежном синем океане».

Несмотря на то что во Франции в 1789 году произошла революция и, казалось бы, никому и дела не было до кругосветных путешественников, слава Лаперуза была так велика, что в 1791 году, когда стало ясно, что с ним случилось что-то ужасное, в южные моря отправилась спасательная экспедиция адмирала д'Антркасто.

Когда через много лет исследователи стали внимательно изучать действия адмирала, они обнаружили странную вещь: могло показаться, что д'Антркасто

«Астролябия» — корабль Лаперуза

и не хотел найти Лаперуза. Оказывается, адмирал даже не спрашивал у туземцев, видели ли они два больших корабля. Например, на острове Тонга помнили о заходе туда Лаперуза еще через тридцать лет после посещения острова французским адмиралом, а он не догадался об этом никого спросить, хотя и провел в гостях у тамошнего короля немало дней. А стоило расспросить островитян, и маршрут Лаперуза стал бы ясен. Наконец корабли д'Антркасто добрались до островка Ваникоро. Адмирал думал, что открыл его, и назвал остров Решерш, что означает «поиск». Самое удивительное то, что с корабля адмирала увидели столб дыма, который поднимался над островом, — так обычно призывают на помощь потерпевшие кораблекрушение. Но д'Антркасто решил, что подходы к острову опасны и пора возвращаться.

«Насколько прискорбно то обстоятельство, — пишет Жюль Верн, — что д'Антркасто не проявил в своих поисках больше рвения. Несомненно, он напал бы на следы соотечественников».

Экспедиция отправилась прочь от Ваникоро...

Шел 1792 год.

Прошло почти тридцать лет.

В 1819 году тридцатилетний французский офицер Дюмон-Дюрвиль попал на острова Греческого архипелага. Корабль, на котором он служил, стоял у небольшого острова Милос. Когда лейтенант сошел на берег и спрятался от жары в небольшом ресторанчике на берегу, к нему подошел подозрительного вида субъект и спросил, не хочет ли он купить Прекрасную Елену? Дюмон-Дюрвиль согласился и последовал за незнакомцем.

Дорога шла в гору, лейтенант уже проклинал погубившее его любопытство. Но тут субъект остановился

у загона для коз, где его встретил пожилой крестьянин. Он долго рассматривал молодого французского моряка, не веря в то, что это настоящий покупатель. Наконец все же смиростивился и провел лейтенанта в каменный сарай, где под слоем мусора лежала статуя. Абсолютно целая, сохранившаяся вплоть до последнего пальчика белая мраморная статуя такой совершенной и сказочной красоты, что Дюмон-Дюрвиль целый час не мог заставить себя уйти. Мрамор был теплым и живым, следы краски на зрачках и бровях Елены, казалось, были нанесены рукой самой красавицы. Одной рукой Елена придерживала легкую ткань одежды, в другой держала яблоко, которое, как сообщил темный субъект, подарил ей Парис.

Не ожидая ничего для себя радостного, Дюмон-Дюрвиль спросил, сколько крестьянин хочет за статую, и тот запросил цену ничтожную, но все же превышавшую годовое жалованье лейтенанта.

Дюмон-Дюрвиль понимал, что не может больше испытывать терпение крестьян. Он сказал, что привезет деньги. Он поклялся, что купит статую.

— Но учти, господин, мы не можем ждать долго, — сказал крестьянин. — Вся деревня, весь остров знает о статуе. Не сегодня завтра придет человек из Стамбула, и мне придется согласиться на его цену.

Дюмон-Дюрвиль кинулся к командиру французской эскадры. Он сообщил ему, что Франция обязана купить статую, прежде чем она достанется неизвестным дельцам и может сгинуть. Две с половиной тысячи лет она пролежала в земле на участке крестьянина и вновь увидела свет в начале XIX века. Неужели же мы дадим ей исчезнуть?

Дюмон-Дюрвиль был удивительным человеком. Он умел влиять на людей, убеждать их. Он был настойчив, как крот, и всегда добивался цели. Через полчаса после

начала разговора с лейтенантом командир эскадры уже был уверен, что именно он первым узнал о статуе и именно он принял решение сохранить сокровище для Французского королевства.

Но денег не было и у адмирала.

Представляете, этот лейтенант уговорил адмирала послать его той же ночью в Стамбул, где жил французский посол. Утром лейтенант был на аудиенции у посла.

Если ты сумел убедить адмирала, который в искусстве не понимает ровным счетом ничего, то образованного посла убедить еще легче.

Вечером на том же посыльном корабле, что привез в Стамбул Дюмон-Дюрвиля, вместе с лейтенантом на Милос уже ехал советник посольства, который разбирался в греческом искусстве, а главное — имел с собой мешочек с золотом, поскольку в посольстве имелись деньги на непредвиденные расходы.

Но когда французы добрались до козьего загона, их ждало глубокое разочарование.

Никакой Елены там не было. Крестьянин развел молистами руками: утром приезжал турецкий чиновник и купил статую.

Дюмон-Дюрвиль сразу понял, что единственная возможность сорвать сделку (а статую уже увезли в порт, чтобы отправить в Стамбул) — это попытаться перекупить Елену.

Узнав, сколько турок заплатил за находку (а заплатил он буквально гроши), Дюмон-Дюрвиль, с согласия дипломата, предложил сумму вдесятеро большую. И уже через несколько минут толпа крестьян во главе с прежним хозяином Елены мчалась к порту.

Турки как раз грузили статую на фелюгу. Крестьяне потребовали от турка увеличить плату. Тот конечно же отказался. И тут начался бой, в котором французский королевский флот не участвовал, но присутствовал.

В результате сражения статуя рухнула за борт. Началась эпопея по подъему ее наверх. Причем бои местного значения не прекращались, и до последнего момента не было ясно, кому же достанется этот шедевр. К тому же бухта оказалась глубокой и каменистой.

Неудивительно, что, когда наконец статую подняли и отбили у турок, оказалось, что она потеряла руки.

Их так и не нашли. По сей день.

Существует описание статуи, сделанное Дюмон-Дюрвилем, который объясняет, почему крестьяне сначала называли ее Еленой Прекрасной — они с детства

*Адмирал
Дюмон-Дюрвиль
отыскал место
гибели Лаперуза*

помнили о том, как Парис дарил яблоко, а потом женился на Елене. Но забыли, что яблоко досталось богине любви Венере.

С тех пор статуя стоит в парижском музее Лувр. Все давно уже забыли, кто ее нашел и при каких драматических обстоятельствах она попала в музей. Более того, существует масса версий, какими были руки этой статуи. Мне самому приходилось читать об этих версиях. Но ведь Дюмон-Дюрвиль не ошибался. И он видел яблоко в руке Венеры. И даже дотрагивался до него.

Если будете в ближайшее время в Париже, спросите любого француза: кто такой Дюмон-Дюрвиль? что он отыскал в Греции? в чем тайна Венеры Милосской?

Француз посмотрит на вас как на глупенького и ответит примерно так:

— Я ничего не знаю о том, как Дюмон-Дюрвиль отыскал какую-то там Венеру. Но я точно скажу, что адмирал Дюмон-Дюрвиль — великий французский путешественник, слава которого уступает лишь славе самого Лаперуза. Кстати, ведь это он раскрыл тайну гибели Лаперуза, не так ли?

Прошло шесть лет со дня находки Венеры Милосской. Ставший уже известным мореплавателем капитан Дюмон-Дюрвиль получил приказ отправиться в кругосветное путешествие. Ему предстояло исследовать острова Тихого океана и еще раз постараться разгадать тайну Лаперуза. Дело в том, что незадолго перед тем один американский китобой видел у туземцев шпагу и крест французского ордена, которые могли попасть туда после гибели французского офицера.

Дюмон-Дюрвиль поклонялся памяти великого Лаперуза. Он даже переименовал фрегат, на котором отправился в плавание, в «Астролябию» в честь корабля великого адмирала.

*Такой увидел деревню на острове Тонга
художник экспедиции Дюмон-Дюрвиля*

После долгого и удивительного плавания, за время которого упрямый Дюмон-Дюрвиль совершил немало открытий и внимательно осматривал все острова, где мог погибнуть Лаперуз, он пришел в порт Хобарт на острове Тасмания к югу от Австралии и узнал, что недавно там побывал английский капитан Диллон. Этот капитан посетил остров Ваникоро, к которому так и не подошел д'Антраксто, и увидел там вещи, оставшиеся после Лаперуза. Правда, этому Диллону никто не поверил. Никто, кроме Дюмон-Дюрвиля, который тут же взял курс на Ваникоро.

Остров Ваникоро окружен коварными коралловыми рифами, и подойти к берегу удалось с большим трудом.

Там Дюмон-Дюрвиль узнал, что Диллон был совершенно прав.

Оказывается, корабли Лаперуза разбились на рифах. Моряков с одного корабля перебили туземцы, а сам Лаперуз и команда «Астролябии» пять месяцев строили из обломков фрегата бот, на котором потом ушли в море и пропали бесследно. Но ушли не все. Несколько человек остались жить на острове. И последний из французов умер за два года до появления на Ваникоро Дюмон-Дюрвиля.

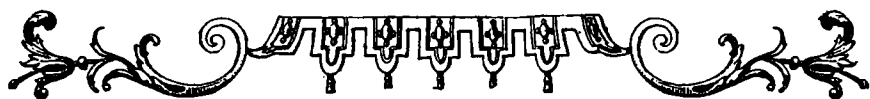
Представляете, как грустно было этим морякам увидеть корабль д'Антркасто, подавать ему сигналы, зажигая костры на холме, а потом увидеть, как французы разворачиваются, отказавшись от мысли высадиться на острове.

Тридцать пять лет они ждали помощи!

Дюмон-Дюрвиль опоздал.

Но он выяснил все обстоятельства гибели экспедиции и на том месте, где разбилась «Астролябия» Лаперуза, поставил памятник с надписью «Памяти Лаперуза и его спутников».

Еще много лет туземцы охраняли этот памятник. Когда к Ваникоро приставали корабли, гостей обязательно вели к скромной пирамиде, сложенной из камней.

ФИГУРЫ ИЗ НЕБЫТИЯ

ЮНОШУ ПРИКАЗАНО УБИТЬ!

Если с человеком связана жгучая, неразрешимая тайна, то желательно, чтобы человек этот был необыкновенным.

Король, лишенный трона...

Соперник узурпатора...

Лишний принц...

Если же нам говорят, что речь идет о слишком много знавшем лакее или камердинере, интерес к очередной «железной маске» тут же падает. И чтобы подогреть его, надо добавить какого-то необычного огня.

Пример тому — Пиренейская дикарка.

Здесь приманкой стала красота обнаженной женщины.

История началась в 1807 году в Пиренеях в графстве Фуа, на границе Франции и Испании. Графство это — страна гор, лесов, что карабкаются по крутым склонам высоких хребтов, на которых снег тает лишь в разгар лета.

В такой жаркий день охотники, забравшиеся далеко в горы, увидели над обрывом совершенно обнаженную загорелую женщину. Длинные светлые волосы укрывали ее до пояса.

Охотники решили подобраться поближе — интересно ведь. Такого в горах им видеть не приходилось. Они подошли на несколько сот шагов, когда женщина заметила их. И тут же кинулась прочь. Вскоре она оторвалась от преследователей, потому что бежала словно горная серна, перепрыгивая с камня на камень и не боясь повредить ноги.

Охотники были вынуждены отказаться от преследования и вернулись в деревню. Там они рассказали о погоне односельчанам, и вскоре все, кто мог носить оружие, кинулись в горы, чтобы устроить облаву.

И когда женщина вновь появилась на скале, охотники кинулись на нее со всех сторон, скрутили, замотали припасенными веревками и, несмотря на ее крики и попытки освободиться, притащили в деревню и принесли в дом местного священника.

Надо сразу сказать, что никаких изуверских планов охотники не строили. Они решили, что имеют дело с «Маугли». Вы понимаете, что речь идет не об индийском мальчике Маугли, о котором написал знаменитый английский писатель Киплинг, а о тех детях, которые по разным причинам еще в младенчестве попадают к волкам или обезьянам, и звери их заботливо выращивают в своей стае. Надо сказать, что подобных случаев в истории отмечено немало, и в каждой дикой местности существуют рассказы о таких детях, частично придуманные, а зачастую и вполне реальные.

Местный священник тоже так думал. Он обратился к женщине с ласковыми речами, но дикарка отвечала ему нечленораздельно, хотя порой священник и стоявшие в дверях крестьяне угадывали французские слова. А может быть, им это казалось.

Через некоторое время женщина успокоилась, перестала кричать и рваться. Она заплакала, а потом начала шептать нечто похожее на молитву. В ее речи несколько

раз повторялась фраза: «...что скажет мой муж!» Ни у кого уже не осталось сомнений в том, что женщина — француженка.

Но на вопросы священника женщина не отвечала, а когда ей принесли поесть, отказалась принять пищу.

Впоследствии свидетели утверждали, что, несмотря на то что женщина была грязной, вся в ушибах и шрамах, со спутанными волосами, она вела себя с достоинством и на зрителей смотрела с определенной надменностью.

А может быть, зрителям хотелось это увидеть.

На ночь дикарке предоставили комнату на третьем этаже, в которой ей устроили постель. Но когда утром священник пришел к ней, ее и след простыл. По неровным камням стены она спустилась с третьего этажа. Когда побежали за ней следом по тропе в горы, то скоро увидели разорванную в клочья ночную рубашку, которую ей милостиво пожертвовала местная дама.

Несколько дней все охотники, пастухи и просто молодые люди гонялись за беглянкой по горам, но безрезультатно. Найти ее не смогли.

Но о Пиренейской дикарке не забыли. Ее жалели. Особенно когда наступила осень, а вскоре альпийские луга и вершины гор накрыло снегом. Засыпало и перевалы — до весны горные деревни были отрезаны от долины.

Все были убеждены, что женщина погибла. И каково было удивление, когда ее увидели в горах. Дикарка каталась по снегу и была веселой и здоровой.

И вот тогда цивилизация в лице мирового судьи Вернье и почетных лиц департамента решила вернуть женщину в свое лоно. В апреле была организована солидная экспедиция, которая устроила облаву в горах. Дикарка была поймана.

На этот раз «ради ее же блага» женщину заковали в кандалы и держали в местной тюрьме. Господин Вернье

был к ней добр и надеялся возвратить ее человечеству. Женщина научилась принимать из его рук хлеб и овощи, она вспомнила несколько слов по-французски и произносила их чисто и без акцента. Когда господин Вернье спросил женщину, как случилось, что медведи, хозяева тамошних гор, не тронули ее, женщина смогла ответить, что медведи — ее друзья и они ее греют. Не исключено, что она проводила наиболее холодные ночи в их берлогах.

Слово за словом, господин Вернье выудил из дикарки историю ее жизни. Но так как записи Вернье не сохранились и эта история существует лишь в позднем пересказе, к ней следует относиться с долей скепсиса. И тем не менее вот она.

Дикарка была знатной французской дамой, недавно вышедшей замуж. В 1793 году, спасаясь от разбушевавшихся революционеров, они с мужем уехали в Испанию, где прожили несколько лет. Когда революция во Франции пошла на убыль и террор прекратился, они отправились обратно. Но на проводника денег у них уже не было, и они пошли в горы вдвоем. В пути на них напали контрабандисты. В схватке муж был убит, а же не удалось убежать и скрыться в горах. Но, к сожалению, смерть мужа и мучения в руках контрабандистов так подействовали на женщину, что она сошла с ума. Она не смела показаться людям и осталась в горных теснинах. Несколько лет женщина, которая так и не сказала никому своего имени, жила в лесу и постепенно приспособилась к такой жизни.

Чтобы «вылечить» дикарку, ее перевели в город Фуа, центр департамента. Однако ничего хорошего из этого не вышло. Женщина все время пыталась убежать, отказывалась общаться с людьми и лишь повторяла: «Мой муж... мой муж...» Ее хотели было поместить в сумасшедший дом, но там ей не нашлось места,

и ее продолжали держать в тюрьме. А так как женщина отказывалась носить тюремное платье и срывала его, то начальник тюрьмы решил бороться за нравственность. Узницу кинули в карцер, куда поставили кувшин с водой и бросили кусок хлеба. О том, что дикарка сидит в карцере, то есть в каменном мешке без окон и дверей, совершенно голая и голодная, вспомнили лишь потому, что она перестала кричать и плакать.

Посветили в каменный мешок фонарем, и оказалось, что женщина, которую даже медведи согревали в берлоге и не обижали волки, погибла от голода и холода в человеческой тюрьме.

Так ее спасли...

Уже по прошествии нескольких десятилетий истории начали искать, кем могла быть замученная в тюрьме женщина. Высказывались идеи, что раньше ее

Портрет Каспара Хаузера, сделанный вскоре после его появления в Нюрнберге

звали мадам де Будуа или графиня де Вальмега, но, как уже говорилось, документов и записей разговоров с ней не сохранилось...

Нет ничего хуже благих пожеланий. В многочисленных историях о детях или взрослых, которые попали в дикие места и превратились в дикарей, почти нет счастливых финалов. Даже если таких детей возвращали к людям, чаще всего они умирали от непонимания тюремщиков, от грубости и тупости тех, кто поймал и притащил в деревню или в город несчастное существо.

Но наиболее трагична судьба юноши, который никогда не был в лесу, которого не воспитывали волки или медведи. Но детство он провел в сырой, холодной темнице.

Он возник ниоткуда 26 мая 1828 года в центре большого города Нюрнберга. Одет он был странно, как будто ему дали одежду с разных людей или собрали на помойках. Шел он, пошатываясь и держась за стену. Его догнали два загулявших сапожника и попытались с ним заговорить, но юноша их не понял, зато вытащил из-за пазухи письмо и протянул друзьям.

Письмо было адресовано командиру одного из эскадронов кавалерийского полка, стоявшего в том городе.

Сапожники отвели юношу к адресату письма, но разговора не получилось. Офицер прочел письмо, в котором его просили взять мальчика на службу в эскадрон, потому что его отец якобы там служил. Сам же автор письма сообщал, что он — простой рабочий, 7 октября 1812 года подобрал брошенного в лесу младенца и пожалел его. Он воспитывал его вместе с десятью своими детьми, но теперь приемный сын подрос и надо его пристроить, о чем он и просит господина кавалериста.

Господин кавалерист пытался добиться у бледного юноши, где он жил раньше, что за семья у этого рабоче-

го. На все вопросы юноша отвечал: «Не знаю». Но когда его попросили сказать, как его имя, он вдруг взял со стола карандаш и четко написал: «Каспар Хаузер».

К письму чернорабочего прилагалась и записка матери мальчика.

Мать писала, что родила его в бедности, назвала Каспаром, но средств кормить дитя у нее нет. Так что она отдает младенца доброму человеку и, когда ребенок подрастет, просит отдать его в Шестой кавалерийский полк в Нюрнберге, так как именно там служил отец мальчика.

В записке было две неправды.

Во-первых, она была написана тем же почерком и теми же чернилами, что и основное письмо. Во-вторых, она была датирована 1812 годом, а кавалерийский полк перевели в Нюрнберг всего пару лет назад. В 1812 году никто в полку и предположить не мог, что через шестнадцать лет он будет стоять именно в Нюрнберге.

Мальчика, как и Пиренейскую дикарку, переправили в тюрьму, и несколько недель он провел в камере, что его совсем не смущало. Он покорно сидел на койке и чего-то ждал.

Смотритель тюрьмы пожалел юношу и взял его к себе в дом. Считайте, что Каспару повезло больше, чем замученной женщине.

Вскоре смотритель понял, что Каспар не сумасшедший и не умственно отсталый, просто его никто ничему не учил. Но вернее всего, в раннем детстве он жил не в доме чернорабочего, потому что припоминал слова и выражения, которых никогда не употребляют простые людины.

Прошло больше года. Городские власти, узнавшие от смотрителя, что мальчик способен к обучению, наняли для него учителя. Вскоре Каспар научился читать и писать и сносно говорил.

Постепенно в городе забыли, что там живет такое странное существо. Его порой встречали на улицах, он вежливо раскланивался и робко улыбался.

Может, его пристроили бы к какой-нибудь работе, но неожиданно по Нюрнбергу пронесся слух: на Каспара совершено таинственное покушение.

Вечером, когда юноша гулял возле дома своего учителя, на него набросился человек с тяжелым тесаком и попытался убить. Каспар каким-то образом увернулся, но лоб был рассечен, повреждена кость. Он потерял много крови.

Нападавший, лицо которого было завязано черным платком, успел скрыться.

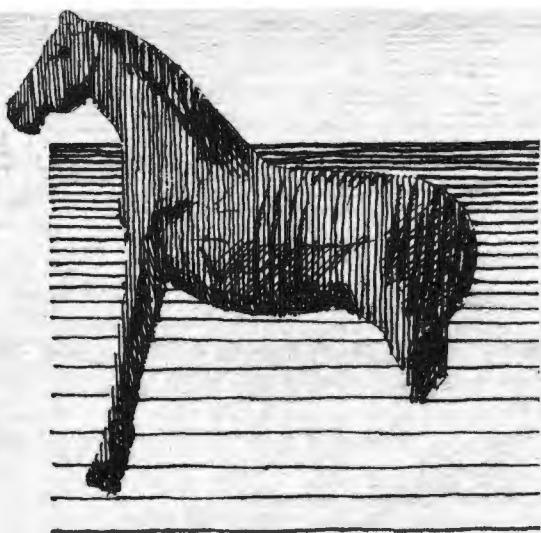
В городе многие были удивлены и даже потрясены этой новостью.

Многие, но не адвокат Фейербах, который изучил все возможные документы и пришел к удивительному выводу: Каспар Хаузер — не кто иной, как наследный принц великого герцогства Баденского, одного из основных государств Германии.

Что же узнал адвокат?

29 сентября 1812 года у великого герцога Баденского и его жены Стефании, приемной дочери Наполеона Бонапарта, родился мальчик. Ребенка похитили и подменили другим, мертвым. Родителям сообщили, что младенец умер сразу после рождения. Придумала и провела эту интригу графиня фон Хохберг, жена предыдущего герцога, которая таким образом хотела расчистить дорогу к трону своим сыновьям.

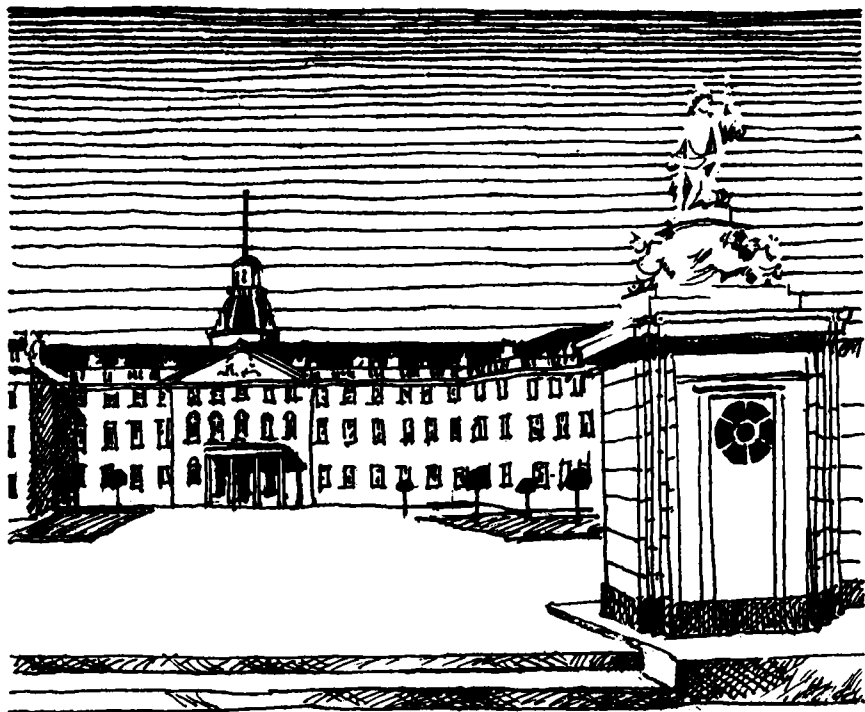
Фейербах отослал результаты своих исследований баденскому герцогу, но ответа получить не успел, потому что внезапно умер. Правда, перед смертью ему удалось, изучая церковные книги, отыскать следы мальчика, которого подсунули несчастной герцогине Стефании. Звали его Каспаром Блохманном.

*Единственное развлечение мальчика в темнице —
игрушечная деревянная лошадка*

Тем временем Каспара Хаузера продолжали расспрашивать, где же он провел детство. Каспар помнил большой, мрачный замок, в подвале которого он жил, пока его не перевезли в другой замок, где он провел несколько лет совершенно один, не видя ни единой живой души. Пищу ему приносили ночью, когда он спал, тогда же меняли воду в тазу и выносили ночной горшок. Единственным спутником Каспара была деревянная лошадка, которую он отлично помнил и даже рисовал. Он говорил, что у лошадки была всего одна нога.

Но больше Каспар ничего вспомнить не мог — нечего было вспоминать. Кто-то очень тщательно изолировал его от всех людей. И все же удалось догадаться, что на дверях замка был изображен цветок тюльпана, который тщательно рисовал Каспар. А тюльпан был гербом баронов Гриссенбеков, чей замок Пильзах стоял в сорока километрах от Нюрнберга.

Дворец в Карлсруэ

Неожиданно в жизни Каспара появился еще один персонаж: английский граф Стенхоп, который почему-то стал добиваться от нюрнбергских властей, чтобы ему отдали Каспара на воспитание. А этот английский граф был известным авантюристом, вхожим в правящие круги Европы. Наконец он убедил немцев позволить ему усыновить Каспара и внес значительную сумму в бюджет города.

На следующий день к нему прибыл взмыленный го-нец с востока, и граф последовал за ним, забыв о своем вчера приобретенном сыне.

Так что Хаузер остался на попечении добрых нюрн-бержцев.

*Каспар Хаузер
в последние годы жизни*

Юношей заинтересовался баварский король, который взял его под свою опеку. И Каспар поселился в его дворце.

Так продолжалось до конца 1833 года, когда он, обливаясь кровью, вполз во дворец из парка и срывающимся голосом прошептал, что некий человек подошел к нему и сказал, что должен передать письмо. Когда Каспар протянул руку за письмом, человек, одетый во все черное, вытащил большой нож и ударил его в грудь.

Нож нашли в парке.

Каспар потерял сознание и через три дня умер.

Так и унес в могилу свою тайну.

Конечно же он не был сыном чернорабочего. Возможно, версия Фейербаха верна. Но почему тогда его выпустили из подвала и не убили? Вернее всего, у него были различные враги. Одним было достаточно того, что баденский трон уже занят другим герцогом, а вот другие боялись узнать в Каспаре...

Ну подумайте, кого? Ведь об этом уже говорилось в начале нашего рассказа. Кто был приемным отцом герцогини Стефании де Богарнэ?

Вы правы — Наполеон!

Следовательно, Каспар был внуком великого императора.

А тут уже начиналась большая политика. Ведь речь шла о претенденте и на французский, и на австрийский трон.

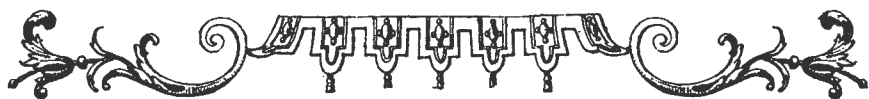
И еще одна удивительная деталь, на которые так щедро история.

Совсем недавно, в 1982 году, началась реставрация замка Пильзах, в подвале которого, возможно, провел свое детство Каспар Хаузер.

Никто не заглядывал в тот подвал уже много десятилетий.

В груде мусора в углу подвала рабочие нашли деревянную лошадку.

У нее была только одна нога...

ПОДАРОК ИМПЕРАТОРУ

ЛИСТЫ В КОРЗИНЕ

Время энциклопедистов в науке миновало навсегда. Настоящего успеха может добиться лишь тот, кто всю жизнь бьет, как тараном, в одну точку крепостных ворот. И не приходит ему в умную голову бросить все дела на недельку и отправиться собирать цветы в соседней долине.

Гении таранного типа — явление редкое, и судьба расправляется с ними безжалостно. Трудно найти среди них того, кто дожил бы до почтенного возраста и собирал те самые цветочки. Как только гений разломал ворота, судьба убирает его со сцены. Потому что для продолжения человеческого рода такие гении не требуются.

Недаром великий Шампольон, всю жизнь разгадывавший египетские иероглифы, скончался в сорокалетнем возрасте...

Тишендорф тоже не смог насладиться заслуженной пенсией. Зато он проделал в крепостных воротах такую брешь, что в ином случае для этого потребовалась бы целая дивизия.

Число загадок, решенных им за годы жизни, невероятно!

И главное — он сделал подарок русскому императору, который сегодня оценивается в миллионы долла-

ров, а в то время равным счетом ничего не стоил, если не считать бумаги и чернил, истраченных греком Симонидом. А этот Симонид, как оказалось, ни при чем...

Начнем сначала.

Жил-был немецкий студент Тишендорф. Родился он в 1815 году, и крестили его Константином. Мальчик был способен к языкам настолько, что уже в гимназии в совершенстве овладел греческим и латынью, а в Лейпцигском университете добавил к ним арамейский, сирийский, коптский и древнееврейский языки.

Такой странный подбор языков объясняется тем, что Константин уже в возрасте двадцати лет знал, что он откроет, какие ворота взламывает. Тишендорф решил найти источник Евангелия.

К тому времени уже накопилось немало древних рукописей, египетских папирусов и пергаментных фолиантов, в которых повторялись Евангелия — жизни Иисуса Христа. Считается что после смерти Учителя были написаны сотни Евангелий, другими словами, воспоминаний о Христе. В большинстве случаев эти книги принадлежали перу людей, и близко не подходивших к Христу во время его жизни. Так что по прошествии двухсот и даже более лет, когда христианство стало мировой религией, епископы собрались, чтобы решить, какие из жизнеописаний настоящие, а какие — апокрифические, то есть сомнительные. И вот тогда было отобрано четыре Евангелия учеников Христа — Луки, Матфея, Иоанна и Марка. Остальные, даже если их содержание казалось безукоризненным, были отвергнуты. Они издавались, их можно прочесть, порой они являются замечательными историческими свидетельствами, как, например, Евангелие, написанное Марией Магдалиной, но канон есть канон.

Но ведь и четыре классических Евангелия тоже изменялись. Их переписывали, в них вкрадывались ошибки писцов и жестокая рука редакторов. И, как правило, чем древнее список Евангелия, тем ближе он к оригиналу. Но как найти самый верный, самый древний?

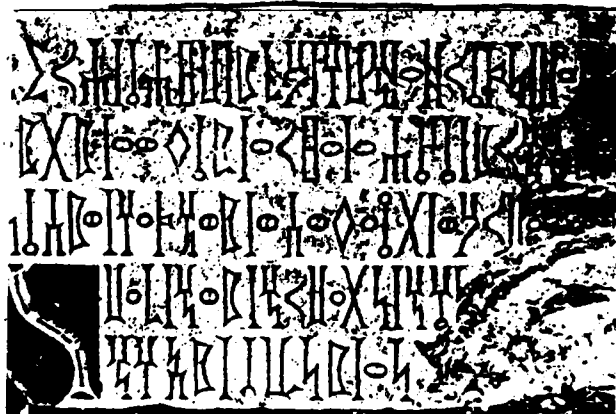
Вот эту-то загадку и решил разгадать Тишендорф.

В двадцать пять лет он покинул свой дом и невесту и отправился в пятилетнее путешествие. Он решил посетить все хранилища мира, чтобы сличить варианты священных христианских книг и найти самую раннюю. Первое большое открытие Тишендорф сделал в Париже. Он исследовал так называемый Кодекс Ефрема, который был написан в XII веке поверх стертого текста V века. Пергамент — материал, изготовленный из телячьей шкуры, — был очень ценным. Чтобы изготовить книгу, надо было истребить целое стадо телят. Поэтому старые книги на пергаменте порой тщательно выскрабливали и отмывали, чтобы написать нечто новое. Но специалист-палеограф, каким и был Тишендорф, мог восстановить первоначальный текст. Ведь писали тогда с таким нажимом, что оставались вмятины. Как ты ни отмывай пергамент, за пятьсот лет надпись успевала глубоко въестся и следы ее можно обнаружить, если освещать пергамент под углом. Такие книги назывались палимпсестами.

Два года, не разгибаясь, просидел Тишендорф над книгой, и ему удалось не только прочесть один из ранних списков Евангелия, но и найти деньги, чтобы его опубликовать.

После этого Тишендорф объездил всю Италию и наконец попал в Рим, где хранился самый знаменитый Ватиканский Кодекс — Библия, переписанная в середине I века греческими писцами.

Тишендорф умел быть настойчивым и любезным, а главное — от него исходила такая сила убеждения,

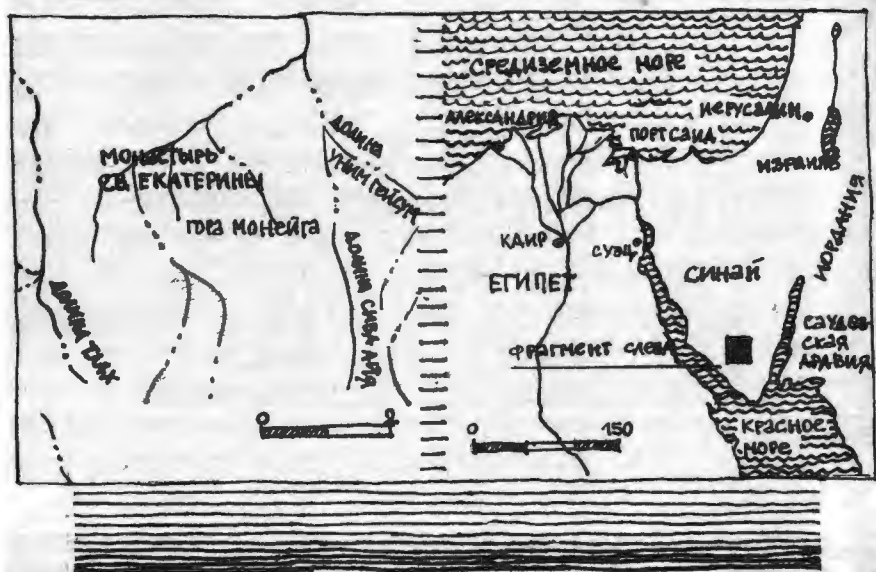

Для Тишендорфа неразгаданные надписи были вызовом. Он изучил все языки Ближнего Востока

что собеседники сдавались и шли ему навстречу, хотя, может быть, вначале и не намеревались этого делать. Тишендорф получил аудиенцию у римского папы и сделал его своим союзником. Ему была дана возможность работать с Ватиканским Кодексом, а за заслуги в науке папа даже наградил молодого ученого орденом.

Вскоре обнаружилось, что в Европе все рукописи уже изучены, и Тишендорф отправился на Восток. В марте 1844 года он очутился в Египте. Он понимал, что там, в пустынях, сохранились древние монастыри, где могут найтись неизвестные рукописи.

Надо сказать, что Тишендорф ехал не на пустое место. Мысль о том, что библейские рукописи надо искать в восточных монастырях, уже внедрилась в умы европейцев, в первую очередь англичан, которые имели в Египте очень сильные политические позиции. Так что англичане уже побывали во многих монастырях и, что можно, купили и увезли.

*Карта Египта. Заштрихованный квадрат увеличен слева.
Там показан монастырь Святой Екатерины*

Однако часто англичане опаздывали. Ведь некому было следить за состоянием бесценных папирусов и пергаментов. Вот что пишет один из первых английских охотников за рукописями Джон Ковелл: «Груды рукописей Отцов Церкви и других ученых авторов... были сплошь покрыты пылью и грязью, многие истлели и разрушились».

Визиты англичан встревожили бедных и невежественных монахов, которые, часто не без оснований, видели в этих гостях грабителей.

Больше других повезло в одном из забытых монастырей Роберту Керзону. Монастырь, в который он попал, был населен полудюжиной умирающих от голода монахов. Подкормив монахов, Керзон отыскал в забро-

шенной квадратной башне клад: «На полу лежали от сорока до пятидесяти манускриптов. Некоторые из них прочно прилипли к полу...» Вдруг Керзон увидел оторванный от книги лист пергамента. Англичанин сразу понял, что он исписан древними письменами.

— Нельзя ли мне получить этот лист? — спросил он.

— Зачем вам эта дрянь? — удивился настоятель.

— Мне нужно завязать горшочек с медом, — нашелся Керзон.

— Ну для этого я дам вам много листов, — ответил настоятель и, прежде чем путешественник успел его остановить, отхватил полсотни страниц от валявшегося на полу тома.

*Сабейская скульптура
библейских времен —
воспоминание
о таинственном
мире древности*

После этого отношения настолько улучшились, что монахи согласились продать Керзону кучу ненужных пергаментов и так обрадовались тому, что англичанин спас их от голода, что признались: в соседнем доме есть подвал для масла, куда ведет узкий ход. Если Керзон желает, то может забраться туда и взять, что ему нужно.

Другие путешественники поступали так же и вывезли из Египта тысячи древних томов. В наши дни принято клеймить их за грабеж монастырей. Но все на свете относительно. Как европейские археологи грабили турецкие провинции, так и охотники за рукописями шуровали в монастырях. Но отлично известно, что мусульмане уничтожали памятники древнегреческого искусства, а рукописи в монастырях сохранялись лишь чудом. Купленные же статуи и манускрипты оказывались в лучших музеях и становились достоянием всего человечества.

А Тишендорф между тем шел от монастыря к монастырю, покупал, выменивал или выпрашивал рукописи. Порой ему давал денег саксонский король, порой научные общества, но, в отличие от англичан, Тишендорф всегда настолько нуждался в деньгах, что приходилось самому недоедать. Зато он мог мгновенно, как на родном языке, прочесть любую рукопись. И его слава как самого выдающегося знатока библейских текстов обгоняла его.

Тишендорф отыскал, прочел, расшифровал и опубликовал множество текстов, но главного, самого раннего текста Библии ему найти не удавалось.

В крепостной стене он пробил множество дырок, но ворота не открывались.

Как-то мне довелось услышать такую шутку: «Чем отличался Ньютон от всех других людей? Другие ругались, когда им на голову падало яблоко, а Ньютон начал думать».

Годы складывались в десятилетия, а найти первое Евангелие Тишендорфу никак не удавалось.

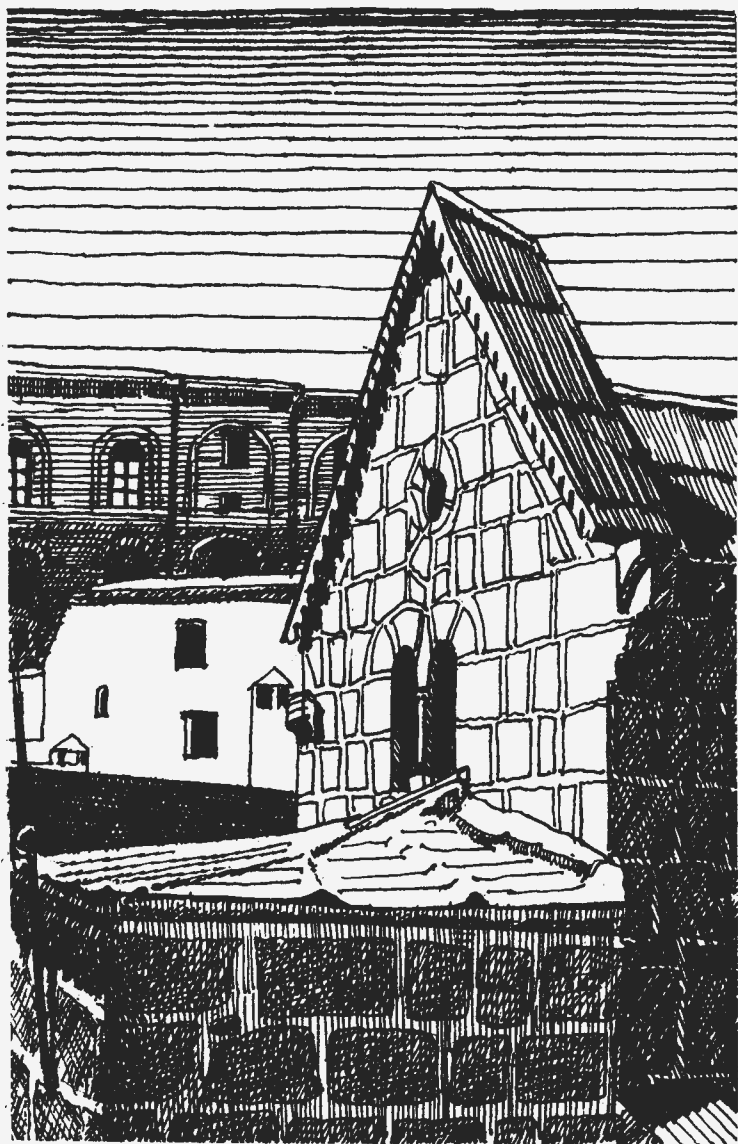
Но не могло же это продолжаться вечно!

...Впервые Тишендорф попал в монастырь Святой Екатерины в мае 1844 года. Ему еще не исполнилось тридцати лет, но он уже считался самым знаменитым в мире знатоком библейских языков.

Двенадцать дней он шел туда с караваном через пустыню.

Там, в недоступных горах, где Господь некогда произнес для Моисея десять заповедей, императором Юстинианом в VI веке была построена неприступная крепость, в которой монахи могли бы скрываться от бандитов. За долгие столетия монастырь накопил колоссальные ценности. Одних икон там хранилось более двух тысяч. В монастыре было три библиотеки. Но и во времена Тишендорфа, как и сегодня, монахов там мало, и поддерживать жизнь в монастыре-горе им нелегко. Лишь в наши дни ученым удалось снять на пленку все сокровища монастыря. В середине XIX века никто не имел о них представления. Хотя исламские властители тех мест никогда не разрушали и не захватывали монастырь Святой Екатерины. Кстати, в его стенах есть небольшая мечеть, сооруженная самими монахами.

Попасть в монастырь можно было лишь в большой корзине, которую поднимали на канате. Ученость саксонца и рекомендации, им привезенные, расположили к Тишендорфу всех монахов, а числом их было тогда восемнадцать. Особенно проникся к нему брат Кирилл, библиотекарь монастыря. Но древние рукописи никем не были прочитаны и валялись горами по углам библиотеки. Тишендорф, человек вспыльчивый и не слишком хорошо воспитанный, писал домой, что готов выбросить

*Монастырь Святой Екатерины.
Именно там исследователя ждали
самые ценные находки*

из монастыря всех его обитателей, потому что они — варвары, ничего не понимающие в религии и истории.

Монахи конечно же были наслышаны о европейских охотниках за древними рукописями. С одной стороны, они боялись показаться неучами, с другой — им совершенно не хотелось лишиться ценностей, о которых не имели представления. А более всего монахи боялись продешевить. К тому же нельзя забывать, что монастырь Святой Екатерины — не ровня умирающим от нищеты монастырям Египта. Он находился под покровительством русского императора и являлся центром Православной церкви на Востоке.

Неделя за неделей Тишендорф просматривал рукописи. Он бесился от сознания того, как много манускриптов уже погибло. Вот рукопись, «кишевшая откормленными белыми клещами», вот свиток, «прижатый к каменной стене, слипшийся и затвердевший настолько, что вполне мог сойти за окаменелость».

Тайна, за которой Тишендорф охотился столько лет, легла к его ногам случайно. Как яблоко Ньютона. Он стоял в библиотеке, посреди сводчатого зала, беседуя с братом Кириллом, когда его взгляд случайно упал на большую корзину, набитую пергаментными листами и свитками.

— А здесь что? — спросил он.

— Это безнадежно испорченные листы, — ответил Кирилл. — Я сейчас просматриваю библиотеку, навожу в ней порядок, и это уже третья корзина, которую я отношу в печь.

Тишендорф присел на корточки.

Это было невероятно!

Сверху лежал лист греческого Ветхого Завета... «Мне не приходилось видеть рукописи, которую можно было бы счесть более древней, чем эти синайские листы».

Он начал вынимать листы из корзины. Их оказалось много, даже трудно представить — сто двадцать девять грязных, пыльных, никому не нужных листов пергамента, значительная часть самого древнего списка Библии, который приходилось видеть человеку.

— Я возьму себе эти листы? — спросил Тишендорф дрожащим голосом.

— Разумеется, — ответил библиотекарь. — Все равно жечь будем.

Все листы, большие и толстые, Тишендорфу взять не удалось. Он поднял верхнюю стопку и побежал к себе в келью.

А брат Кирилл задумался.

Конечно, эти листы никому не нужны. Но посмотрели бы вы на этого немца! Он чуть с ума не сошел, когда увидел эту рухлядь!

Подобрав рясу, брат Кирилл кинулся к настоятелю.

Когда через полчаса Тишендорф вернулся к драгоценной корзине, возле нее стоял сам настоятель и эконом. А корзина наполовину опустела.

— Вы нашли что-то интересное для себя, профессор? — невинно спросил настоятель.

— Я взял из корзины, которая предназначалась к сожжению, несколько листов. Но сейчас я не вижу остальных...

— Каких остальных? — удивился настоятель.

Тишендорф понял, что сейчас случится.

И, не говоря ни слова, кинулся в свою келью. Он успел вырвать листы у послушника, которого уже послали к нему, чтобы конфисковать добычу.

На этом стороны и сошлись.

Тишендорфу благородно подарили сорок три листа. При условии, что никаких других листов не было и он их не видел. Монастырю было важно сохранить репутацию центра учености. Монахи не знали, что собира-

лись жечь, так как даже письменности этой никто из них не понимал. Но они чувствовали, что в руках у них сокровище.

Никакие обещания, никакие соблазны не смогли поколебать монахов.

Правда, расставаясь, монахи и Тишендорф договорились, что никто не должен знать о происхождении сорока трех листов. Тишендорф сдержал слово и опубликовал листы как «найденные в пустыне». А монахи отвечали английским и французским путешественникам, что древних рукописей в монастыре отродясь не было.

Прошло несколько лет, прежде чем ученому удалось вернуться в монастырь. Его встретили тепло, но когда Тишендорф заговаривал об оставшихся листах Библии, монахи смотрели на него ясными взорами и твердили, что не имеют о них представления. В библиотеке их тоже не оказалось. Это было похоже на кошмар. Ведь Тишендорф держал их в руках! Неужели монахи тихонько продали их англичанам?

Но если так, почему новый владелец Кодекса не издал эти восемьдесят шесть листов?

Разочарованный Тишендорф вернулся домой. Но мечты не оставил.

И тогда он решил действовать иным путем.

Он отправился в Петербург.

Он понял, что только Россия сможет оказать давление на монахов, так как монастырь Святой Екатерины находился под личным покровительством императора. На престол как раз вступил Александр II. В Петербурге Тишендорфа уже знали. Репутация его была очень высока, и никто не мог сравниться с ним в изучении библейских рукописей. Вскоре у Тишендорфа появились влиятельные союзники. Министр просвещения Норов приехал к нему в Лейпциг и готов был сопровож-

дать его в Синайскую пустыню. Горячей союзницей ученого стала императрица Мария Александровна. Препятствие возникло лишь со стороны Православной церкви, руководители которой не желали видеть в качестве толкователя Библии саксонца. Правда, в среде русских теологов не было никого, кто разобрался бы в древних рукописях.

Тогда Тишендорф прибегнул к своеобразному шантажу. Он попросил о помощи саксонского короля, который гордился тем, что в Лейпцигском университете трудится такая знаменитость. И король обещал оплатить экспедицию и покупку рукописи.

Тишендорф сообщил об этом в Петербург, и оттуда быстро пришел ответ: русское правительство согласно финансировать экспедицию.

На этот раз Тишендорф приехал в монастырь не как один из охотников за рукописями, а как посланник Петербургского двора. Встретили его более чем тепло, разрешили осмотреть все библиотеки, но пропавших страниц не было. Даже влияние русского императора не помогло. Это был страшный удар!

Но все оказалось не так просто.

На третий день монастырский эконоом пригласил к себе гостя на рюмку финиковой настойки и за мирной беседой вскользь сообщил, что у него в шкафу хранится неполная древняя Библия, которую монахи давно хотели бы подарить русскому императору, да вот okazji не представлялось.

И эконоом, обняв толстенный том, обернутый в тряпку, бухнул на стол перед ошеломленным Тишендорфом стопку пергамента.

И когда Тишендорф развернул тряпку, он понял: это именно те самые пропавшие листы и еще много подобных! В общем, монахи показали ему тщательно спрятанные от посторонних глаз триста сорок шесть листов

в четыре колонки текста. Здесь было Евангелие и исчезнувшее много столетий назад «Послание Варнавы».

Лукавые монахи сообразили, что Петербург придает рукописи большое значение, да и Тишендорф был для них авторитетом. Монастырь, финансовые дела которого оставляли желать лучшего, надеялся на помощь России. К тому же у него были сложности в церковных делах, так как иерусалимский митрополит резко возражал против такого дара. Но Тишендорф уже не мог отступить и вместе с монахами придумал компромисс: рукопись отправили с Тишендорфом в Петербург на временное хранение и изучение. Когда в Иерусалиме разрешат подарить ее русскому императору, ее оставят в северной столице. А коль решение будет неблагоприятным, император возвратит дар.

Через три года изнурительной работы Тишендорф издал так называемый Синайский Кодекс, найденный им в монастыре Святой Екатерины, включающий самый ранний на свете список Евангелия.

Император наградил саксонского профессора необычно: ему и его потомкам было даровано российское дворянство.

После этого к Тишендорфу пришла громкая слава, но и врагов у него образовалось немало. Обнаружился крупный авантюрист Симонид, который заявил, что он сам написал Синайский Кодекс и подсунул Тишендорфу.

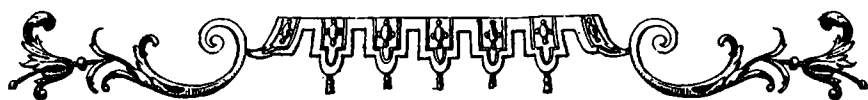
Но истинный эпилог этой истории приходится на 20-е годы XX века. В Европе распространились слухи о том, что советское правительство, не ограничившись продажей произведений искусства, намерено торговать и культурными ценностями, не нужными строителям коммунизма. И в числе кандидатов на продажу оказался Синайский Кодекс.

Переговоры были, разумеется, секретными, потому что наше правительство ни в коем случае не хотело, что-

бы его граждане узнали о сделке. Хоть продажи и шли под красивым лозунгом — нам нужны были станки для осуществления пятилеток, — но на самом деле значительная часть денег шла на укрепление армии и строительство новых лагерей и тюрем.

После нескольких лет переговоров Синайский Кодекс был продан Британскому музею за полмиллиона долларов. Причем деньги эти были собраны в Англии по подписке среди населения.

Так что листы пергамента, найденные в мусорной корзине и подаренные потом русскому императору, приехали в Лондон, о чем было бы неприятно узнать профессору Тишендорфу, давно уже покойному, так как в поисках рукописей он всегда соперничал с английскими коллегами.

ПОЛЕТ В СТРАТОСФЕРУ

С ОПЕРЕЖЕНИЕМ НА СТО ЛЕТ

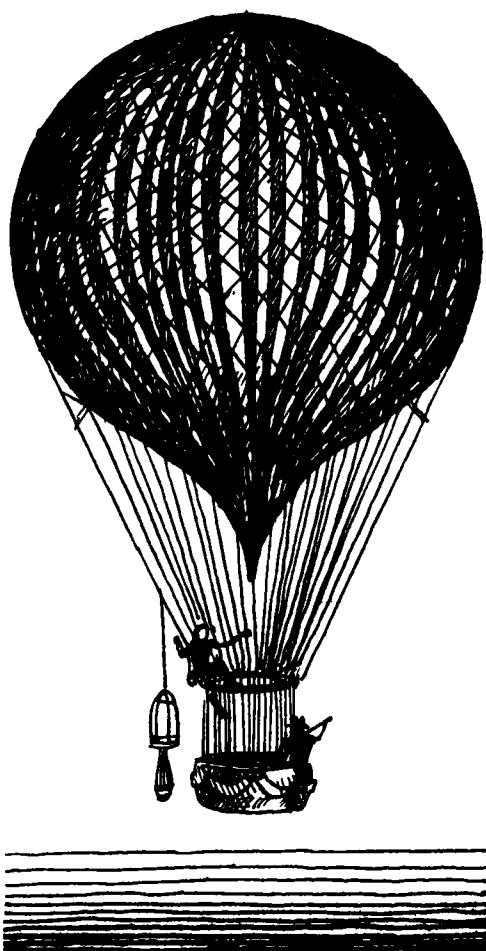
Есть два вида полетов. Один — на аппаратах легче воздуха. Другой, соответственно, на аппаратах тяжелее воздуха. И в истории авиации, то есть умения летать, по очереди появляются то первые аппараты, то вторые.

Надо полагать, что люди поднимались в небо на воздушных шарах, то есть на аппаратах легче воздуха, уже в древности. Потому что идея такого полета может прийти в голову любому ребенку. Горячий ветер надул пустой мешочек и поднял его к небу...

Известно, что воздушные шары существовали в Китае и Японии испокон веку. Правда, использовались они не для полетов людей, а для праздничных фейерверков, для украшения неба, подобно воздушным змеям (кстати, далеким-далеким предкам планеров, а значит, аппаратов тяжелее воздуха).

Но известны случаи, когда воздушные шары применялись в военных целях — они могли принести в осажденную крепость горящую смолу.

Бирманские хроники сохранили трагикомическую историю о том, как в XVII или в начале XVIII века в городе Байсейне случился такой пир, что обезумевшие от вина его участники привязали к большому воздушному

*Аэростат воздухоплавателя Грина,
начало XIX века. Время расцвета
воздушных шаров*

шару губернатора и запустили в полет. Шар упал довольно далеко в горах, губернатор разбился, из-за чего было устроено большое разбирательство, и многих пьяниц наказали.

А в русских летописях XVII века сообщается о молодом человеке, вроде бы Ивашке, «который надул шар

дымом черным и вонючим и полетел на нем выше колокольни», что плохо для него кончилось.

Так что распространенные в исторических, в основном европейских, трудах заявления о том, что воздушный шар изобретен во Франции братьями Монгольфье, сильно преувеличены. Вернее всего, историкам хочется, чтобы все изобретения и открытия были совершены на их родине. У нас в Советском Союзе в 40-х годах сразу после войны была объявлена война космополитам, и выяснилось, что все на свете изобретено в России. Как сейчас, помню паровой двигатель Ползунова и паровоз братьев Черепановых. Кстати, и первый самолет был создан полковником Можайским за четверть века до братьев Райт. И если он на самом деле мог взлететь и пронестись по воздуху несколько метров, это чудо, подобное библейским, потому что на нем был установлен паровой котел весом как раз для современного «Антея».

И в этом нет ничего удивительного. Открытия Черепановых, Можайского или Ползунова — не патристическое вранье. В каждой большой стране паровую машину изобретали по нескольку раз. Но изобретение становится настоящим изобретением, а не случайным прозрением, как случалось у Леонардо да Винчи, и превращается в самолет, парашют и еще тысячу полезных вещей, когда в них созревает экономическая нужда. Паровоз Стефенсона появился тогда, когда не появиться не мог — промышленность в Европе развивалась стремительно, а плохие дороги и конные повозки не могли решить проблему перевозки грузов. Вот и появились один за другим паровой двигатель, паровоз и пароход. Без них человечеству было не обойтись.

Но сначала люди старались изобрести не воздушный шар, а самолет, вернее, разновидность его, до сих пор еще не изобретенную, — а именно копию птицы, маши-

ну, которая движется силой машущих крыльев. Леонардо да Винчи рисовал такую машину, десятки изобретателей, стремившихся к звездам, старались ее построить. А иные прикрепляли себе к рукам крылья, подобные птичьим, и кидались вниз с обрыва или крепостной башни. И все разбивались.

Но птицы летают — почему же мы не можем?

Это был тупиковый путь, потому что мускульной силы тяжелого земного человека не хватало, чтобы удерживать его в воздухе машущими крыльями.

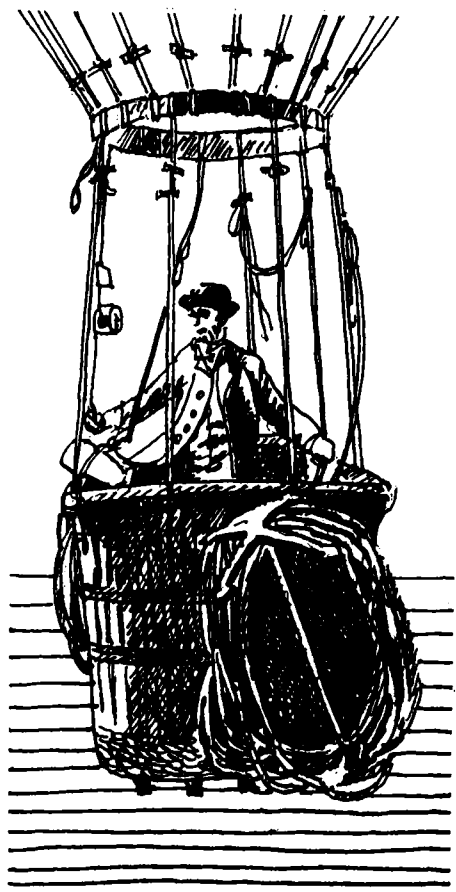
Поэтому когда в 1782 году сыновья бумажного фабриканта братья Монгольфье изобрели давно изобретенное — наполнили горячим воздухом бумажный пакет, и он рванулся вверх, — то до практического применения воздушных шаров осталось несколько лет. Братья догадались увеличить пакет до гигантских размеров и сделать его шаром. Такой шар мог поднять в воздух человека, а то и двоих. Но смельчаками, впервые поднимавшимися в небо, стали не рассудительные братья, а два знатных господина, смелые авантюристы, которые решили испытать чудо полета. Братья Монгольфье изготовили шар, внизу было отверстие, под которым развели костер из соломы. Господа де Розье и д'Арланд забрались в корзину и взлетели над Парижем. За двадцать пять минут они пролетели шесть миль над городом и благополучно опустились на загородном поле. Есть версия, что именно наблюдения обывателей за необъявленным полетом и стали первым зафиксированным случаем прилета к Земле летающей тарелочки.

Таким образом, авиация родилась 21 ноября 1783 года.

И последующие сто с лишним лет авиации были посвящены аппаратам легче воздуха.

Кстати, великий Жюль Верн, современные почитатели которого утверждают, что он открыл все на деся-

*Гастон Тиссандье,
один из пионеров
воздухоплавания*

тилетия раньше настоящих изобретателей, первый свой роман посвятил именно путешествию над Африкой на воздушном шаре и в нем ничего не изобрел. В будущем он еще напишет роман «Робур-завоеватель», где будет показан гибрид воздушного шара и дирижабля. Такие как раз и строились в те годы.

Не прошло и месяца с начала воздухоплавания, как во Франции догадались, что можно получать дешевый и легкий водород. И водородная горелка заменила соломю. С тех пор изготовление шаров и даже их полеты стали технически несложными.

7 января 1785 года следует считать великой датой в истории авиации. Именно в этот день знаменитый воздухоплаватель Бланшар пересек на воздушном шаре Ла-Манш и долетел до Англии. Он получил орден из рук французского короля, а его благодарные земляки купили потом этот шар и хранят его по сей день в соборе города Кале.

Но возвращение к аппаратам тяжелее воздуха затормозилось на много десятилетий. И виной тому отсутствие легкого двигателя, который мог бы держать в воздухе и тянуть вперед аэроплан. Так что развитие авиации шло по пути управления воздушными шарами. Как мы знаем, в Москве швейцарский инженер

*Достижения аэронавтов обсуждались
в светских салонах — возникла мода
на такие путешествия*

строил воздушный корабль, который должен был управляться особого рода веслами. Но ни в России, ни в других странах опыты с веслами и подобными им приспособлениями результатов не дали.

А между тем полеты на воздушных шарах стали чуть ли не главным развлечением для искателей острых ощущений. И оказалось, что женщины способны на такие же подвиги, как и мужчины.

Самой отважной и прославленной воздухоплавательницей стала мадам Бланшар, жена авиатора, первым пересекшего Ла-Манш. Правда, в то время, когда он совершил свой подвиг, мадам Бланшар лишь сопровождала его повсюду, но оставалась на земле. Зато через десять лет она начала подниматься в воздух сама, и вскоре ее слава превзошла славу мужа.

Мадам Бланшар была невысокой, стройной, худенькой и настолько легкой, что корзину ее воздушного шара французы прозвали «детской коляской».

У мадам Бланшар были свои чудачества. Например, она всегда поднималась в воздух поздно вечером, после заката, потому что в это время ее многочисленные болельщики и почитатели не были заняты ничем иным и могли прийти на нее поглазеть. К тому же ветер ночью обычно успокаивается, и шар не становится хрупкой игрушкой вихрей. Опускалась она лишь на рассвете и любила спать высоко в небе. Мадам Бланшар с улыбкой говорила: «Там меня никто не потревожит».

На земле же эта отважная летчица была робкой и скромнейшей женщиной. Она ненавидела ездить в карете, потому что карета громко стучала колесами и в любой момент могла перевернуться.

Мадам Бланшар совершила более ста полетов на воздушном шаре, всегда одна. И надо сказать, что за пятнадцать лет (а первый ее полет был совершен в 1805 году) она стала весьма богатой женщиной, потому что на

земле ее агенты обходили зрителей, и те добровольно платили за необычное зрелище.

Не раз она рисковала жизнью. Однажды ее шар поднялся слишком высоко, и вентиль, который выпускал водород, заело. Она чуть не замерзла до смерти, и лицо ее покрылось инеем. Как-то она опустилась в лесу. Ее шар зацепился за верхушку высокой ели. Крестьяне из соседней деревни нашли и выручили ее только через несколько часов.

Последний полет мадам Бланшар произошел 7 июля 1819 года.

Летчица поднялась над садом Тиволи поздно вечером и устроила великолепный фейерверк. По краям корзины, а также на сетке, которая держала шар, были укреплены шутихи и ракеты.

И когда из летящего шара стали сыпаться разноцветные искры и звезды, толпа внизу принялась кричать и хлопать в ладоши.

Когда же шар охватило мерцающим огнем, публика обрадовалась еще больше. Люди решили, что и эта иллюминация была запланирована.

Но ничего подобного! Это вспыхнула оболочка шара.

Мадам Бланшар сбросила балласт и пыталась укротить горящий шар. В какой-то момент казалось, что ей удастся спастись. Падение шара замедлилось.

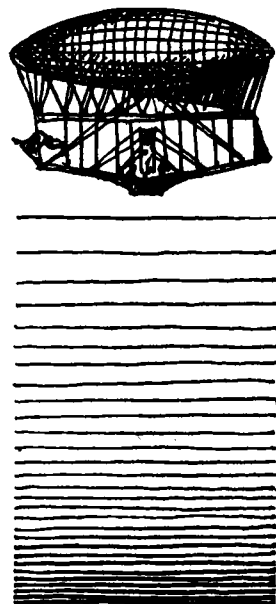
Вот он опускается над крутой крышей...

Край корзины задел дымовую трубу, корзина опрокинулась, летчица скатилась по крыше вниз, упала на камни и разбилась.

Но это все истории о воздушных шарах и приключениях авиаторов, о которых можно рассказывать бесконечно.

В чем же тайна?

А тайна вот в чем.

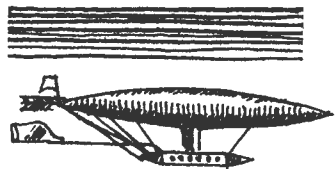
Дело в том, что после изобретения самолета братьями Райт воздушные шары сразу вышли из моды. И даже цеппелины, управляемые пропеллерами гиганты, не смогли составить им конкуренцию.

Лишь начиная с 20-х годов XX века шары появились вновь, но уже под названием «стратостаты». На них ученые начали подниматься в стратосферу, стремясь вырваться из пределов земной атмосферы.

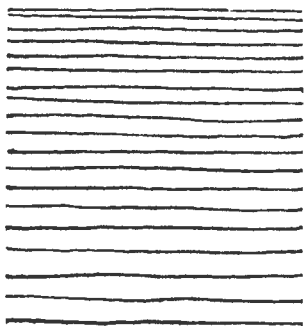
Развитие стратостатов было драматичным. Постепенно они достигли высоты 20 километров. И если вы собирали марки, то, наверное, видели серию, выпущенную у нас в начале 30-х годов в честь подъема стратостата на 19 километров и в память об аэронавтах, погибших на высоте 22 километра.

Но вот такая история произошла в 1862 году.

В те дни никакого представления о том, какие условия существуют на больших высотах на пределе атмосферы, еще не существовало. И аэронавты, которые

*Воздухоплавательный
аппарат легче воздуха.
XIX век*

поднимались все выше и выше, лишь из опыта своих товарищей знали, что на больших высотах очень холодно, а небо там кажется темным и днем видны звезды. Но желание подняться еще выше не оставляло авиаторов.

И если стратонавты XX века уже знали, что их ждет, и поднимались в герметичных, отапливаемых капсулах, то авиаторы середины XIX века отправлялись на невероятные высоты в простой тростниковой корзине, без кислородных масок и специальных костюмов.

И то, о чем я хочу поведать, может быть счастливым стечением обстоятельств, может ошибкой приборов, но ни в коем случае эта история не относится к обманам.

...Тот воздушный шар был сделан особенно прочным и большим, и корзина была построена таким образом, чтобы холодный ветер в нее проникал как можно меньше.

Пассажиры воздушного шара были далеко не новичками в воздухоплавании. Бывший врач Коксуэлл и физик Глейшер были готовы к испытаниям и намерева-

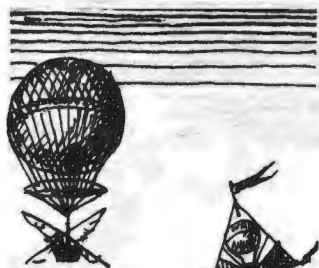

лись покорить высоту большую, чем за несколько лет до них удалось Гей-Люссаку, достигшему высоты 23 тысяч футов, то есть семи километров.

Подъем благополучно проходил до высоты 29 тысяч футов (почти 10 километров). Воздушный шар уже преодолел высоту Эвереста и летел выше самой высокой точки на Земле. Хоть авиаторы были в шубах и перчатках, они чувствовали страшный холод. Неожиданно у них стали отниматься руки и онемело тело.

Глейшер попытался позвать своего товарища. Он понял, что пора опускаться, иначе они погибнут. Приборы показывали 12 километров.

К своему ужасу, Глейшер понял, что глаза также отказываются служить ему. С каждой минутой он видел все хуже, но встать и открыть клапан, чтобы выпустить водород, был не в состоянии.

*Воздухоплавательные
аппараты легче
воздуха. XIX век*

Мозг исследователя работал нормально. Впоследствии он вспоминал, что в тот момент подумал: «Неужели я должен так умереть? Неужели чувства покидают человека одно за другим, как слуги ускользают от умирающего монарха, чтобы поживиться его имуществом?»

Но тут темнота поглотила его разум, и Глейшер потерял сознание.

Он не знал, сколько времени прошло, когда услышал голос:

— Встань! Встань!

Он открыл глаза, смутно различил сидящего рядом Коксуэлла, прижавшегося спиной к стенке корзины.

— Я потерял сознание, — с трудом произнес Глейшер.

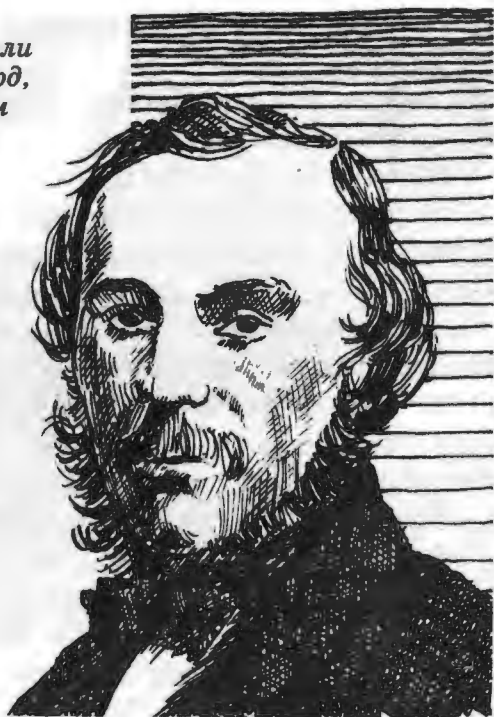
— Я тоже, — прошептал Коксуэлл. — Но я успел...

Оказывается, когда Глейшер потерял сознание, его друг еще мог видеть и решил подползти к веревке, которая свисала от клапана ко дну корзины.

Дотронувшись до веревки, он понял, что его почерневшие пальцы отказываются сгибаться.

Чувствуя слабость и невозможность что-нибудь сделать, Коксуэлл умудрился перехватить веревку зубами и всем телом откинулся назад. Затем он потерял сознание и не знал, что клапан все же открылся и шар начал снижение.

*Генри Коксуэлл.
Либо эти воздухоплаватели
установили мировой рекорд,
либо доверились неточным
приборам*

Когда Коксуэлл снова пришел в себя, он увидел показания приборов: высота 37 тысяч футов, то есть около 13 километров. Но можно было предположить, что к этому времени шар уже успел опуститься.

Теперь аэронавты могли надеяться лишь на то, что шар опустится достаточно быстро, чтобы они успели спасти почерневшие, отмороженные пальцы.

Когда шар опустился на землю, подбежавшие крестьяне, что работали в поле, никак не могли понять: кого им принесли боги?

С неба спустились чернолицые люди в заиндевших пубах...

К счастью, они пробыли на жутком морозе совсем недолго. И, проведя месяц в больнице, возвратились домой без потерь.

Если верить приборам и здравому смыслу, то в 1862 году был поставлен рекорд высоты, который продержался чуть ли не сто лет. Лишь в 20-е годы следующего века стратостаты вновь поднялись на 15 километров.

Но где бы я ни читал об этом подъеме, везде говорится примерно так: «Аэронавты Глейшер и Коксуэлл в 1862 году достигли высоты 37 тысяч футов в открытой корзине». Однако, как пишет энциклопедия «Британика», совершенно очевидно, что «такой высоты невозможно достичь без специальных кислородных масок, которые тогда еще не были изобретены. Возможно, эта высота указана ввиду того, что показания инструментов снимались аэронавтами в состоянии кислородного голодания (гипоксии)».

Так это достижение и осталось под сомнением.

СЕМЕЙСТВО БЕЛЛ

ТРИ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Бывают тайны, которые не сразу отнесешь к такому разряду явлений, но их покрывает настолько несмываемый налет загадочности, что даже обычные и понятные вещи начинают звучать фантастично.

Я помню чудесный австралийский фильм «Пикник на горе Виктория», где рассказывалось, как старший класс женской школы устраивает пикник на горе, недалеко от города, днем, в местах вполне цивилизованных. Две девочки, пока остальные, истомленные полуденной жарой, нежатся в тени эвкалиптов, поднимаются повыше, к скалам... и исчезают. С тех пор их никто не видел. Фильм посвящен розыскам этих девушек. Ничего в нем особенного не происходит. Но ощущение мистической тайны таково, что ты несколько дней не можешь отделаться от наваждения.

Такова и история пасторского дома на окраине деревни Хоурт в английском графстве Йоркшир.

Мрачный двухэтажный каменный дом достался пастору Патрику Бронте как настоятелю местной церкви. Приход его был беднейшим в округе. Пастор не отличался веселостью или живостью характера. А его болезненная жена Мария Бронте с трудом справлялась с бедным

хозяйством. Ведь ей приходилось кормить и обшивать пятерых дочек и сына. Правда, мрачный дом на зловещей пустоши вскоре погубил часть семейства: умерла сама Мария, потом одна за другой старшие дочери. Когда пастор выписал старую деву, сестру покойной жены, госпожу Бранвелл, набожную и серую, в доме оставались лишь его сын и три худеньких, некрасивых, робких девочки — Эмили, Шарлотта и Анна. Образования они не получили никакого, правда, тайком по очереди забирались на второй этаж, где их отец с рассвета до заката сидел над религиозными трактатами, и таскали из старого сундука оставшиеся от прежнего пастора книги.

Вершиной надежд пасторских дочек было покинуть страшный дом и устроиться в хорошую семью гувернантками. Шарлотте удалось это сделать, но в новом господском доме она вскоре начала болеть, и ей пришлось вернуться в Хоуорт. Наступила очередь Анны. Она тоже покинула дом, но Эмили никак не могла на это решиться. Тогда более энергичная Шарлотта угово-

рила тетку дать им с Эмили немного денег, чтобы поступить в дешевую французскую школу в Брюсселе, где Шарлотта на всю жизнь безнадежно влюбилась в тамошнего учителя, мсье Эгера. Но начавшийся было роман прервался — умерла тетя, и девушкам пришлось вернуться в Хоуорт, чтобы заботиться об оставшемся в одиночестве отце.

Анна тоже вернулась, потому что несколько лет работы гувернанткой полностью подорвали ее здоровье. Вот сестры и поселились снова в пасторском доме, бедном настолько, что вечерами они даже не зажигали свечей.

Близится середина XIX века. Сестры Бронте уже не юные девушки. Ночами из трех горенок доносятся при-

За домом начиналось мрачное кладбище...

ступы натужного кашля. Ничто уже не может вытащить их из каменного мешка. И никто в деревне о них даже не вспомнит.

Чем же они занимаются? Конечно, пустяками. Как-то Шарлотта решила собрать в книжку их грустные стихи, потом уговорила сестер издавать домашний журнал, но вскоре он угас. Написать бы роман, но бумага так дорога...

Весной 1847 года в издательстве «Смит и Элдер» были получены одна за другой три рукописи: романы «Джен Эйр» Каррера Белла, «Грозовой перевал» Эллиса Белла и «Агнес Грей» Актона Белла. Мистер Смит был опытным издателем, он умел отличить стоящий товар от любительских поделок. И он сразу же догадался, что все три Белла — одно лицо. Некий благородный джентльмен из Йоркшира, удивительно умеющий перевоплощаться, словно и на самом деле Беллов в Йоркшире развелось до умопомрачения.

Обратный адрес таинственных Беллов — городок Кейли, богом забытая станция. Вернее всего, настоящий Белл живет в своем имении, куда от станции ведет дорога.

Будучи деловым человеком, мистер Смит сразу отправил письмо с вопросом, какой гонорар желал бы получить автор. Тот ответил не сразу. Смысл трех писем, полученных от трех Беллов (кстати, писали они разными почерками), заключался в том, что они будут благодарны за любой гонорар.

Это мистера Смита сразу же успокоило. «Любой» в его понимании означало «мизерный», и совесть издателя не мучила. Ясно было, что этот Белл — человек со средствами.

Смит запустил романы в набор.

Они вышли в свет одновременно — осенью 1847 года.

Такой сенсации Англия не видела со времен рома-

нов Вальтера Скотта. Звезда Беллов взошла одновременно со звездами Диккенса и Теккерея и не уступала им яркостью.

Причем если «Джен Эйр» и «Агнес Грей» вписывались в общую струю английского романтизма, то «Грозовой перевал» потрясал мрачной силой страстей. Неудивительно, что роман «Джен Эйр» стал популярнейшей книгой в истории английской литературы, а к «Грозовому перевалу» слава пришла позже. Лишь к XX веку «Грозовой перевал» потеснил в сознании читателей два других романа.

Лондон кипел слухами. Кто такие братья Беллы? Что они написали раньше? Что пишут сегодня?

В те дни понятия «бестселлер» еще не существовало, но популярность книги мерилась дополнительными тиражами. А книжные магазины в читающей Англии наперебой требовали новых изданий.

Мистер Смит печатал тираж за тиражом, но не спешил радовать мистера Белла. Если тому не нужны деньги, зачем издателю вмешиваться в частную жизнь джентльмена.

Но тайна псевдонима должна была открыться.

Тем более что в деревне Хоурт уже узнали от соседей, что в Лондоне самой популярной книгой считается «Джен Эйр», но и остальные два романа раскупаются, как «Айвенго».

И тогда сестры Бронте собрали свой маленький совет.

Главной на нем была Шарлотта, которая выступала от имени Каррера Белла (ах, как хихикали сестры, придумывая этих толстых братьев Беллов, которые скачут по полям, гоняясь за лисицами!).

— Мы написали эти романы, — сказала она сестрам, — потому что погибаем от бедности, потому что не можем вырваться из этого каменного гроба, потому что нам надеть нечего! Но мистер Смит, который издает

Шарлотта Бронте

наши книги и торгует ими, денег нам не присылает. Что делать?

— Надо ехать в Лондон, — тихо сказала бледная Анна. От нее уже остались кожа да кости.

— Я не поеду, — отрезала Эмили.

Эмили все более отдалялась от сестер. Она жила в мире своих фантазий. Надо сказать, что, когда, проводя по нескольку месяцев в своих комнатках, они кончили писать свои романы и по кругу прочли их, Шарлотта была возмущена книгой младшей сестры, полагая, что это совершенно неприличная литература, призывающая к разврату!

В общем, в Лондон поехали две сестры.

Издатель Смит так описывал встречу с Шарлоттой: «Лицо красноватого оттенка, рот великоват, лоб широкий и выдающийся, мягкие, красивые, большие, карие, как у лани, глаза».

Смиту Шарлотта показалась некрасивой. Одета она была почти по-нищенски и вела себя, как бедная родственница.

Но если прочесть описание Шарлотты внимательно, ты понимаешь, что и речи не идет о том, что это была «некрасивая» девица. Сохранился лишь один профессиональный портрет Шарлотты, на котором изображена

Эмили Бронте

женщина редкого очарования. Да и на любительских рисунках угадывается милое, неординарное лицо. Но, честно говоря, меня всегда более всего удивляло лицо Эмили — жесткое, с крупными чертами, может, и некрасивое, как некрасива была Клеопатра, но именно ради таких женщин рушились царства и совершались великие походы. Анна была попроще, скорее хорошенькой, чем значительной.

Итак, две провинциальные девы вошли в кабинет мистера Смита, который на деньги от очередного тиража «Джен Эйр» только что купил замечательного жеребца.

— Чем могу быть полезен? — спросил издатель.

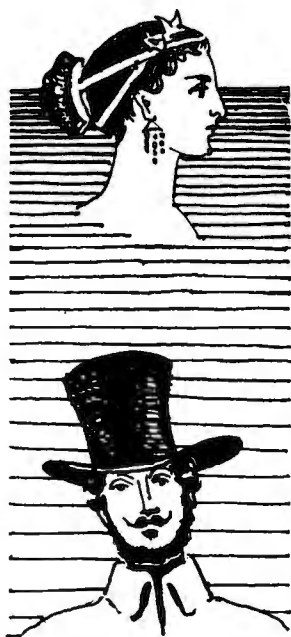
— Я — мистер Каррер Белл, — прошептала одна из женщин и протянула мистеру Смигу написанное им письмо с подтверждением того, что он получил рукопись.

— А я, — сказала вторая девица, — Акстон Белл.

Обе покраснели и одинаково улыбнулись.

Сначала мистер Смит растерялся и даже испугался. Но по прошествии всего нескольких минут он понял, что существование трех таинственных сестер для рекламы куда лучше, чем один мистер Белл.

Он выписал чек на значительную сумму, конечно, куда меньшую, чем платил другим писателям, посоветовал писательницам умеренно дорогую гостиницу (воспользоваться советом они не посмели) и сам совершил круг по

*В Лондоне сестры
попали в светское
общество. Они
увидели щеголей
той эпохи*

модным салонам. Выяснилось, что сестер ждет весь Лондон.

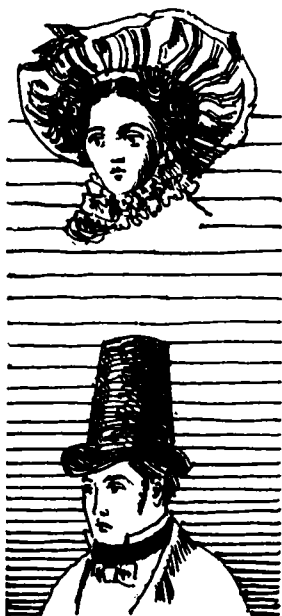
Правда, Анна вскоре занемогла и уехала домой, но Шарлотта всю зиму провела в Лондоне, встречалась с Диккенсом и Теккереем, отказала нескольким соискателям ее руки, договорилась со Смитом о новых романах и вдруг, получив письмо из Хоуорта, бросила все и исчезла. Это случилось осенью 1848 года. Лондонская слава протянулась ровно на год...

Дом встретил Шарлотту могильным холодом и скрипом полов.

Через два месяца умер несчастный брат. В ночь после его похорон Эмили, которая была к нему ближе всех остальных, ушла на болото и простудилась. В декабре она умерла от воспаления легких. Через пять месяцев скончалась Анна.

Шарлотта не вернулась в Лондон. Она вышла замуж за нового пастора, который унаследовал дом. Шарлотта поставила мужу, ничтожному, ограниченному человеку, который и романа ее не читал, условие: он должен получить перевод в другой приход. Она была уверена, что если не покинет этот дом, то и сама, последняя из семьи, погибнет.

Говорят, что ее муж получил перевод. Шарлотта в то время ждала ребенка. Ей было уже тридцать восемь лет. Буквально на следующий же день после получения известия о долгожданном переводе она простудилась и умерла. Это случилось в марте 1855 года.

Английские
головные уборы
XIX века

Вот и вся тайна. Жили-были три сестренки. Были они такие бедные, что решили написать по роману, чтобы разбогатеть.

Они прославились, но не разбогатели и сразу умерли.

А славы они, оказывается, и не искали. По крайней мере, они ею не воспользовались.

По популярности роман «Джен Эйр» занимал в Англии XIX века первое место. За последние двести лет самым значительным считается «Грозовой перевал».

Как могли три сестры, сидя в темных, тесных комнатах, одновременно написать гениальные романы?

Разве это не тайна?..

Я поставил точку и остался неудовлетворен.

Все получилось слишком просто.

Словно речь шла не о больших писательницах, а о персонажах из дамского романа. Словно характер Толстого определялся тем, что он не ел мяса, а Достоевского — увлечением рулеткой.

И я решил не пожалеть времени и почитать серьезные исследования о жизни сестер Бронте. Должны же быть такие в Англии.

В Англии они и обнаружились.

Разумеется, литературоведы и историки литературы знают о трех сестрах все, что только можно, но редко делятся своими знаниями. Постепенно для обычных читателей сестры Бронте перестали быть писателями. Остается в памяти лишь самая плодовитая из них, Шарлотта. По ее роману «Джен Эйр» были сняты фильмы и даже телевизионные сериалы. А так сестры превратились в классиков для учебников, а не для души. Вряд ли среди ваших знакомых есть хоть кто-то, кто может сказать: «Джен Эйр» (или «Грозовой перевал») — моя любимая книга. Я готов перечитывать ее вновь и вновь».

Но в конце концов, среди наших с вами знакомых не так много искренних почитателей Эмиля Золя или Гончарова. Это не означает, что они, а также Теккереи, Диккенс, Достоевский или Бальзак не самые лучшие писатели на земле.

Как получилось — единственный раз в истории человечества! — чтобы в одной бедной провинциальной семье родились три крупных литератора, три женщины с талантом мирового уровня, хотя ничего, казалось бы, этому не способствовало?

Но, прочитав несколько книг о сестрах Бронте, я подумал: а сколько же их было на самом деле? Трое? А может быть, пятеро?

Есть ли тайна в их жизни и судьбе? Не придумал ли я ее?

Теперь я уверен, что тайна сестер Бронте существует, и для меня она стала еще более необъяснима, чем прежде.

Они были, жили, творили, а на самом деле их словно и не было.

Первая моя ошибка касалась отца семейства, который представлялся мне скучным пастором, хозяином страшного, промозглого дома, стоявшего на краю тоскливой пустоши.

Патрик Бранти, который потом поменял имя на Бронте, родился в бедной крестьянской хижине. Но существом он был совершенно необычным. Высокого роста, рыжий, в ирландских родственников матери, голубоглазый силач, он был от природы талантлив настолько, что сам, живя в неграмотной семье, выучился читать по трем книжкам, которые обнаружили дома. Когда он подрос, его отдали в подмастерья к кузнецу, но он продолжал ночами учиться и — поверить трудно! — без всякой помощи стал учителем в приходской школе. Местные священники, пораженные

талантами юноши, стали готовить его к университету, и Патрик поступил в Оксфорд на стипендию для бедняков. В свободное время он давал уроки местным оболтусам и смог даже посылать деньги матери, которая осталась вдовой.

Правда, для такого бедного студента дорога дальше была одна — в священники, кем он и стал. Вскоре Патрик Бронте получил приход. Там он влюбился в тихую, интеллигентную, очаровательную Марию Бранвелл, дочку состоятельного торговца из Корнуэлла, которая получила хорошее по тем временам образование.

Молодой пастор обожал свою жену, и в 1811 году выпустил книгу лирических стихотворений, вдохновленных Мэри. Потом он напечатал еще один стихотворный сборник и даже повесть «Домик в лесу».

Родились дети. Сначала в 1813 и 1815 году Мэри и Элизабет, а в 1816 году — Шарлотта. Единственный сын, Патрик Бранвелл, появился на свет в 1817 году, Эмили — в 1818-м и Анна — в 1820 году. Я упоминаю здесь эти даты, чтобы показать, что разница в возрасте у младших детей была невелика, они вместе росли, играли, учились.

Вскоре после рождения Анны Мария Бронте умерла от рака, совсем еще молодой.

И для пастора Бронте жизнь остановилась.

Правда, сестра покойной жены приехала, чтобы заботиться о детях, но Патрик замкнулся в своих пасторских обязанностях. Он потерял смысл жизни. Это не означает, что он не любил детей, но по-настоящему он любил только жену. По крайней мере, так думали современники.

Жила семья в Хоурте, скучном текстильном городке. Дом и на самом деле стоял на окраине, был он старым и мрачным, но за ним начинались зеленые холмы и поля, перерезанные множеством ручьев.

И тут случилась вторая трагедия, которая катастрофически повлияла на жизнь семьи. Отец Патрик понимал, что детей нужно учить и что домашних уроков недостаточно. Как раз в этот момент открылась школа для дочерей священников, основанная пастором Уилсоном, человеком властным, тщеславным и спесивым. Счастливый Патрик отправил в школу пятерых дочерей.

Сам Уилсон был детским писателем. Воспитанницы школы должны были читать и заучивать его рассказы. И рассказы эти были страшными и жестокими. Например, трехлетний ребенок, герой одной из историй Уилсона, в ответ на вопрос, что он предпочел бы, жизнь или смерть, отвечает: «Я выбираю смерть. Я люблю смерть». Другой маленький герой слишком много плакал и ныл. Господь Бог ударил его до смерти молнией, и ребеночек отправился прямиком в ад. «Зачем нас пороть, — спрашивает третий мальчик, — если вы говорите, что любите нас?» — «А потому, что мы хотим спасти ваши заблудшие души».

В этой школе девочек муштровали, морили голодом и холодом во имя Господа, классы и спальни не топили, а в наказание милостивый филантроп заставлял учениц весь день стоять на коленях в промерзшей церкви.

Ничего не подозревавший отец был доволен — девочки пристроены.

Эта школа уничтожила семью Бронте. Сначала заболела туберкулезом и быстро сгорела Мэри, за ней — Элизабет. Старшим девочкам приходилось даже хуже, чем маленьким, потому что они отдавали сестренкам все — и еду, и теплую одежду.

Когда Патрик узнал, что его старшие дочки неожиданно умерли, он в панике примчался в школу и обнаружил, что и младшие тоже больны.

Неизвестно, стали бы старшие сестры писательницами, но 1825 год — это водораздел в жизни сестер

Бронте. Оставшиеся в живых девочки изменились навсегда. Смерть отступила лишь на несколько лет — они так и не вылечились от чахотки. Но судьба словно приказала им рассказать всему миру о судьбе старших сестер и о собственной скорой смерти.

И если вы откроете любой из романов сестер Бронте, то в нем обязательно в той или иной форме найдете школу-убийцу и благополучного страшного филантропа Уилсона.

И вот в мрачноватом, скучном пасторском доме на краю пустоши собрались четыре ребенка, три девочки и мальчик, погодки, в чем-то совершенные близнецы, а в чем-то абсолютно разные.

На ближайшие годы, пока они возвращались к жизни, сестры и брат погрузились в занятие, которое поглощало все их время.

И вот этого я, честно говоря, раньше не знал.

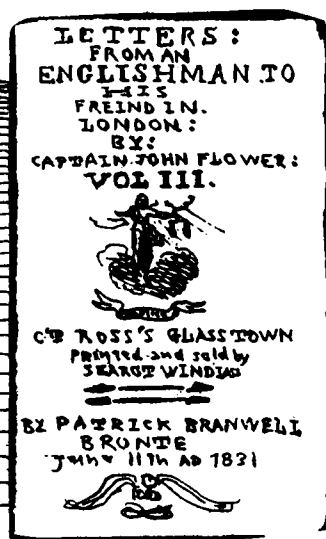
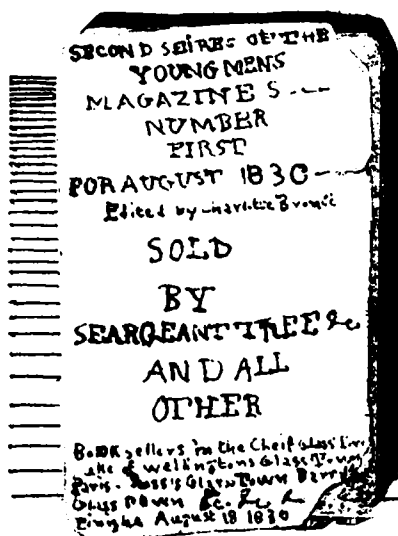
Они писали фантастические романы!

Точнее, это были не фантастические романы, а то, что мы ныне именуем «фэнтези». Они придумали Великий Стеклянный город, которым правили четыре Гения. И звали этих Гениев Талии, Браннии, Эммии и Аннии. Конечно, вы узнали имена авторов.

Кроме Стеклянного города у детей было королевство Ангрия. К тому же они написали немало пьес. Писали они с утра и до вечера. Строгая тетя запрещала им пользоваться свечками — слишком дорогое удовольствие! — и потому они писали свои романы, сидя у камина, при неверном свете углей.

В 1829 году брат Бранвелл придумал журнал, но вскоре ему надоело заниматься редактированием, и редактором стала Шарлотта, самая решительная из семейства.

Романы и журнал издавались в одном экземпляре, и их никому нельзя было показывать. Листы бумаги

*Сестры и брат издавали маленькие журналы
и даже романы на листочках размером
с ладонь — бумагу приходилось экономить*

были так малы, что романы, хоть и толстые, умещались на ладони и были написаны настолько мелким почерком, что даже авторам было трудно их потом прочесть. Отец испугался, что они испортят себе глаза, и выдал большую канцелярскую книгу, на первой странице которой написал: «Все, что будет написано в этой книге, должно быть сделано нормальным почерком и нормальными буквами».

Характерно, что эта книга, несмотря на то что детям катастрофически не хватало бумаги, так и осталась пустой.

Так прошло пять лет. Пять лет самостоятельной учебы, маленькой, но очень упорной и упрямой писательской работы. И нет ничего удивительного, что среди многочисленных томиков прозы можно встретить вполне зрелые литературные опусы. В те же годы

родился и псевдоним Белл, под которым были написаны все романы.

О дальнейшем пути трех девушек я уже рассказал.

Но теперь мне хочется понять, почему вдруг все трое одновременно сели писать три совершенно разных романа.

Можно представить себе, как в 1845 году после очередной попытки выйти в свет, уехать за границу, найти себе достойное место в жизни потерпевшие поражение сестры возвратились в пасторский дом.

Не было денег, не было счастья, брат спивался, отец почти ослеп, никому они были не нужны. А для того чтобы и дальше писать маленькие книжечки о королевстве Ангрия, сестры были уже слишком взрослыми и разочарованными в жизни.

И тут Шарлотте попались стихи Эмили. Стихи ей понравились. И Анна тоже принесла свою поэму. Шарлотта достала из шкатулки свои стихи. Оказалось, что, не сговариваясь, не показывая ничего друг другу, сестры написали по несколько взрослых стихотворений.

Тогда Шарлотта собрала поэмы в книжку, подписала их фамилией Белл и назвала «Стихи Каррера, Эллиса и Актона Беллов».

Больше того, нашелся издатель, который согласился их напечатать и выслал сестрам по десять фунтов каждой. Как раз на бумагу... Для чего?

Это случилось в 1846 году.

Теперь в шкафу в столовой стояли рядышком две книги стихов отца и совместная книжка сестер.

И тогда сестры решили написать роман.

Вместе?

Нет, несмотря на схожесть во всем, они были слишком взрослыми и разными.

Романы были написаны к концу 1846 года, и сестры стали посылать их разным издателям. Но сами поки-

нуть дом не смогли, потому что отцу сделали операцию на глазах и за ним нужно было ухаживать. Да и денег катастрофически не хватало.

Хочу напомнить, что в 1846 году Шарлотте было тридцать лет, а остальным чуть меньше. По меркам того времени они были очень старыми девами без приданого и без всяких надежд на личную жизнь.

Оказывается (чего я раньше тоже не знал), романы путешествовали по издательствам полтора года. Сестры

по очереди рассылали их, а получив отказ, запаковывали снова и несли на почту.

Больше того, в тот момент никакого знаменитого романа «Джен Эйр» не существовало. Шарлотта написала и рассылала по издательствам роман «Профессор», который при ее жизни так и не вышел. И когда наконец мелкий издатель Ньюби согласился издать романы Эмили и Анны под одной обложкой, Шарлотта осталась не у дел.

Романы младших сестер были напечатаны и никем не замечены, а Шарлотта упрямо села за другой роман. Внутреннее соперничество между сестрами конечно же существовало. Роман «Джен Эйр» был закончен в самом конце 1847 года и сразу же напечатан. Последовали положительные отзывы. Роман был издан вновь. И тогда читатели стали покупать романы других Беллов. Начались пересуды, кто эти таинственные писатели, не братья ли они? Хотя вскоре псевдонимы были открыты.

За свои романы Анна и Эмили получили по пятьдесят фунтов стерлингов, а Шарлотта за «Джен Эйр» в общей сложности пятьсот. Сумма приличная, но вовсе не гигантская.

И вот теперь, дважды рассказав одну и ту же историю, которая начиналась со смерти Мэри и Элизабет и неизлечимой болезни остальных трех сестер, я подхожу к ее концу.

Оказывается, уже в 1848 году все три сестры снова уселись за романы. Шарлотта закончила роман «Шерли», Анна — «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». Издатель Ньюби, тот самый, кто напечатал первые романы младших сестер, решил схитрить и сообщил в печати, что автором «Незнакомки» является автор знаменитой «Джен Эйр». Обиженные и растерянные сестры кинулись в Лондон, чтобы оправдаться перед изда-

телем Шарлотты. Вот тут-то их увидели, с ними познакомились. Белл исчез, и появились три сестры.

Все. Романы напечатаны, появились кое-какие деньги. Жизнь уже не так безнадежна.

Когда Анна и Шарлотта вернулись из Лондона, неожиданно умер их непутевый любимый брат, один из создателей Стеклянного города. Это случилось в конце сентября.

На похоронах простудилась Эмили. Обострился туберкулез. Эмили отказалась лечиться и даже не пожелала видеть врача. Она умерла в декабре. Эмили оставила нам чудесные стихи, написанные в последние дни жизни.

Когда хоронили Эмили, Шарлотта испугалась — так плохо выглядела Анна.

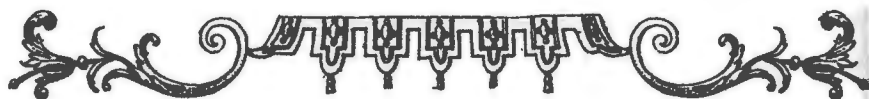
— Что с тобой? — спросила она у сестры.

— Наш дом кончился, — ответила Анна. — Я тоже скоро умру.

Ранней весной Шарлотта отвезла сестру на море, о котором та давно мечтала. Весь день Анна просидела на берегу. Она была счастлива. На третий день она тихо скончалась.

Осталась Шарлотта. Вы уже знаете, что она ненадолго переживет сестер. Великий Стеклянный город выпустил их в свет. Ведь они так мечтали о балах и оркестрах, о веселых замках и смелых рыцарях...

Но снегурочкам вредно выходить в летний, шумный, веселый лес...

КРОЛИЧЬЯ НОРА

ДОДО ЛЕТАТЬ НЕ МОЖЕТ

Роман, вернее, два романа Льюиса Кэрролла, перед которым я завистливо преклоняюсь и которого порой проклиная, кажутся плодом буйного, но внутренне неплохо организованного воображения. Разумеется, иметь точки соприкосновения с действительностью они не могут и не должны.

Впрочем, раз уж я позволил себе вмешаться в ход повествования, то нужно объяснить, почему я смею ворчать на великого предшественника. Дело в том, что я написал немало повестей об Алисе — девочке из будущего, не имеющей с Алисой Лидделл, любопытствующей наблюдательницей (как и положено благовоспитанной дочке пастора) невероятных событий и существ, ничего общего. Начиная писать, я и не предполагал, что выйду за пределы нескольких первых сказок, и в качестве героини выбрал собственную дочку Алису, существо куда менее благовоспитанное и скромное, чем Алиса Кэрролла. С тех пор прошло много лет и вопрос: «А зачем вы списываете свои истории у Кэрролла?» — преследует меня с удручающей настойчивостью. Чаще всего с ним обращаются ко мне люди немолодые, в жизни не прочитавшие ни одной моей повести, не говоря уже о книгах Кэрролла.

ла. И совершенно несправедливо я обращаюсь наконец с просьбой к давным-давно умершему англичанину: «Ну что вам стоило назвать вашу героиню иначе? Ведь в семье Лидделлов было три сестры!»

Всю жизнь я был убежден, что Кэрролл свободен от аналогий, прототипов и связи с окружающим миром. Зачем ему это?

И тут не очень давно мне встретились два сообщения. Во-первых, статья в английской газете «Таймс» о карстовых провалах в тех местах, где рос и жил Кэрролл. Во-вторых, большая статья Данны Ричардсон в английском журнале «История сегодня», которая называется «Доджсон в стране чудес».

Обнаружилось, и я сейчас постараюсь вам это доказать, что узоры фантастики Льюиса Кэрролла вышиты на совершенно житейском, реальном полотне и настолько тесно связаны с реальностью, что кажется, та придуманная английским писателем Алиса бежит, как по камешкам, через реку по мгновениям истории, вспыхивающим искрами под ее каблучками.

Книги Кэрролла об Алисе — главные и самые любимые книги английских детей. Нет англичанина, который не вырос бы на «Алисе...». Но только недавно историки и литературоведы занялись строительством мостиков и поиском аналогий.

А это непростое дело.

Порой их находки нам непонятны и чужды. Какого еще Теннисона пародировал Кэрролл и почему он его пародировал? Но другие истории и искорки любопытны и даже вызывают некоторую зависть.

Англичане родили Питера Пэна, Винни-Пуха, Мэри Поппинс, героев «Острова сокровищ», Гулливера, Робинзона Крузо и даже хоббитов. Сегодня мировое первенство английских писателей подтверждает Джоанна

Роулинг с ее Гарри Поттером. Но все же Кэрролл возвышается над этими холмами и лесами, как гора. Так что понять, насколько он отразил свое время, насколько близки абстрактные события в Зазеркалье событиям жизни автора, полезно и поучительно.

Мы знаем о дне и даже о минуте, когда родились первые строчки книги об Алисе.

Это случилось 4 июля 1862 года. В пятницу. Примерно в одиннадцать часов утра.

Доктор Генри Лидделл, пастор церкви Христа в Оксфорде, был занят подготовкой шестого издания греко-английского лексикона, учебника, о котором без содрогания не мог вспоминать ни один английский школьник. А гувернантка мисс Прикетт получила выходной, потому что преподаватель математики Чарлз

Чарлз Доджсон, математик. Его псевдоним Льюис Кэрролл куда более известен, чем настоящее имя

Латуидж Доджсон обещал посвятить весь день девочкам, у которых только что начались каникулы.

Дочек у пастора было три. Лорине, старшей, было тринадцать лет, средней, Алисе, исполнилось десять, а младшей, Эдит, еще не было и девяти.

Мистер Доджсон уже поджидал гостей.

Этот молодой человек, как и положено английскому математику, был чудаком. Чужачество это было безвредным, и им пользовались некоторые его друзья. Доджсон любил детей.

Собственных детей у него не было, и, насколько я знаю, он так и не собрался жениться.

Девочек он любил больше, чем мальчиков. По крайней мере, среди его юных друзей ни одного мальчика мне не попало.

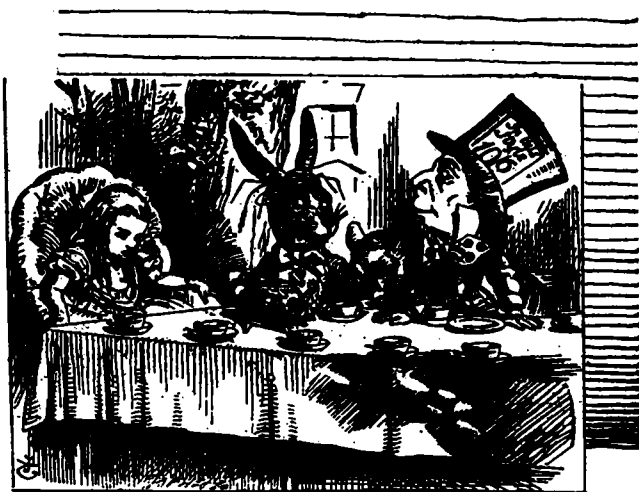
Сам Доджсон объяснял свою привязанность к девочкам так: «В детях есть нечто странное, чему я порой не могу найти объяснения... Если я переработал или перетрудил свой мозг, достаточно мне поиграть с детьми, как в меня вливаются жизненные силы...»

Как-то один из студентов спросил, не утомляют ли его дети. Доджсон ответил ему: «Дети — это три четверти моей жизни. Я не представляю себе, как маленькие дети могут кого-то утомить. Думаю, когда вы станете постарше, то сами это поймете».

Итак, в пятницу математик Доджсон и три девочки Лидделл решили путешествовать по реке.

Теперь на сцену выходит Алиса Лидделл. Она сама расскажет, что же случилось дальше.

«Мы отправились в плавание днем. Мистер Доджсон, как всегда, взял с собой большую корзину, полную пирожков, и чайник, который мы обычно кипятили, разведя костер в тени большого стога. Как всегда, наша команда состояла из пяти человек. Нас трое, мистер Доджсон и кто-нибудь из его друзей. Чаще всего мы

*Безумное чаепитие.
Иллюстрация к «Алисе в стране чудес»
из первого издания книги*

брали с собой мистера Даксворта, потому что он умел красиво петь».

В ту пятницу пятым был именно мистер Даксворт, преподаватель Оксфордского университета. Лодка им попалась большая и широкая, так что Доджсон и Даксворт уместались на одной банке. Первый греб левым веслом, а второй — правым.

Чтобы не скучать, Доджсон принялся рассказывать сказку, поглядывая на Алису, которая сидела на корме у руля.

Даксворт вспоминал:

«Я обернулся к Доджсону и спросил:

— Когда ты это придумал?

А он ответил:

— А вот сейчас и придумываю.

Мы попили чаю на берегу, он улегся на траву, девочки уселись вокруг, и он продолжал рассказывать свою сказку.

Я помню, что он отправил свою Алису в кроличью нору и сказал мне вечером, что в тот момент и не представлял, что с ней там приключится».

День был жаркий, вылезать на солнце не хотелось. Когда Доджсон пытался остановиться и обещал, что продолжит рассказ при следующей встрече, девочки поднимали бунт. Он улыбался и продолжал.

И Даксворт, и Алиса, и сам Доджсон утверждали, что за три часа он вкратце рассказал о всех приключениях Алисы. До самой последней сцены.

*Алиса в саду. Иллюстрация
к «Алисе в стране чудес» из первого издания книги*

И тут я позволю себе вмешаться.

Алиса не влезала в кроличью нору, не протискивалась в нее. Она падала в нору долго, как во сне. Нора была глубокой и широкой.

Почему?

Дело в том, что вокруг дома, где жил Доджсон, и дома Лидделлов находятся карстовые пещеры. И время от времени там происходят провалы. Образуются глубокие и широкие колодцы. В них накапливается вода. Дети считали их бездонными, хотя на самом деле они редко бывали глубже десяти метров. Впрочем, достаточно, чтобы испугаться.

Английский краевед не поленился, обследовал те провалы, норы и убедился в том, что именно они оказали на Доджсона глубокое впечатление еще в детстве... И тут обнаружилось, что один из таких провалов приключился как раз за конюшней его дома, когда Доджсон был мальчиком.

А что касается белого кролика с розовыми глазами, то его писатель тоже не выдумал. Каждому англичанину известна большая картина Ландсира «Титания». Доджсон увидел ее незадолго до памятной прогулки на лодке и записал в дневнике, что в ней есть несколько удачных находок. Это голова осла и особенно белый кролик с розовыми глазами.

Если вы читали «Алису...» недавно, то наверняка помните, что Алиса наплакала целое озеро слез и в это озеро по очереди свалились все жители подземного царства. Кто же? Сначала Лори. Лори — это маленький лемур, живущий в Индии. Но на самом деле речь шла о Лорине, старшей сестре Алисы. Орленок Эд, попавший в то же озеро, это младшая сестра Алисы, Эдит. А вот что касается птицы додо, то наверняка Доджсон имел в виду несчастное чучело, которое так плохо кончило.

*Сестры Лидделл: Алиса читает книгу,
Лорина стоит, Эдит сидит у ее ног*

Не целое чучело, а только голова и правая нога.

Это и есть миг истории, ради которого я потревожил память чудесного писателя.

И он связывает воедино жаркий день на Темзе, когда Доджсон придумал сказку о том, как Алиса попала в подземелье, и печальные события 17 января 1755 года, также имевшие место в три часа пополудни.

В XVI веке, когда европейцы наперегонки осваивали Индийский океан, голландский корабль бросил якорь у большого острова, расположенного в тысяче километров к востоку от Мадагаскара. Остров был назван в честь святого Маврикия, покровителя Мориса Нассау, протектора Нидерландов.

На густо заросшем лесами необитаемом острове голландцы увидели странных птиц. Вид у птиц был чудаковатый — гигантский тяжелый клюв, казалось, тянул голову к земле. Тело было толстым, круглым, а крылья зачаточными. Впрочем, додо (так этих чудаковатых созданий называли голландцы) и не нуждались в крыльях — на острове не было людей и хищников. Додо полагали себя полными хозяевами тамошних лесов, которые они благополучно поделили на участки, и каждый самец тщательно и боевито охранял свои владения.

К появившимся людям додо относились как к наглým пришельцам, кричали на них, даже бросались, чтобы прогнать. Голландцам пришлось обороняться от них палками и саблями.

Остров Маврикий стал удобной базой для голландских кораблей, направлявшихся к Яве, и там побывало немало голландцев, которые основали порт и поселок, где жило примерно сто человек. Они начали разводить сахарный тростник и овощи, чтобы выгодно продавать их проходящим мимо судам. И так продол-

жалось до 1715 года, когда этот остров у голландцев отняли французы. И французы никаких додо на острове не увидели.

Оказывается, последнего из этих чудаков видел один голландский моряк на островке у берега острова Святого Маврикия, и было это во второй половине XVII века.

Так одним из обитателей Земли стало меньше.

С тех пор в череде истребленных человеком животных и птиц следом за гигантским страусом моа, жившим на Мадагаскаре, и морской коровой стоит птица додо.

И если вы заглянете в какую-нибудь из научных книг по зоологии, то прочтете, что птица додо была истреблена голландскими моряками, потому что она не могла убежать или улететь от моряков. А голландцам додо были очень удобны — большие жирные птицы, связал дюжину за ноги и тащи на корабль.

На острове бывали не только голландцы. Порой там приставали и другие суда. Англичане, заглянувшие на остров, были поражены странным видом додо и, поймав одну из птиц, сделали из нее чучело. Как люди основательные и склонные к научному мышлению, моряки привезли чучело в Оксфордский университет и сдали в музей. Так что внешний вид вымершего додо ни для кого не был секретом.

В музей приходили студенты и весело гоготали, глядя на чучело.

Но 17 января 1755 года в три часа пополудни вместо студентов пришла комиссия. Комиссия должна была проверить состояние музейных экспонатов и степень их сохранности.

Когда господа дошли до чучела додо, оно им не понравилось. Сама птица была некрасивой. Некоторые перья были выщипаны студентами, а если как следует

стукнуть по чучелу кулаком (что и проделали по очереди все члены комиссии), то из него сыпались опилки, что совершенно возмутило господ. Комиссия приняла единодушное решение: чучело так называемого додо выкинуть на помойку.

Что и было сделано.

И надо же было так случиться, что на помойке той ночью ковырялся какой-то умеренно разумный бродяга, который увидел разодранное чучело странной птицы. Один клюв ее чего стоил! И бродяга оторвал от чучела голову, а потом и ногу и с утра принес ее в музей. Именно в музей!

Комиссия уже ушла.

Бродягу, на счастье, встретил молодой человек, который не разделял мнения комиссии и был настолько отважен, что спрятал голову и ногу в чулан. Где их

*Алиса с Черной королевой.
Иллюстрация к «Алисе в стране чудес»
из первого издания книги*

и отыскиали, когда ученый мир был уже полон скорби по поводу глупости комиссии.

А в тот день, когда Доджсон начал придумывать сказку про Алису, голова додо лежала под стеклянным колпаком в Оксфорде, и не было там студента или преподавателя, который не знал бы этой горькой истории.

— А кто там был? — спросила Алиса, имея в виду подземелье, где она (а вернее, ее героиня) рыдала.

И Доджсон вспомнил о комиссии и о невероятной ходячей птице додо. И произнес это название. А потом, когда художник начал иллюстрировать книгу (а случилось это очень нескоро), писатель привел его в университетский музей. Так что классические иллюстрации «Алисы в стране чудес» воспроизводят облик додо совершенно точно. Родная мать его бы узнала.

Эта история протянулась в сегодняшний день.

Тайна скорой гибели всех додо занимала английских археологов и зоологов довольно долго. И вот четыре года назад на остров Маврикий приехала небольшая археологическая экспедиция, которая начала раскопки на месте того самого первого голландского поселка на берегу.

Четыре года археологи раскапывали фундаменты домов, порт, а также помойку поселка. Помойке уже исполнилось четыреста лет, а такие древние помойки — клад для археолога, потому что туда кидают все, что отслужило свой срок. А кроме того, там сохраняются объедки, которые могут рассказать, что ели и на кого охотились жители поселка.

Археологи полагали, что ранние слои помойки будут полны костями додо.

Ничего подобного! Они не нашли ни единой косточки этой птицы. За сто лет ни одной!

А это означает, что голландцы не ели додо.

Один из археологов решил проверить записки, отчеты и дневники голландских моряков и вскоре нашел упоминание о том, как истощенные за время многодневного морского перехода голодные матросы поймали додо и зажарили его.

А съесть не смогли!

Так как додо не нужно было летать, у них атрофировалась грудина, и никакого мяса там не было. Мясо было лишь на сильных ногах, которые были такими жилистыми, что разгрызть их было невозможно.

Так куда же делись эти птицы?

А птиц погубила самоуверенность.

Дело в том, что за отсутствием естественных врагов додо размножались довольно вяло. Проведенные на основе остатков чучела в Оксфорде исследования показали, что самка откладывала одно яйцо раз в два года. Причем прямо на землю.

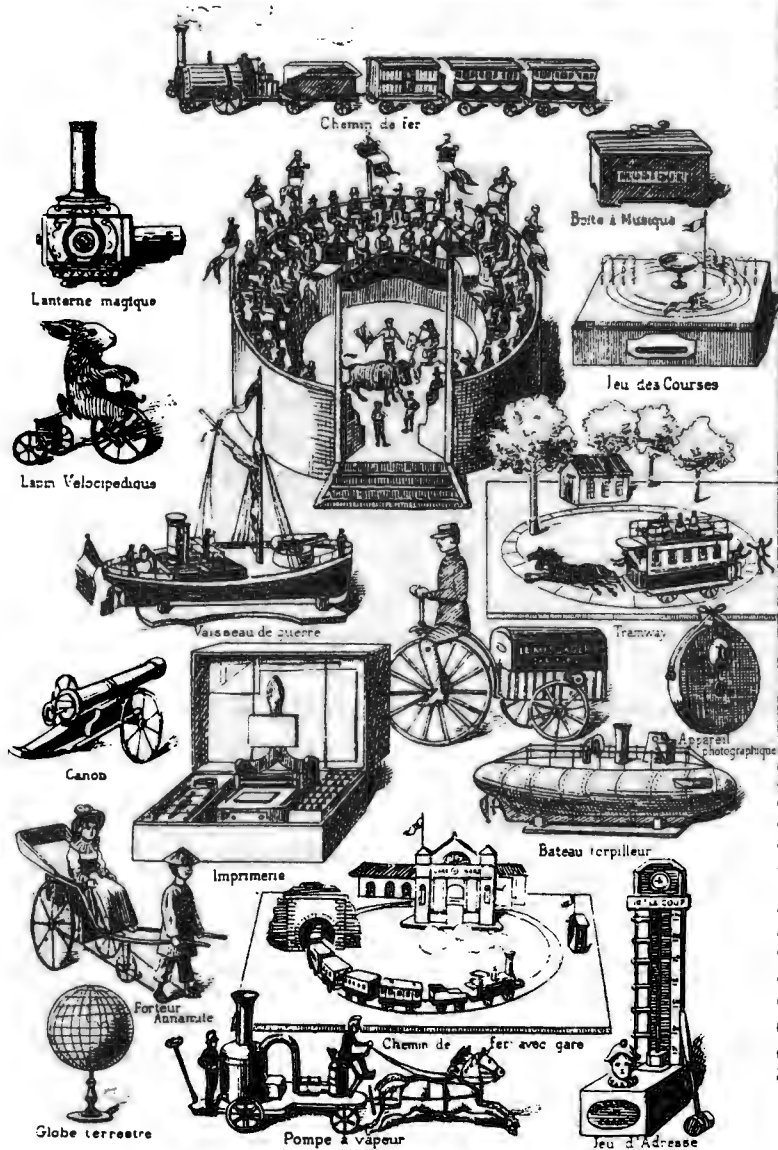
Некому его взять. Так что присыпала листьями — и иди гуляй до следующего раза.

Раз додо есть нельзя, а кораблям, приходящим на Маврикий, нужно свежее мясо и за него можно получить деньги, жители единственного поселка завезли туда свиней. Свиньи жили на острове довольно свободно, и развелось их невиданно!

Свинья — существо всеядное. Так что свиньи бродили по лесам, находили большие, вкусные яйца и с удовольствием их пожирали. Удивительно то, что более полувека додо как-то ухитрялись существовать — ведь свиньи за несколько лет уничтожили новое поколение.

Так что голландцы оказались ни в чем не виноваты.

Не потому, что были очень добрыми, просто не нужны им были додо. А свиньям понравились птичьи яйца. Впрочем, голландцы об этом не знали. А если бы и знали, все равно завезли бы свиней.

*Такими игрушками забавлялись сестры Лидделл:
страница из торгового каталога*

Ровно через три года, день в день, после пикника на Темзе, когда Доджсон рассказал Алисе о ее приключениях, 4 июля 1865 года Алиса получила по почте книгу «Алиса в стране чудес», написанную писателем Льюисом Кэрроллом, и сначала не сообразила, что автор ее — милейший Доджсон, который, будучи серьезным преподавателем в серьезном университете, конечно же взял себе псевдоним, чтобы никто ни о чем не догадался. Книжка была с картинками, и Алиса на них была похожа на настоящую Алису, а всех остальных героев художник рисовал под внимательным контролем писателя. Он хотел, чтобы в его книге все было точно так, как он вообразил.

А сейчас я вам расскажу о том, чего вы наверняка не знаете.

Вторая книга про Алису, которую все полагают продолжением первой, была частично рассказана... Впрочем, послушаем, что вспоминала впоследствии ее героиня:

«Когда мы были детьми, то жили на площади Онслоу и обычно играли в саду за нашими домами. Порой туда к своему старому дядюшке приходил Чарлз Доджсон и гулял с ним по лужайке, заложив руки за спину.

«Алиса! — сказал он мне как-то. — Можно тебе показать одну странную штуку? Нечто совершенно загадочное?» Мы пошли за ним в дядюшкин дом, тесно заставленный мебелью. В углу стояло высокое зеркало. Доджсон протянул мне апельсин и спросил: «В какой руке ты его держишь?» «В правой», — ответила я. «А теперь подойди к зеркалу, — сказал Доджсон, — и посмотри, в какой руке держит апельсин девочка, которую ты видишь в зеркале?» «В левой», — ответила я. «Вот именно! И как же ты это объяснишь?» Я не могла объяснить

эту загадку, но понимала, что он ждет ответа, и потому осмелилась сказать: «Ведь если бы я была по ту сторону зеркала, то апельсин все равно был бы в моей правой руке». Доджсон рассмеялся. «Молодец, Алиса, — сказал он. — Это самый лучший ответ, который мне приходилось слышать».

А через несколько лет он сказал мне, что я, сама того не подозревая, подарила ему идею книжки «Алиса в Зазеркалье».

И ничего странного в этом разговоре не было бы, если бы фамилия Алисы не была Рейкс. Она не имела ничего общего с Алисой Лидделл, была на пять лет ее младше и вторглась в авторское воображение, слившись с первой Алисой. Доджсон сочинил две книжки, и героинями их были две разные Алисы.

ГИБЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОГО ПРЕЗИДЕНТА

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЛИНКОЛЬНА

Гражданская война в Соединенных Штатах была самой жестокой и кровавой войной XIX века. К тому же она была гражданской, а нет больших врагов, чем близкие родственники. Недаром так безжалостно истребляли гугенотов французские католики, а русские старообрядцы сжигали себя вместе с семьями, только бы не сдаться в руки других русских, которые крестились тремя перстами вместо двух. Именно в гражданской войне были применены многие методы и способы военных действий, о которых какой-нибудь Наполеон и не подозревал. Я уже рассказывал, как он отказался строить подводные лодки, изобретенные Фултоном, потому что подбираться к врагу под водой и топить его, ничего не подозревающего, нечестно и даже подло.

Война уже завершалась, и ясно было, что конфедераты, то есть южные штаты, терпят поражение. Однако сдаваться они не намеревались. И тогда северяне с согласия благородного президента Линкольна перешли к тактике выжженной земли. После падения одного из главных городов южан Атланты генерал Шерман двинул свою армию к морю — ему надо было пройти пятьсот километров по вражеской территории. Шерман заявил: «Мы сражаемся не только с вражеской армией, но

и с вражеским народом, и мы обязаны, чтобы все они — и старые, и молодые, и богатые, и бедные — почувствовали на себе тяжелую лапу войны». Для этого в полосе шириной сто километров армия Шермана не оставила ни одного дома, ни одной шпалы, ни одной школы, ни одного кукурузного или хлопкового поля. Цель была достигнута: южане поняли — им пришел конец!

И раз это была первая современная война, именно американцы поняли, что ее решает экономика. А сотни тысяч погибших солдат — тоже часть этой экономики. Да и сражение шло между молодыми промышленными штатами и рабовладельческими хлопковыми штатами Юга. Рабский труд негров был выгоден на хлопковых полях, и потому негров объявили недочеловеками, вещами. Любой рабский труд только мешает развитию современного промышленного государства, и это было одной из причин того, что освобождение рабов стало главным лозунгом северян.

Экономика, деньги, акции — все это двигало полками и армиями, политиками и священниками, но для обыкновенного человека, для тех, кто погибал под Геттисбергом или в Атланте, главным было нарушение привычного и необходимого образа жизни и гибель своего дорогого мира.

А раз так, то должен был появиться человек, который для одних станет знаменем и олицетворением воли, а для других — исчадием ада, вождем сил зла.

Юг, с самого начала обреченный на поражение, такого вождя не создал. Север имел Авраама Линкольна, честного, высоченного, нескладного бывшего лесоруба, самоучку — воплощение американского идеала успеха, выкованного собственными руками.

Ненависть южан была велика, и все же никто в северных штатах не думал, что у кого-то поднимется рука на Линкольна.

*Авраам Линкольн.
С фотографии 1864 года*

Да и не было у президента настоящей охраны. И уж тем более не оказалось охранников с ним вместе в театральной ложе 14 апреля 1865 года, когда он с женой отправился в театр Форда в Вашингтоне.

Это были праздничные дни в лагере северян, и президент мог позволить себе краткий отдых — ведь буквально несколько дней назад главнокомандующий армией конфедератов генерал Ли вынужден был капитулировать. Остатки войск южан были зажаты в угол, и деваться им было некуда.

Гражданская война закончилась.

Ближе к концу спектакля, примерно в десять часов, дверь в президентскую ложу беззвучно отворилась.

Кто-то вошел.

Президент оглянулся.

Вошедший поднял револьвер и с двух метров выстрелил президенту в висок. Тот упал и умер, не приходя в сознание.

Убийца незаметно вошел в президентскую ложу

В ложе, кроме Линкольна, был его друг майор Ратбойн и жены друзей. Услышав выстрел, майор кинулся на человека с револьвером. Тот отбросил револьвер. В левой руке у него появился кинжал, и он нанес майору несколько глубоких ран. Затем человек с окровавленным кинжалом вскочил на перила ложи.

Зал ахнул.

Убийца прыгнул из ложи на сцену — высота там была около трех метров. Но тут ему не повезло. Дело в том, что как раз перед приездом в театр президента директор украсил ложу снаружи государственными флагами. Они свешивались в зал.

Нога убийцы зацепилась за флаг, он не удержал равновесия, грохнулся на сцену и застонал от боли.

Потрясая кулаками, убийца поднялся и воскликнул: «Sic temper tirannis!», что по-латыни означает:

«Так всегда будет с тиранами!» После этого, морщась от боли, он заковылял со сцены.

Зрители были так потрясены, что ни один из офицеров, сидевших в партере, не сделал попытки задержать убийцу.

Впрочем, в тот момент почти никто не знал, что Линкольн убит.

Убийца исчез.

А точно в это же время на другом конце Вашингтона в дверь дома государственного секретаря США Стюарта постучали. Сын секретаря открыл дверь. За дверью стоял высокий, могучий детина.

— Я принес лекарство для твоего отца, — сказал он.

Детина не понравился Стюарту-младшему, и тот сказал, что сам отнесет отцу лекарство. Тогда детина выхватил револьвер и так ударил им юношу по голове, что пробил ему череп, а револьвер разбился от удара.

Отбросив револьвер, детина кинулся по лестнице наверх. Он отлично знал расположение комнат, так же как убийца президента свободно ориентировался в театре Форда.

Стюарт не мог встать с постели. У него после несчастного случая была сломана челюсть, и врачи сделали ему железную маску, чтобы не повредить ее снова.

Выхватив нож, детина ударил Стюарта в шею. Но маска ему помешала. Стюарт собрался с силами и скатился с кровати.

В этот момент в спальню вбежал его второй сын. Убийца ранил его, сбежал по лестнице на улицу, вскочил на ждавшую его лошадь и ускакал.

Кто поднял руку на президента?

Сомнений не было. Это южане, они подослали убийц в надежде повернуть вспять ход проигранной войны.

Но кто?

Газеты обещали
фантастическую
по тем временам
награду за поимку
убийц

War Department, Washington, April 20, 1865.

\$100,000 REWARD!

THE MURDERER

Of our late beloved President, ABRAHAM LINCOLN,
IS STILL AT LARGE.

\$50,000 REWARD!
will be paid by this Department for the apprehension, in addition to any reward offered by Municipal Authorities or State Executives.

\$25,000 REWARD!
will be paid for the apprehension of JOHN B. HENRY, one of Booth's accomplices.

\$25,000 REWARD!
will be paid for the apprehension of DANIEL C. HARRIS, another of Booth's accomplices.

LINCOLN'S REWARD will be paid for any information that shall enable us to the arrest or other of the aforementioned criminals, or their accomplices.

All persons harboring or concealing the said persons, or either of them, or aiding or assisting their escape, or attempt, will be treated as accessories in the murder of the President and the attempted assassination of the Secretary of State, and shall be subject to trial before a Military Commission and the punishment of DEATH.

Let the name of innocent blood be removed from the land by the arrest and punishment of the murderers.

All good citizens are requested to aid public justice on this occasion. Every man should remember his own reputation charged with this solemn duty, and that neither night nor day shall it be accomplished.

EDWIN M. STANTON, Secretary of War.

REMARKS: (1) This is a list of all the persons who have been named in the above notice. (2) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (3) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (4) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (5) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (6) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (7) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (8) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (9) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (10) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (11) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (12) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (13) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (14) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (15) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (16) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (17) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (18) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (19) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (20) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (21) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (22) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (23) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (24) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (25) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (26) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (27) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (28) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (29) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (30) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (31) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (32) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (33) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (34) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (35) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (36) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (37) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (38) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (39) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (40) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (41) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (42) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (43) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (44) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (45) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (46) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (47) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (48) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (49) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (50) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (51) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (52) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (53) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (54) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (55) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (56) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (57) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (58) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (59) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (60) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (61) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (62) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (63) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (64) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (65) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (66) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (67) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (68) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (69) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (70) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (71) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (72) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (73) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (74) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (75) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (76) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (77) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (78) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (79) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (80) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (81) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (82) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (83) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (84) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (85) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (86) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (87) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (88) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (89) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (90) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (91) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (92) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (93) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (94) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (95) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (96) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (97) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (98) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (99) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them. (100) The names of the persons who have been named in the above notice are not to be used in any way to identify them.

Вся страна мучилась негодованием, а на юге вспыхнула надежда на то, что без Линкольна северяне не способны победить, война начнется снова и в ней окончательно победят конфедераты.

Наверное, эта тайна разрешилась бы куда раньше, но дело в том, что перепугался некий Джон Мэттьюз, актер театра Форда, который получил от убийцы письмо с признанием и объяснением причин покушения. Письмо ему вручили за два часа до покушения возле театра и велели отнести в газету «Нэшнл Интеллидженсер», чтобы его опубликовали в утреннем номере.

После того как раздался выстрел, Мэттьюза стали мучить подозрения и он вскрыл конверт.

Прочитав письмо, актер подумал: «Если я отнесу письмо, то все догадаются, что я знаком с убийцей. Как мне доказать, что я тут ни при чем?»

И он сжег письмо. Хотя отлично знал, кто убийца.

Впрочем, это не изменило сути дела. Мэттьюз не сумел разбогатеть, потому что, когда все улеглось, он мог бы получить за письмо на аукционе куда больше, чем зарабатывал в театре за год.

Но для следствия это не сыграло большой роли. В театре нашлось сразу несколько человек, которые заподозрили, что убийцей был Джон Бут, актер того же театра, выходец из весьма достойной семьи. Отец его, ведущий актер театра Форда, был крайне талантлив, но подвержен вспышкам неудержимого гнева, во время которых терял над собой контроль. Эту же болезнь унаследовал и его сын Джон.

Буты были выходцами из Балтимора и страстными поклонниками свободы южных штатов. Причем Джон, даже начав работать в Вашингтоне, никогда не скрывал, на чьей он стороне в гражданской войне.

По мере того как война подходила к концу, Бут все более желал совершить что-то такое, что восславит его имя в веках. Причем совершить этот подвиг во славу южных штатов.

Летом 1864 года, меньше чем за год до описываемых событий, он побывал в Канаде, где тогда скопились все южане, по тем или иным причинам эмигрировавшие из Америки. Там он нашел единомышленников и узнал о плане, который разрабатывался в эти дни. План заключался в том, чтобы похитить президента Линкольна и держать его в тайном месте, а тем временем диктовать командованию северян свои условия.

Бут объявил, что именно это он и сделает.

Он вернулся в Балтимор, занятый северянами, и начал вербовать себе соратников. Бут повторял, что их цель — подстеречь Линкольна на улице или в загородном доме, похитить и спрятать в лесу.

Найти соратников среди удрученных и униженных южан не составило труда. Были они в основном бывшими солдатами и офицерами конфедератов, по разным причинам покинувшими армию. В группу Бута вошли мать и сын Сэррет, в доме которых был устроен штаб.

Чтобы похитить Линкольна, достали лошадей. За приличное вознаграждение (в будущем) привлекли Георга Атцеродта, немца по происхождению, контрабандиста по специальности. Вскоре к группе присоединился неумный Пейн, двухметровый детина, который дезертировал из армии конфедератов. Пейн не мог подчиняться никакой дисциплине.

В начале 1865 года было решено выкрасть Линкольна из театра, куда он порой ходил вечерами. Эта идея была удобна тем, что Бут работал в театре и никто не мог помешать ему проникнуть в любое помещение.

Заговорщики решили напасть на президента в ложе, связать его и выбросить на сцену. Другие члены группы должны были унести его через черный ход и потом доставить к границе, где заботу о пленнике взял бы на себя Георг. Все было готово к 18 января, лошади и люди на местах... Но президента прождали зря, он в тот вечер не пришел. Заговорщики были недовольны Бутом, в любой момент их союз мог распасться.

Тогда Бут переменял план. Линкольна схватят за городом, в лесу, когда он будет ехать из загородного дома. Могучий Пейн должен будет схватить президента и держать его, другой заговорщик сбросит кучера и залезет на облучок, и они поскачут к границе с Канадой или к штатам, которые еще остаются в руках южан.

В назначенный день марта на дороге появилась президентская карета, но президента в ней не оказалось. В тот день он не поехал в город.

Бут понимал, что, если в третий раз покушение не удастся, он останется в одиночестве.

И тут пришли новости о капитуляции генерала Ли. Теперь даже удачно похищенного президента везти было некуда — у южан не осталось территории. Но Бут не мог отказаться от покушения, потому что ему важнее была собственная слава, чем похищение Линкольна.

Очередная попытка была назначена на 14 апреля.

И друг Бута, с которым он говорил в тот день, был совершенно убежден в том, что ни о каком похищении речь уже не шла — Буту надо было убить Линкольна. Только тогда его имя и слава переживут века!

В своем дневнике за день до покушения Бут написал: «Шесть месяцев подряд мы готовили похищение. Но наше дело уже почти проиграно, и потому нам не остается ничего иного, как совершить нечто важное, решительное и отчаянное».

Дальнейшее мы уже знаем.

Пейна отрядили убивать Стюарта, и он провалил это задание.

Еще одного заговорщика послали с бомбой убить на улице проезжавшего вице-президента Джонсона, но тот в последний момент струсил и вернулся домой.

Бут же успел скрыться у доктора, связанного с заговорщиками. Двенадцать дней он скрывался в сарае вместе с другим заговорщиком, Герольдом, жутко мучаясь от боли в сломанной ноге. Затем его выследили. И трудно было не выследить — десятки тысяч солдат и добровольцев прочесывали все подозрительные места, тогда как остальные заговорщики были схвачены и, покупая себе жизнь, рассказывали все, что знали и чего не знали.

*Бостон Горбетс,
который застрелил
Бута во время облавы*

Когда сарай был окружен, Герольд предпочел сдаться. Бут сдаваться отказался и продолжал отстреливаться. Тогда, чтобы выманить его наружу, сарай подожгли. Под прикрытием дыма Бут попытался скрыться, но в перестрелке был смертельно ранен в шею.

Он умирал на траве, неподалеку ревел последний в его жизни пожар — догорал сарай. Ему принесли воды. Он отпил глоток и внятно произнес: «Скажите моей матери, что я умираю за мою страну. Я убежден, что делал все ради ее блага».

С этими словами Джон Бут умер.

Пятерых самых активных заговорщиков после суда повесили, притом миссис Сэррет стала первой казненной женщиной в истории Соединенных Штатов.

Еще несколько вольных или невольных участников заговора приговорили к пожизненному заключению.

Такая судьба постигла доктора, который лечил Бута. Даже рабочий сцены из театра, которого Бут попросил поддержать его лошадь, пока он зайдет в театр, получил за сообщничество свои шесть лет и просидел их от звонка до звонка.

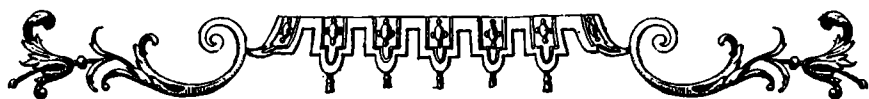
Связать с заговорщиками арестованного вскоре президента Конфедерации Дэвиса не удалось. Его судили и заключили в тюрьму за измену Соединенным Штатам.

Несмотря на сохранившиеся дневники и записки Бута и многочисленные воспоминания о нем, вопрос о том, кто же финансировал заговор, остается открытым. И стоял ли кто-то за спиной актера, которым руководило неумное тщеславие, мы не знаем.

И не узнаем никогда.

Впрочем, чего только не бывает. Недавно я прочел в газете «Таймс», что дочка Черчилля откопала где-то на чердаке пачку писем своей бабушки и выяснила, кто же на самом деле был отцом будущей жены английского премьер-министра. Вы скажете, что сегодня это не важно. Я с вами согласен, но для англичан это — историческое открытие. Страна рвет газеты друг у друга.

А вдруг в том же английском архиве или на том же чердаке отыщутся записки английского резидента, который вспоминает о том, как правительство Ее Величества снабжало деньгами американских заговорщиков. Ведь в Соединенном Королевстве Линкольна не выносили...

ПОЛАГАЮ, ВЫ — ДОКТОР ЛИВИНГСТОН?

НЕУГОМОННЫЙ МИССИОНЕР

Если ты с шести лет с рассвета до темноты проводишь на ткацкой фабрике, если ты сначала был мальчиком на побегушках, а потом и сам встал к станку, если при этом ты умен, настойчив, упрям и устремлен к свободе, то выбьешься в люди, даже если никто, кроме матери, в тебя не верит. Давид Ливингстон отдавал зарплату матери, и она — при такой-то нищете! — выкраивала ему два шиллинга на латинскую грамматику. Лучше, чтобы об этом никто не знал, даже отец. Не дело нищему ткачу учить латинскую грамматику.

Учился Давид ночами. А рабочий день продолжался двенадцать часов.

Чтобы не приставали с вопросами и не смеялись, он утверждал, что хочет учиться, чтобы стать священником, может быть, даже миссионером в диких странах. Ему все равно никто не верил, но хоть не смеялись. Еще никому из заброшенного шотландского поселка не удавалось выбиться в люди.

Только в двадцать три года, в 1836 году, Ливингстон смог поступить в медицинский колледж и через два года подал заявление в Лондонское миссионерское общество, после чего стал кандидатом на миссионерское служение. В 1840 году после получения диплома

врача он приехал в Лондон, чтобы получить назначение в Китай.

Если считать все эти годы подготовкой именно к служению христианству, если Давид мечтал именно о том, чтобы обращать дикарей в истинную веру, то выбор медицинского, а не теологического или иного другого факультета был более чем разумным. Если ты умеешь исцелять не только молитвой, но и руками, цена тебе повышается.

Если же Давид был создан именно путешественником и все остальное для него было делом второстепенным, то и тогда его выбор был самым лучшим. Все остальное можно выучить самому. Можно изучить десять языков и научиться общаться с верблюдом. Но лечить себя и других сам не научишься.

Дальше мнения о судьбе Ливингстона расходятся. Энциклопедия «Британика», самое авторитетное издание Англии, пишет, что «Ливингстон мечтал попасть в Китай, но, к его горькому разочарованию, Общество отправило его в Африку». А вот биограф Ливингстона Р. Анстед уверяет, что отправиться в Китай путешественнику помешала война. Давид попал на лекцию миссионера Моффата из Южной Африки, который поведал, что в тех краях есть тысячи деревень, в которых не слышали слова Господа. Ливингстон кинулся к лектору и умолял взять его с собой в Куруман. Получив направление Общества, Ливингстон отправился в Куруман, лежащий в семистах километрах к северу от Кейптауна. Это была самая северная точка, куда добрались белые. Далее лежал совершенно неведомый континент.

В общем, вариант с «тысячью деревень» по тону мне кажется относящимся скорее к житиям святых, каковым Ливингстон и выступает в большинстве английских трудов.

В последующие два года Ливингстон лечил туземцев, учил местные языки, путешествовал все дальше от миссионерской базы. Он был очарован Африкой, он был болен Африкой, ее величием и неизведанностью. Он желал покорить ее — но не как конквистадор, а как великий белый друг. У меня создалось впечатление, что со временем миссионерская деятельность занимала в его жизни все меньше места.

Давайте проследуем за этим странным человеком, и тогда уж решайте сами, прав ли я. А может быть, правы авторы описаний его «святой» жизни.

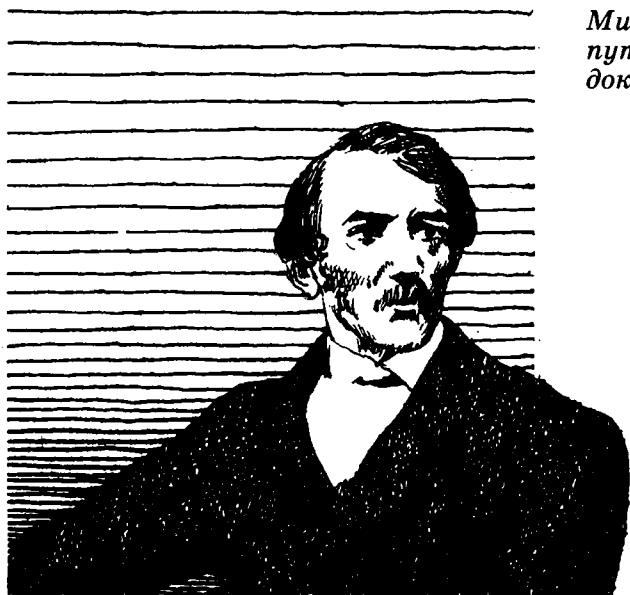
Ливингстон выбрал место для своего нового дома в долине реки Мабоца, одного из истоков Лимпопо в двухстах милях к северу от дома Моффата, на дочери которого, кстати, он решил жениться. У нее было очевидное преимущество перед остальными невестами Англии — будущая жена Ливингстона прожила большую часть жизни в Африке, и Африка не казалась ей страшным краем дикарей, хищников и смертельных болезней. Хотя, впрочем, всего этого и в самом деле хватало. Особенно если ты — не стандартный миссионер.

Дело в том, что в долине хозяйничали львы. И Ливингстон, собрав свою паству, заявил, что если убить одного-двух хищников, то остальные убегут сами. После этого он возглавил охотничий поход. Охотники настигли одного льва, Ливингстон, не обладавший большим опытом по этой части, вышел вперед и выстрелил в бросившегося на него зверя. Льва он не убил, а только ранил. Лев взревел и дальше, как вспоминал сам Ливингстон, «страшно рыча прямо мне в ухо, стал трясти меня, как терьер трясет крысу». Три других охотника, местный народ, кинулись на выручку Ливингстону. Лев бросил миссионера и кинулся на отважных людей, у которых никаких ружей не было.

Лев искалечил их, но, к счастью для охотников, подход от раны. У Ливингстона была сломана рука, вывихнуто плечо. Сам себя вылечить он не мог. На помощь белому доктору пришел черный колдун, и в результате рука срослась неправильно, а плечо осталось изувеченным на всю жизнь. Эта рана всегда мучила Ливингстона. Левая рука у него двигалась плохо. Впрочем, это была лишь первая из горестей великого путешественника. Ливингстон был страшно невезуч, прямо как адмирал Нельсон — что ни победа, то увечье, а то и смерть в конце концов.

Очевидно, Ливингстон обладал талантом вести за собой людей, вызывать их доверие и любовь. Известно, что когда он снова перевел свой миссионерский центр глубже на север, то за ним в совершенно дикие места двинулось все племя баквена.

В 1847 году вместе с двумя английскими путешественниками Ливингстон отправился на северо-запад,

*Миссионер и
путешественник
доктор Ливингстон*

надеясь перейти великую и неизвестную пустыню Калахари. Опять же поступок, свойственный отважному путешественнику, но никак не начитанному миссионеру. Они достигли большого озера Нгами, но дальше пройти не удалось. Что же делает этот миссионер? На следующий год он вновь идет к Калахари, где совершенно некого обращать в истинную веру. При чем берет с собой жену и двоих маленьких детишек. Это было ошибкой. У озера Нгами и он сам, и жена, и дети слегли от тропической лихорадки.

Что же делает Ливингстон на следующий год? Правильно, он берет жену, маленьких детей и английского путешественника Освелла, и все вместе они все же пересекают самую засушливую и безжизненную пустыню на Земле — Калахари, пройдя несколько сот километров по раскаленным пескам. И рядом с Ливингстоном послушно шагают обращенные им в христианство его спутники из племени баквена.

Несколько дней Ливингстон приходил в себя у гостеприимного вождя бушменов, а потом, оставив жену и детей выздоравливать на козьем молоке, сам отправился еще дальше к северу, потому что бушмены ему рассказали, что там течет великая река, о которой еще не слышал ни один европеец. Через несколько дней Ливингстон уже стоял на берегу могучей Замбези.

Затем он забрал окрепшее семейство и повез их напрямик в Кейптаун. Он понял, что в будущих путешествиях семья будет только обузой, да и опасно детям жить в местах, где им постоянно угрожают страшные болезни.

Семья уплыла в Англию, миссионер остался совсем один.

Слава его росла не только в Южной Африке, где его знала каждая собака, но и в Англии, потому что Ливингстон регулярно отправлял туда отчеты о миссио-

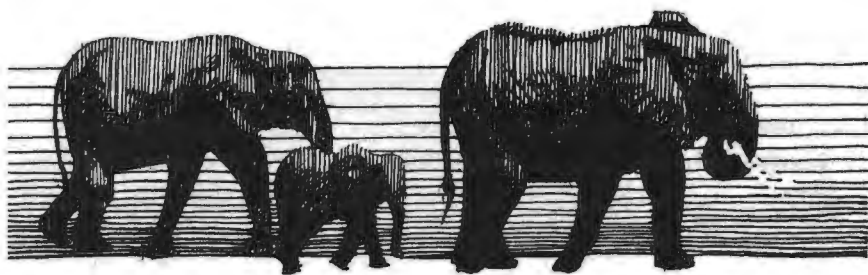
нерских успехах, а главным образом астрономические наблюдения, географические сведения и дневники.

Вернувшись в Линьянги, где теперь был его дом, Ливингстон стал готовиться к следующим путешествиям. Сначала он отправился к «западному морю», а потом решил пройти вдоль всего течения Замбези.

Отныне миссионерская деятельность отходит на второй план. Ливингстон становится настоящим путешественником. Но для окружающих существовала непробиваемая версия: Ливингстон путешествует, чтобы открыть страны для будущих миссионеров. Затем, в последние годы жизни, он сменит эту цель на борьбу с работорговцами Занзибара. Именно эти арабские разбойники держали в руках торговлю рабами.

На самом же деле, хотел того Ливингстон или просто не задумывался об этом, он пробивал пути для будущих английских военных отрядов. Он стал величайшим имперским разведчиком и, может быть, на многие годы ускорил завоевание англичанами африканских колоний. Ведь он не только проникал в ранее совершенно недоступные места, но и составлял научные, точные и подробные отчеты о своих путешествиях.

В те годы Ливингстона мучила дизентерия, и несколько раз он был на краю гибели, но его выносили из болот и пустынь верные друзья.

В долине Замбези слоны никогда не видели белого человека

В начале 50-х годов он спускался в лодке по Замбези и слышал впереди странный, гулкий рев. Гребцы забеспокоились. Экспедиция пристала к берегу, и дальше пошли пешком. Рев все усиливался. Наконец деревья расступились, и Ливингстон увидел самый большой в мире водопад. Он назвал его Викторией, в честь молодой английской королевы. Кстати, такой поступок тоже более характерен для имперского разведчика, нежели для скромного служителя церкви.

Спустившись по Замбези и добравшись до Индийского океана, Ливингстон пересек всю Африку, от моря до моря.

После этого с чувством выполненного долга Ливингстон вернулся в Англию к семье и друзьям, где сдал в печать большую книгу о своих приключениях. Оказалось, что он провел в путешествиях шестнадцать лет.

В Англии в карьере миссионера случились перемены. Он покинул Миссионерское общество, потому что правительство Ее Величества предложило скромному доктору пост генерального консула на открытых им землях, а также начальника экспедиции по исследованию бассейна Замбези. Ливингстону выделили пароход, сопровождал его вновь назначенный епископ Южной Африки. А вскоре туда приехала и жена Ливингстона.

Но теперь Давид был не простым миссионером. Он стоял во главе большой экспедиции, а также целого отряда миссионеров.

В те годы Ливингстон все больше усилий прикладывал к тому, чтобы уничтожить работорговлю в Восточной Африке. Народы и племена, попавшие в зону господства арабских работорговцев, деградировали, а их верхушка богатели и развращалась за счет продажи своих единоплеменников. В тех краях господствовали варварские обычаи, при которых человеческая жизнь ни во что не ставилась.

Но годы шли. Английское правительство присылало на помощь Ливингстону новых сотрудников, большей частью из офицеров, и новые пароходы. Но результаты путешествий были не столь значительными, как в прошлые годы. К тому же натравленные работорговцами туземцы убили епископа и его спутников. Вскоре умерла жена Ливингстона, которая приехала к нему, чтобы не расставаться на время будущих походов. И рассталась...

С тех пор жизнь Ливингстона пошла под откос. Он разочаровался в жизни, потому что результаты его путешествий, как он понял, обращались против его африканских друзей. Ливингстон решил вернуться домой и писать книги.

Но не тут-то было.

Ливингстон был уже ценной собственностью империи. И когда он вернулся на родину, министр иностранных дел от имени королевы обратился к нему с просьбой продолжить путешествия в районе открытого им великого озера Ньяса и отыскать истоки Нила. Ливингстон не смог отказаться. Правда, правительство было не очень щедрым. Ливингстон стал консулом Англии в Центральной Африке на общественных началах. Затем казначейство выделило ему пять тысяч фунтов и столько же дало Географическое общество. Разумеется, Ливингстон поднял вопрос о ликвидации работорговли, и в Лондоне ему сказали: «Конечно! Как же иначе!» Но никаких прав и возможностей не предоставили.

В 1866 году Ливингстон высадился на Занзибаре и двинулся в глубь Африки во главе большой экспедиции из тридцати шести человек. Правда, на этот раз он был единственным англичанином.

Вскоре экспедиция достигла озера Ньяса, и тут почти все члены ее повернули обратно. Ливингстон остался с четырьмя парнями из его «родного» племени. Постарались

работорговцы, ненавидевшие доктора. Его спутников они просто запугали.

Умиравший от дизентерии Ливингстон упорно продолжал продвигаться к Танганьике, негры несли его на носилках. 20 марта 1871 года он достиг берега озера Луалаба и, чтобы двигаться дальше, должен был достать лодку. Четыре месяца больной Ливингстон лежал в палатке на берегу, потому что запуганные работорговцами местные жители не смели ему помочь. Именно там и тогда, чтобы преподать урок настойчивому доктору, арабские работорговцы в базарный день окружили базарную площадь и перестреляли из ружей всех торговцев и покупателей, в основном женщин и детей. «Мне казалось, что я попал в ад, — вспоминал Ливингстон, для которого это представление и было устроено. — Первым моим импульсом было достать пистолет и начать убивать этих мерзавцев».

Никого он не убил, а повернул назад и в октябре достиг деревни Ужижи, где его встретили старые друзья.

Здесь Ливингстон отдыхал и надеялся поправиться.

Он и представления не имел о том, что уже не первый год его судьба являлась одной из самых волнующих загадок не только для англичан, но и для всего мира.

Так как Ливингстон путешествовал один, он и не подозревал, что все его письма и корреспонденции, которые он посылал со встречными караванами или просто туземцами, перехватывались работорговцами и их прислужниками. А если они достигали Занзибара, то в султанском дворце тоже находились друзья работорговцев. Так что за четыре года ни одно письмо Ливингстона не достигло Англии. Постепенно воцарилась горькая уверенность в том, что знаменитый путешественник погиб или от болезней, или от рук работорговцев.

Это убеждение было настолько распространено, что, когда знаменитый журналист Генри Мортон Стэнли из

Проводники и спутники Ливингстона

богатой американской газеты «Нью-Йорк геральд» решил отправиться на поиски Ливингстона, хозяин газеты некоторое время сомневался, стоит ли впутываться в безнадежное предприятие. Но Стэнли убедил его, что любой результат экспедиции принесет прибыль.

Стэнли во главе вооруженного отряда отправился в путешествие, не намереваясь рисковать. И если какие-нибудь работорговцы, а еще хуже — португальцы или французы встанут на его пути, охрана будет готова дать залп из всего имеющегося в наличии оружия.

Несколько месяцев репортажи Стэнли заканчивались словами: «Мы отправляемся дальше в неизведанные края. Все меньше остается надежды узнать, куда пропал Ливингстон».

Весь цивилизованный мир искал Ливингстона, а тот мучился от дизентерии и нервного истощения в деревне Ужижи, понимая, что бессилён помочь своим друзьям и уничтожить врагов. И скорая смерть казалась ему избавлением от страданий.

Именно к деревне Ужижи и приближался неутомимый Стэнли. Если белый доктор ещё жив, искать его надо там.

И вот в один прекрасный день летом 1871 года ученик Ливингстона влез к нему в палатку.

— К нам пришел англичанин! — воскликнул он.

Ливингстон заставил себя подняться. Он был в черном поношенном костюме и фуражке — ведь он оставался консулом Великобритании в Центральной Африке.

Над тропой, что вела к деревне, показался большой американский флаг. За ним следовал загорелый, бодрый американский джентльмен, а затем тянулась бесконечная процессия носильщиков, каждый из которых нес на голове тук или сверток — это были палатки, чайники, кастрюли, лекарства, витамины, боеприпасы...

Стэнли еще издали увидел высокого худого мужчину с длинной седой бородой. Ливингстон казался куда старше своих шестидесяти лет.

«Он был бледен, — сообщалось в телеграмме, которую в тот день понесли скороходы в Занзибар, — и взволнован. На нем была синяя фуражка с выцветшим золотым околышем, пиджак и полосатые брюки. Я подошел к нему, снял шляпу и произнес:

— Полагаю, вы — доктор Ливингстон?

Старик улыбнулся в ответ и тоже приподнял фуражку.

— Вы не ошиблись, — сказал он.

Мы пожали друг другу руки, и я сказал:

— Я благодарен Господу за то, что мне привелось застать вас в живых.

— А вы вернули меня к жизни, к новой жизни, — пробормотал усталый путешественник».

После этого Стэнли принялся уговаривать Ливингстона вернуться домой и поправить здоровье. Весь мир ждет его возвращения и трепещет, опасаясь за судьбу странника.

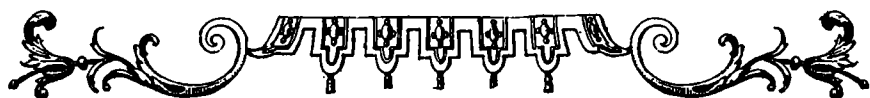
— Нет, — ответил Ливингстон, — я еще не кончил своего пути.

Он знал, что обречен идти до конца своих дней.

И через два года, когда он в очередной экспедиции уже не мог ступить ни шагу и его несли ученики, он попросил их остановиться в маленькой деревне Бангвеоло. Его отнесли в хижину. И спутники по очереди сидели возле хижины — мало ли что может понадобиться доктору. Доктор всю ночь стоял на коленях, положив руки и голову на кровать.

Когда они пришли утром, чтобы напоить доктора чаем, оказалось, что он мертв.

Они вырезали у Ливингстона сердце и закопали его под громадным деревом на берегу озера. Затем набальзамировали тело, завернули его в несколько слоев коры и пронесли, меняясь, тысячу миль до океана. Там его передали англичанам, которые отвезли тело в Лондон и похоронили в Вестминстерском аббатстве, где покоятся все короли и великие люди страны. Но мало кто в Англии знает, что сердце Ливингстона осталось в Африке.

ОЗЕРО ПО КОЛЕНУ

СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ

Когда всемогущий канцлер Пруссии, создатель германского государства Бисмарк узнал о том, что в Баварии произошел переворот, он потребовал доклад доктора Гуддена и, прочтя его, воскликнул: «Этот доклад воняет замочными скважинами и кухонными сплетнями!»

Но дело было сделано...

До трагедии оставались дни.

Как и многие другие древние аристократические роды Европы, баварские короли вырождались. Они тащили в себе столько генетических несутраженностей, уродств, болезней и сумасшествия, что к середине XIX века баварский королевский дом стал притчей во языцах в Германии, да и во всей Европе.

Но начнем с самого начала.

В 1845 году в Баварии родился мальчик, которого называли Людвигом в честь его отца, короля Людвига Первого. Мальчику не успело исполниться и трех лет, как его отца «сняли» с престола после громкого скандала. И править стал брат короля, дядя нашего героя, Максимилиан. Когда Людвигу исполнится восемнадцать лет, Максимилиан уступит ему трон, как и поло-

*Принц Людвиг. С портрета 1865 года.
Тогда он был красив и изящен*

жено. Кстати, тогда же у смещенного Людвига родился еще один сын, Отто, на три года младше нашего героя.

Людвиг рос среди бонн и гувернеров, его учили всему понемногу, но в первую очередь военному делу, как и положено будущему королю. А король совсем не хотел воевать. Он весь пошел в отца — романтик,

мечтатель и франкофил. Людвиг любил все, связанное с Францией, что было весьма странно для немецкого принца.

Был у Людвига один друг, которому исполнилось пятьдесят лет. Казалось бы, совсем неподходящий друг для романтически настроенного юноши.

Этого друга звали Рихардом Вагнером. Он был знаменитым композитором.

Впервые Людвиг встретился с не нашедшим признания, разочарованным, нуждающимся Вагнером 4 мая 1864 года, через два месяца после того, как неожиданно умер смещенный король и баварская знать решила, что Людвигу пришло время занять трон, хотя он по правилам тех лет еще не стал совершеннолетним.

Молодой король решил нанести Вагнеру визит, когда тот прятался в Штутгарте от врагов и кредиторов, укрывшись в доме своего приятеля. Все было против композитора. Брак его развалился, его преследовали за демократические республиканские настроения, жил он весь в долгах и никаких перспектив не видел.

И вот к нему явился незнакомый человек и сказал, что его хочет навестить король Баварии. Вагнер решил, что это хитрость кредиторов, которые хотят его схватить и посадить в долговую тюрьму. Поэтому он отказался встретиться с королем Баварии. Секретарь короля спорить не стал, но на следующий день явился к Вагнеру снова, теперь с фотографией. Это был портрет короля Людвигу Второго в полной парадной форме. На фотографии было написано почтительное посвящение любимому композитору.

Только тогда Вагнер понял, что его не разыгрывают.

Вскоре король пришел к композитору. Он столь горячо восхищался его операми, что Вагнер не только признал в нем родственную душу, но и полюбил его. Ведь композитор был так несчастен, и вдруг, как в сказ-

*Друг короля —
композитор
Рихард Вагнер*

ке, к Золушке пришел принц с хрустальной туфелькой в руках.

Туфелька была основательной.

Через некоторое время Вагнер согласился переехать на загородную виллу короля, а король перебрался в замок неподалеку, чтобы можно было каждый день встречаться и обсуждать работу композитора.

Наконец-то Вагнер смог работать, не думая о житейских неурядицах. В декабре того же года состоялась

премьера оперы «Летучий голландец», а еще через год в Мюнхенском оперном театре прошло первое представление оперы «Тристан и Изольда».

На премьерах король сидел в своей ложе. Вся баварская знать должна была ходить в театр на оперы Вагнера, которые далеко не всем нравились.

Восторженное преклонение короля перед композитором продолжалось полтора года. Затем в отношениях двадцатилетнего короля и перешагнувшего за пятьдесят композитора появились трещины. Друзья были сложными натурами, самолюбивыми, а порой даже вздорными. Когда Людвиг узнал, что Вагнер именует его в разговорах «мой мальчик», он возмутился до глубины души и отказался встречаться с композитором.

Потом они помирились, но королевское семейство приняло все меры, чтобы разрушить этот союз. Людвига призывали к себе дядя и мать и потребовали перестать тратить народные деньги на иностранного композитора. (В те дни немцы ощущали себя не столько немцами, как гражданами разных немецких государств. Людвиг был баварским королем, а Вагнер — саксонцем. В Саксонии был свой король, который композитора не очень любил.) Людвиг покорился воле родных и через несколько дней проводил друга на поезд в Швейцарию. Но надо сказать, что до самой смерти Вагнера в 1883 году он тайком посылал ему деньги, а после смерти композитора добился того, чтобы его похоронили неподалеку от Мюнхена в Байрейте, где специально для вагнеровских опер было построено роскошное здание театра.

Баварцы относились к своему новому королю с любовью. Это была любовь авансом. Людвиг был высок ростом, строен и красив. Черные кудри пышно вились на висках, голубые глаза смотрели открыто и наивно. Король был горд, вспыльчив, порой несправедлив, но

отходчив. Он грозился казнить всех жуликов и пройдох, но так никого и не казнил.

В 1867 году Людвиг нашел себе невесту, свою кузину Софию, но за несколько дней до свадьбы раздумал жениться. Свадьба не состоялась.

Людвиг не выносил мюнхенский двор, его нравы и интриги. Поэтому он старался как можно больше времени проводить вне столицы.

Зимой он приказывал запрячь в сани четырех белых коней и часами катался по окрестностям своих горных замков. В одном из замков он устроил театр. Людвиг всегда дружил с актерами, не допуская к себе герцогов.

Сам же он мечтал поехать во Францию, но в те годы отношения между Францией и германскими государствами были плохими, а в 1870 году даже началась война, в которой Бавария выступила на стороне Пруссии — самого сильного из германских государств. После войны канцлер Пруссии Бисмарк принялся улаживать властителей различных германских земель объединиться в единое государство, сохранив в нем свою автономию. В версальском дворце в поверженной Франции германские принцы и короли устроили объединительный съезд.

Но для Людвига, который там конечно же присутствовал, важнее всего была возможность путешествовать по любимой Франции. Именно ее история больше всего занимала короля.

И вот тогда, после путешествия по Франции, Людвиг, которого более не интересовали вопросы внешней политики и финансов, потому что их взяли на себя прусские чиновники, принялся строить сказочные замки.

Принято считать, что Нойшванштайн — Лебединый замок — уродлив и безвкусен. Наверное, с точки зрения строгого стиля он нарушает все каноны. Он — сказка, родившаяся в воображении немецкого роман-

тика. В действительности такого строения быть не может — на вершине крутой горы поднимается, как кисть руки с поднятыми вверх пальцами, белое каменное чудо. Помимо Лебединого замка Людвиг построил еще два, причем последний, самый большой, на острове озера Химзее, так и не был завершен.

В столице король не бывал, государственными делами заниматься не желал, со своим строительством залез в глубокие долги, и правительство отказалось выручать короля. Людвиг стал придумывать совершенно

фантастические способы зарабатывания денег для своих замков, даже уверял, что нанял специальных грабителей, которые будут грабить банки.

Вспыльчивость короля росла, по мере того как годы проходили в суете и строительных фантазиях. Он мог ударить слугу или даже придворного, но через полчаса обязательно просил прощения. Утром он приговаривал повара или начальника дворцовой стражи к смертной казни, а так как никто не собирался приводить приговор в исполнение, то, встретив казненного за обедом, король ничуть не удивлялся и лишь спрашивал:

— Разве вас не казнили?

Ему все труднее было видеть людей. Все более он переходил на ночной образ жизни. Ночью смотрел спектакли, принимал гостей, устраивал прогулки.

И может быть, не такой уж он был сумасшедший, но высший свет Баварии, и в первую очередь королев-

Эти два изображения разделяют пятнадцать лет — король обрюзг и раздобрел

ская семья, принялись готовить переворот, чтобы убрать короля.

Младший брат Отто для трона не годился, потому что сошел с ума на самом деле уже в середине 70-х годов. Он стал лаять, как собака, бегать на четвереньках, и вскоре его отправили в сумасшедший дом.

Поэтому заговорщики решили, что выгоднее всего провозгласить королем совершенно сумасшедшего Отто и оставить его по болезни в лечебнице. А править страной станет дядя Лютпольд — всем дядьям хотелось поцарствовать.

Как избавиться от монарха, если придаться, в общем, не к чему? Да, строит замки, дружит с Вагнером, устроил театр и не хочет заниматься политикой. Но бывали короли и похуже и царствовали по полвека. И ничего с Баварией плохого не случилось.

Решили соблюсти видимость научной объективности. Вызвали самого главного психиатра страны, профессора Гуддена, и предложили ему очень солидный гонорар за нужный диагноз.

Гудден решил выковать диагноз заочно. Для этого он официально опросил родственников короля, участников заговора. 8 июня 1886 года профессор представил доклад на двадцати страницах, о котором сам король не имел никакого представления.

Психиатр пришел к следующему выводу: «Его Величество находится в далеко зашедшей стадии психической болезни и должен быть признан совершенно неизлечимым». А поскольку состояние больного в дальнейшем будет ухудшаться, то «Его Величество отныне неспособен управлять государством и правительством».

Именно этот доклад показали Бисмарку, и диктатор Германии, который из соображений политических предпочитал не вмешиваться во внутрибаварские события, сказал, что доклад «воняет замочными скважинами».

Совсем поздно, около полуночи, 9 июня правительственная комиссия, которая должна была сообщить Людвигу о том, что он свергнут с престола, добралась до его резиденции. Но в резиденции короля не застали — он проводил ночь в своем фантастическом замке, Нойшванштайне, где шел музыкальный фестиваль.

Комиссия утомилась от долгого пути, и ее члены решили провести ночь в резиденции, а уж с утра заняться неприятными процедурами.

Сохранились книги расходов. В записи от 9 июня отмечено, что уважаемые члены комиссии сожрали ужин из семи блюд и запили это дело сорока квартами пива и десятью бутылками шампанского. Вот как они боролись с сумасшедшими королями!

Пока комиссия почивала, конюх Острахольцер, узнавший о цели приезда высоких гостей, под проливным дождем проскакал несколько километров до замка Людвига.

Ранним утром комиссия поднялась и поехала к королю.

Ворота замка были закрыты. В воротах стояли гвардейцы короля, которые при виде господ из Мюнхена обнажили сабли.

И тут же на дороге, ведущей к замку от ближайшей деревни, показалась толпа крестьян, вооруженных палками, лопатами, вилами и прочими штуками, какими всегда вооружаются восставшие крестьяне.

Комиссия стала усаживаться в кареты, чтобы планомерно отступить, но ничего из этого не вышло. Господ вытащили из карет, отвели в замок, и там Людвиг, только что узнавший, что он уже не король, посадил их в подвал. В течение дня к замку продолжали подходить люди из соседних деревень.

И тут выяснилось, что короля в Баварии любят и не хотят давать в обиду.

Людвиг собрал своих советников. Совет ре-
королю следует обратиться к народу, и тогда заговор-
щики будут вынуждены отступить.

Людвиг ушел к себе.

Мы так никогда и не узнаем, что он передумал за по-
следующие часы. Но вечером он спустился в зал и ска-
зал, что не пойдет против судьбы.

Три дня его уговаривали бороться, но он никак не
решался стать борцом. И когда на третий день в замке
появился батальон пехоты, за которым следовал лично
доктор Гудден, Людвиг сдался без боя.

В карете с решетками на окнах, под сильной охраной
его перевезли в замок Берг, подальше от посторонних
глаз. И никто в Баварии не знал, где прячут короля.

Тем временем в столице шли приготовления к коро-
нации Отто, которого на церемонию не пригласили. За
него все сделал дядя.

Доктор Гудден остался с королем в замке.

Секретарь короля вспоминает, что король печально
спросил важного профессора, как он мог объявить су-
масшедшим человека, которого не только не осмотрел
и не обследовал, но даже и в глаза не видел.

— Мне достаточно того, что я узнал о вас, — ответил
доктор.

В замке Берг, превращенном в тюрьму, успели быст-
ро поставить решетки на окнах, усилить ограду. Вокруг
замка постоянно сменялись тюремные надзиратели, ко-
торым выдали белые халаты, чтобы они походили на са-
нитаров.

Но в Мюнхене продолжали беспокоиться. Со всех
сторон шпионы сообщали о том, что вся страна жалеет
несчастливого короля, никто не верит в его безумие, зато
все понимают, что дворцовая клика посадила на трон
настоящего безумца, чтобы можно было спокойно де-
лать в Баварии все, что им заблагорассудится.

Суббота прошла спокойно. Король держал себя в руках и даже согласился пройтись по парку вместе с профессором. Гуддена оставили в замке сторожить пленника, и Людвиг называл его своим тюремщиком. Когда они вернулись, ассистент спросил профессора, не стоило ли гулять с усиленной охраной. Психиатр, усмехнувшись, ответил, что король ведет себя «как нормальный человек», только задает слишком много вопросов.

На следующий день король попросил разрешения пойти в церковь. Гудден запретил, решив, что чем меньше народу будет видеть короля, тем ему лучше. Тогда король заметил, что доктор Гудден кажется ему куда более похожим на капрала, чем на профессора.

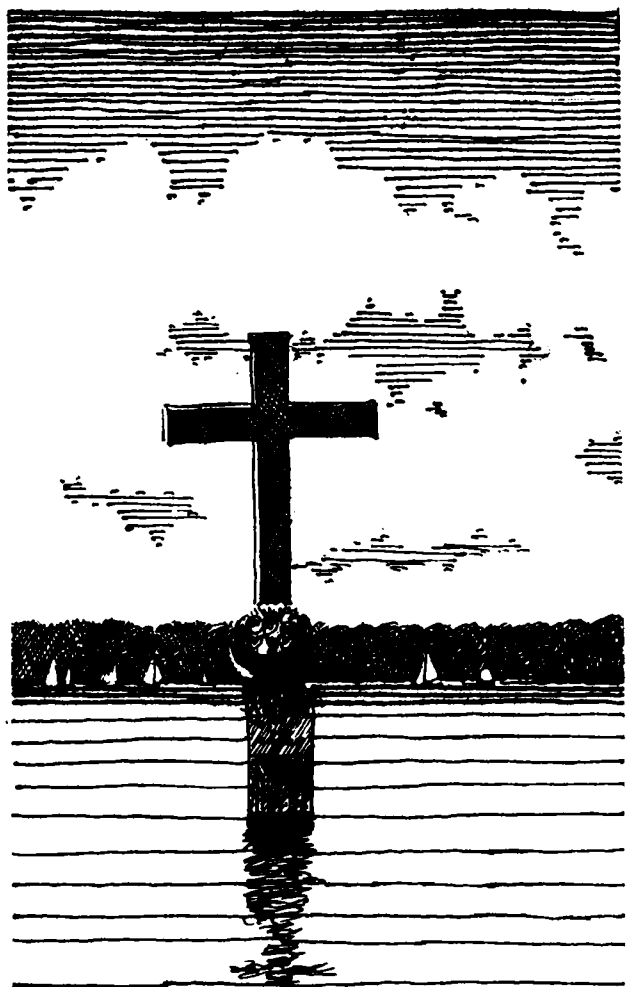
Но вечером, когда психиатр позвал Людвига на прогулку, тот вышел. Король был мрачен и ни с кем не хотел разговаривать. Зато Гудден был в отличном настроении.

Они ушли к озеру. Мюллер, ассистент Гуддена, опять предложил взять с собой охрану, а секретарь Людвиг хотел сопровождать короля на прогулке. Людвиг согласился, но доктор воспротивился, сказав, что гулять надо в тишине и покое.

Прошло два или три часа. Начался дождь, и от этого стемнело раньше.

Мюллер обеспокоился долгим отсутствием короля. К озеру был послан полицейский. Узнав об этом, секретарь Людвиг тоже бросился на берег. А когда опустилась ночь, на берегу уже скопилось несколько десятков человек с факелами и фонарями.

В Мюнхен была послана телеграмма об исчезновении короля. В замке опасались, не убежал ли Людвиг, чтобы поднять восстание. Из Мюнхена сразу ответили, что оснований для тревоги нет, словно там лучше знали, что творится в замке Берг.

*Место, где утонул король, отмечено
деревянным крестом. Ежегодно в день смерти
поклонники Людвига украшают крест венком*

Около полуночи на берегу, далеко в стороне от замка, на траве обнаружили лежащие рядышком зонты короля и профессора. Затем шляпу Людвига.

Стали светить фонарями в озеро и вскоре увидели темное пятно. Один из солдат вытащил плащ короля.

Подогнали лодки, но они не могли подойти к берегу, потому что в том месте дно понижалось очень плавно и даже в двадцати метрах от берега глубина составляла меньше метра.

Именно там, на дне, и обнаружили тела доктора и короля.

Утонуть на такой глубине практически невозможно. Зато утопить человека очень легко.

Когда тела стали обследовать, то на лице доктора нашли следы удара и царапины на шее.

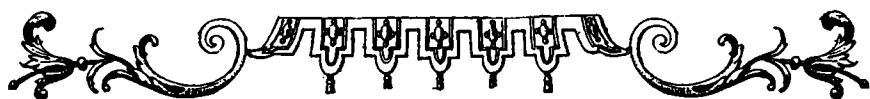
С тех пор во многих книгах и исторических исследованиях предлагаются самые различные версии. Одни считают, что король в припадке ненависти утопил доктора, а потом в отчаянии утопился сам. Но попробуйте утонуть на такой глубине! А может быть, король утопил психиатра, а затем у него случился сердечный припадок, он потерял сознание и умер?

В те годы еще не умели производить вскрытие, чтобы определить состояние сердца.

Кузина короля, императрица Елизавета Австрийская, искренне любившая Людвига, написала в те дни: «Король никогда не был безумцем. Он был эксцентриком, который обитал в мире фантазий. И если бы с ним обращались по-человечески, он избег бы такой ужасной смерти».

Есть и еще одна версия. Живой, Людвиг оставался угрозой для Мюнхена, а как говорится — нет человека, нет проблемы. Доктор Гудден оказался лишним и нежелательным свидетелем и получил гонорар натурой.

Это моя версия. Попробуйте оспорить.

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ УБИЙЦА

КТО ВЫ, ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ?

В истории бывают несуразности. Словно луч фонаря случайно уткнется в человека или событие, во все не такое уж важное или ужасное, но все уже прочли подпись под картинкой и знают: это Событие!

Есть такое понятие: серийный убийца. Обычно это психически больной человек, который убивает не потому, что нуждается в деньгах, а просто получает наслаждение от страданий другого человека. Мы знаем множество таких случаев. Такие убийцы появляются в разных странах, и почти всегда в конце концов их ловят, потому что они не могут остановиться, даже если чувствуют опасность.

Может быть, история одного из первых известных по документам серийных убийц, так называемого Джека Потрошителя, стала так широко известна по двум причинам. Во-первых, события эти случились в конце XIX века, когда уже существовал телеграф, когда во всем мире выходили газеты и то, что случилось в Лондоне, в тот же день становилось известно в Париже. То есть о преступлении узнало много миллионов человек.

Во-вторых, убийца так и не был пойман и не оставил никаких следов. Почему-то он смог остановиться

и спрятаться, уехать, исчезнуть... Что-то случилось, и это прибавляет событию таинственности.

В результате Джек Потрошитель стал самым знаменитым на свете убийцей. Правда, никто не знает, как его звали.

Итак, в августе 1888 года ранним утром некий Джордж Кросс шагал на работу, когда увидел у стены дома на окраине Лондона какую-то кучу тряпок. Он удивился, подошел поближе и понял, что это — труп женщины. Он даже проверил, жива ли она. Но щека женщины была ледяной. И тогда Кросс побежал звать полицейского.

Когда полицейский осмотрел женщину, он увидел, что ей рассекли горло так, что чуть не отрезали голову. А когда в морге труп раздели, оказалось, что у женщины распорот живот.

В тот же день в полиции узнали, что эту женщину звали Анной Николс. Она была бродяжкой и пьяницей, и в последний раз ее видели в полночь у входа в ночлежку. Анна просила, чтобы ее впустили бесплатно, потому что у нее не было четырех пенни за ночлег.

Надо сказать, что никто не обратил на это убийство никакого внимания — мало ли в Лондоне гибнет бедняков?

Прошло восемь дней, и во дворе парикмахерской того же района Уайтчепел нашли еще один женский труп. Это тоже была бедная пьянчужка. У нее было точно так же перерезано горло и так же распорот живот. Но что странно, рядом с трупом нашли конверт, в котором лежало ее колечко и несколько пенсов. Убийца хотел показать, что им двигала не корысть. Не нужны ему пенни и кольца!

Когда тело женщины привезли в полицейский участок и опознали как Анни Чэпмен, там случайно оказался репортер газеты «Стар». Он сообразил, что женщина

убита почти там же, где первая, и точно так же жестоко и демонстративно.

И неудивительно, что на следующий день «Стар» вышла под шапкой во всю первую полосу: «Ужасное новое убийство в Уайтчепеле!» Все другие газеты подхватили эту сенсацию, и в Лондоне началась паника.

Впоследствии в своих мемуарах начальник Скотленд-Ярда писал: «Любой, кто жил в Лондоне той осенью, запомнил ужас, вызванный этими двумя убийствами. Я до сих пор храню в памяти туманные холодные вечера и крики мальчишек-газетчиков с улицы: «Еще одно убийство! Еще одно убийство в Уайтчепеле!»

29 сентября центральное агентство новостей получило по почте письмо:

«Дорогой шеф!

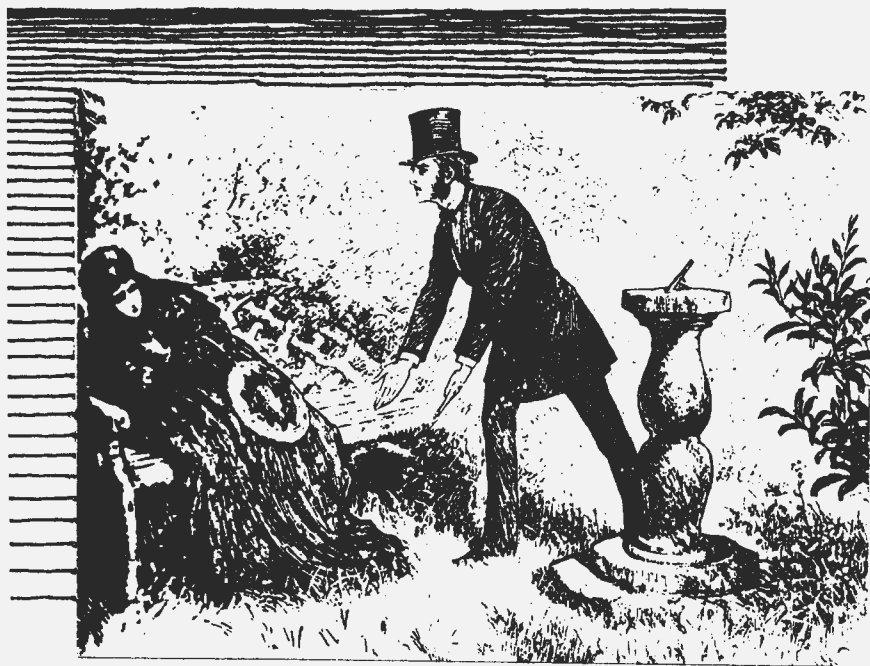
Я со всех сторон слышу, что меня уже схватили, но им меня не взять... Я не перестану их взрезать, пока меня не поймают. Вы обо мне скоро услышите». В конце автор приписал: «Придержите это письмо, пока я еще кое-что не натворю. Тогда и напечатаете».

Посоветовавшись с полицией, в агентстве решили и в самом деле утаить письмо и утаить имя, которым подписался убийца: «Джек Потрошитель».

И той же ночью убийца совершил сразу два преступления. И снова его жертвами были бродяжки, женщины легкого поведения.

Первое убийство было совершено практически на глазах извозчика, который чуть не наехал на тело, лежавшее на мостовой, и увидел, как темная фигура убегает по улице, где, как назло, не горели фонари.

Извозчик зажег свечку и наклонился над телом женщины. Она лежала в луже крови, горло и живот были разрезаны. Позже ее опознали. Ее звали Элизабет Страйд. Буквально через несколько минут полицейский, который осматривал все темные углы и закоулки,

*Воображаемая сцена преступления Джека Потрошителя.
Как все происходило на самом деле, не знает никто*

чтобы не упустить Джека Потрошителя, увидел в углу площади лежащую на спине женщину с перерезанным горлом и вспоротым животом. Причем, как потом выяснилось, преступник вырезал у нее почку и отрезал ухо.

Судя по всему, убийца только-только успел добежать до площади от места предыдущего убийства и ушел, заслышав шаги полицейского. В проходе между домами он увидел бочку, полную дождевой водой, и вымыл в ней руки и нож.

На стене над бочкой он написал мелом: «Евреев не зря обвиняют во всех преступлениях». По крайней мере, вечером этой надписи не было.

На следующий день все газеты опубликовали письмо Джека Потрошителя и зарисовки репортеров.

Трудно описать панику, охватившую город. Особенно после того, как агентство новостей опубликовало открытку, которую Джек Потрошитель написал и отправил за день до этого: «Как видишь, я не шучу. Завтра вы услышите о моей двойной работе. Первая успела пискнуть, не удалось мне прикончить ее с одного удара. Спасибо, что не напечатали первое письмо, как я вас просил. Вы мои добрые помощники».

Страх горожан принял враждебные формы. Проклинали агентство за то, что идет на поводу у убийцы, ругали полицию, требовали отставки ее шефа...

Почти все склонялись к мысли, что убийца — врач по образованию. Уж очень ловко он убивал своих жертв, к тому же вырезать почку не так просто, если не знать, где искать.

Полицейские перелопатили весь квартал. Проститутки боялись выходить на улицы, врачи оставляли дома свои саквояжи, чтобы их не потащили в участок...

Но весь октябрь прошел без новых подвигов Джека Потрошителя, и постепенно паника начала спадать.

И вдруг ранним темным снежным утром 9 ноября Джек Потрошитель устроил самое страшное из своих кровавых преступлений.

Мэри Дженет Келли, молодая ирландка, снимала комнату на улице Дорсет. Примерно в два часа ночи ее видели с солидным мужчиной, одетым во все черное и с золотой цепью поперек жилета, которая поблескивала в разрезе расстегнутого пальто. Через какое-то время они вошли в дверь ее дома...

В одиннадцать часов утра на следующий день хозяйка дома пришла к Мэри за квартирной платой и постучала в дверь. Девушка не ответила.

Хозяйка приоткрыла дверь и закричала. Потом, распугивая постояльцев, кинулась на улицу звать полицейского.

Страшно и не нужно описывать, в каком состоянии было тело девушки. Говорят, что даже полицейские падали в обморок. Но главное, всем было ясно, что у Джека Потрошителя на этот раз времени было достаточно, чтобы изрезать все тело, вынуть сердце и положить его рядом с телом на подушку...

Скандал поднялся такой, что начальник полиции подал в отставку. Круглые сутки Лондон патрулировали полицейские, которых привезли из других городов. И все давали советы, как поймать Джека Потрошителя.

Даже королева Виктория выступила со своими советами, которые были ничем не лучше советов ее лакея. Весь город, вся страна с напряжением ждали

следующего убийства. Все были уверены, что оно неизбежно. Полиция даже надеялась на него, потому что у них не было почти никаких улик против убийцы. Настоящих свидетелей не осталось.

Но больше убийств не последовало.

Полиция выступила с официальным заявлением, что Джек Потрошитель либо сошел с ума и спрятан в сумасшедшем доме, либо покончил с собой.

Никто полицейским не поверил.

Никто Джека Потрошителя так и не увидел, зато за сто с лишним лет появилось множество теорий и гипотез,

*Сотни гипотез — и все
без доказательств.
Он мог быть таким,
а мог быть и иным*

кем же он был и куда делся. Не говоря уже о сотнях статей в газетах.

Я хочу остановиться на наиболее необычных и интересных теориях.

Например, в 20-е годы прошлого века в Англии была напечатана книга Леонарда Маттерса, в конце которой рассказано, как в Буэнос-Айресе местного доктора призвали к постели умирающего англичанина, и в нем доктор узнал своего учителя, знаменитого хирурга Стэнли. И перед смертью тот поведал ему такую историю.

Был у хирурга сын Герберт, который заразился от проститутки дурной болезнью и умер в молодом возрасте. Звали эту проститутку Мэри Келли. И тогда отец поклялся отомстить ей. Он отправился в Уайтчепел и стал искать там виновницу смерти сына. Он допрашивал девушек, а потом убивал их, чтобы они его не выдали. Наконец он нашел ненавистную девицу, убил ее и отплыл в Аргентину.

В другой книге «Новая теория о Джеке Потрошителе» автор писал, что убийцей была женщина. Все в этой теории складывалось довольно убедительно, но была одна деталь, которая погубила ее на корню. Да, конечно, убийцами бывают и женщины, хотя, конечно, реже, чем мужчины. Но в истории криминалистики еще не было ни одной женщины-садистки, притом серийной убийцы. Психологически это невозможно.

Восхитительная гипотеза изложена в книге журналиста Уиллиама Ле Куэ, вышедшей в свет в 1959 году. Книга называется «То, о чем мне известно». Журналист, человек преклонных лет, писал о том, что после Февральской революции в России попал туда корреспондентом. И правительство Керенского разрешило ему покопаться в секретных архивах. В частности, ему

в руки попала рукопись «сумасшедшего монаха» Григория Распутина, спрятанная им в подвале собственного дома. Называлась рукопись «Великие русские преступники». Там была раскрыта тайна Джека Потрошителя. На самом деле его звали Александром Педаченко, и его послала в Англию русская разведка, чтобы подорвать доверие к английской полиции среди местного населения. Впоследствии, вернувшись после исполнения задания в Россию, Педаченко поселился в Твери, где был расстрелян уже при Советской власти за попытку убийства какой-то женщины.

К сожалению, журналист не знал любопытной детали: Распутин жил в квартире на третьем этаже и никакого подвала в доме не было. Кроме того, рукопись его была написана по-французски, а Распутин ни слова по-французски так и не выучил. Наконец, было бы по крайней мере неточно называть его «сумасшедшим монахом».

Через год с новой сенсационной теорией выступил уважаемый врач, профессор Томас Стоуэлл. Он утверждал, что Джек Потрошитель не кто иной, как внук королевы Виктории принц Кларенс. Официально считается, что он умер в 1892 году от простуды. В своей статье Стоуэлл утверждал, что он видел личные записки сэра Уильяма Галла, личного врача королевы, и тот в них ясно дал понять, что убийцей был именно принц и что умер он никак не от простуды. Когда статья была опубликована, поднялся такой шум, что Стоуэлл выступил в газетах с официальным опровержением: он не имел в виду настоящего принца. Никто ему не поверил, и через неделю после публикации письма автор этой теории умер. К тому же журналистам не стоило труда установить, что в день убийства Мэри Келли принц был далеко от Лондона. Ту ночь он провел на дне рождения у отца.

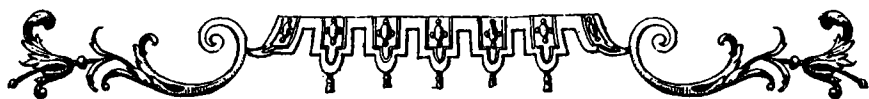
*Газеты связывали
убийство с именем герцога
Кларенса, внука королевы*

После этого уже в наши дни появлялись новые и новые книги. Одна из них так и называлась: «Джек Потрошитель: дело закрыто».

В ней убийцей назван сам доктор Галл, врач королевы, которому было приказано прикрыть убийствами какие-то грехи того же принца Кларенса.

И все же не исключено, что тайна Джека Потрошителя будет со временем раскрыта и следы его найдутся в каком-нибудь сумасшедшем доме.

ПРОПАВШИЙ ГОРОД

ОЗЕРО НАД ГОЛОВОЙ

Квечеру 31 мая 1889 года на окраине гигантского промышленного города США Питтсбурга водитель грузовика заметил, как поднимается уровень воды в реке. Словно шла высокая волна.

Помутневшая вода несла какие-то доски, сломанные ветки, затем появились и деревья...

Чем ближе к центру города подходила высокая вода, тем сильнее тревожились жители. Люди взволновались еще больше, когда увидели плывущий среди стволов почти целый дом.

И это было странно, потому что дожди закончились уже сутки назад. Над городом опускалось алое солнце, в мире царил покой, и потому странное поведение реки и ее трофеи казались особенно зловещими.

Тут же собралась команда полицейских и офицеров и отправилась вверх по реке мимо встревоженных городков и поселков. К полицейским присоединились всадники, и вот уже длинная кавалькада протянулась по долине.

В тот день ничего узнать не удалось, и лишь к вечеру следующего дня полицейские остановились перед загадочной преградой, из-под которой били потоки грязной воды.

Всю долину перегораживала колоссальная плотина из тысяч деревьев и грязи, которая, подсыхая, превратила ее в непроходимую стену. Но в этой стене виднелись и куда более страшные предметы — дома, обломки человеческой утвари, трупы мертвых животных... и людей.

Когда полицейские, обойдя плотину по склону долины, поднялись на один уровень с ней, они увидели, что дальше путь закрыт. Впереди расстилалось длинное, не показанное ни на одной карте озеро, которое протянулось на много километров.

Недалеко должен был располагаться город Джонстаун... Но впереди лишь недвижная поверхность воды, и вдали торчит верхушка колокольни...

И ничего больше.

Загадка исчезновения целого города разрешилась скоро. И хоть из Джонстауна практически никто не спасся — исчезло более двух тысяч человек, — само бедствие все же кое-кому удалось увидеть.

Городок стоял в том месте, где горная долина расширялась, образуя небольшое плоскогорье. Посреди города протекала горная речка. Один из притоков ее запрудили много лет назад, и получилось озеро длиной три мили. Это озеро пользовалось большой популярностью — жители любили ловить в нем рыбу, а окрестные горы славились своей дичью.

Плотина была старой, насыпной. Лишь сверху она была облицована кирпичом. Когда в горах шли дожди, вода порой переливалась через верхний край плотины и устремлялась вниз, но особого вреда эти маленькие наводнения не причиняли.

Но весной 1889 года все случилось иначе. Владельцев озера одолела жадность. Им пришло в голову, что через трубу, сквозь которую изливался ручей, уходит

слишком много рыбы, что причиняет им ужасные убытки.

Что же в таком случае делать?

Правильно: сказать рыбе решительное «нет!». Ловись у нас на удочку большая и маленькая.

Трубу заткнули.

Мало-помалу уровень воды в озере начал подниматься, но никого это не беспокоило, потому что озерные хозяева утешали себя тем, что в худшем случае немного воды перельется через плотину.

Одно головотяпство, соединяясь с другим, ведет к трагедии, особенно если к этому приложит руку прихода.

Дело в том, что в прошлом году решили было проверить и починить старую земляную плотину и с нее сняли каменную обшивку, но потом работы отложили до лета, когда уровень воды в озере понизится.

А наверху, в горах, несколько дней лили проливные дожди. И количество воды, которая сливалась в озеро, оказалось куда больше, чем рассчитывали. Вода хлестала через плотину, но хуже всего было то, что в плотине появились промоины, и сквозь них, размывая землю, тоже пробивались струи.

Сторож рыболовной базы встревожился и послал своего помощника поговорить с мэром Джонстауна об опасности прорыва плотины, но просил сделать это деликатно, никого не пугая. Сторож понимал, что, если наводнения не случится, а в городе начнется паника, во всем обвинят его, «стрелочника».

Так что в городе об опасности узнали, но не испугались, чего сторожу и надо было. В крайнем случае, он всегда сможет доказать, что вовремя сигнализировал об опасности.

И жители Джонстауна продолжали заниматься своими делами.

Плотина разорвалась, рухнула, рассыпалась, превратилась в грязевой кисель во второй половине дня 31 апреля. Стена воды высотой десять метров понеслась, набирая скорость, вниз по долине. Когда она поглотила первые фермы и поселки на своем пути, ее скорость уже достигала пятидесяти миль в час.

Над долиной стоял глухой, глубокий гул, который превратился в раскаты грома, когда волна ударяла в стены фабрики, завода, домов. К тому же за двенадцать миль пути вода снесла по обеим сторонам долины весь лес, поэтому по городу ударила не просто вода, а каша из стволов.

За сорок минут глубокое озеро длиной три мили превратилось в ущелье. Случайному охотнику, который оказался на склоне горы как раз над городом, эта картина увиделась так:

«Зрелище, которое предстало в ущелье моим глазам, привело меня в ужас. Мне показалось, что сам лес устремился на Джонстаун. Единая, громадная — конца не видно — волна была буквально напичкана деревьями. Она представлялась лавиной из деревьев... Никакая человеческая воля не могла бы остановить это бедствие, и поток пронесся по домам и людям, в мгновение ока погребая их навечно».

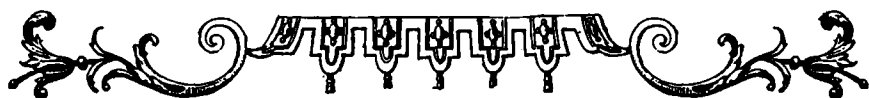
Селевые потоки и прорывы горных озер известны во всем мире. Случаются они и у нас, особенно в республиках Центральной Азии. Но, пожалуй, история Джонстауна — единственный случай, когда без следа исчез целый город, и некоторое время никто не понимал, как это могло случиться.

Конечно, бывают куда более сильные наводнения. Они случаются, как правило, на больших реках. Особенно страшны наводнения на китайской Желтой реке — Хуанхэ. Но когда читаешь о китайском наводнении 1889 года, при котором погибли несколько сот

тысяч человек, воображение отказывается представлять эту картину. Кто-то сказал, что смерть одного человека — это трагедия, а гибель ста тысяч — уже статистика.

Но трагедия Джонстауна как бы скроена по масштабу человека. Мы видим, как наполняется водой озеро, как расползается плотина...

Тайна гибели Джонстауна оставалась тайной лишь несколько часов. Но с тех пор плотину так и не стали восстанавливать...

Я ОБВИНЯЮ!

ДЕЛО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОФИЦЕРА

Давайте заглянем во Францию в 90-е годы XIX века. Прошло четверть века с дней великого позора этой страны. Французская армия была разгромлена, пруссаки взяли Париж, древние французские провинции Эльзас и Лотарингия потеряны. Юные лейтенанты французской армии, вернувшиеся в 1871 году из немецкого плена, уже стали полковниками и генералами, но жестокая травма, которую они пережили, не заживала в их душах. И в таких случаях всегда хочется найти кого-то виноватого. Ведь наша армия — лучшая в мире!

На самом же деле французская армия была далеко не лучшей в мире и отличалась только в колониальных войнах. Французские полки завоевывали Камерун и Индокитай, Полинезию и Ливан. Все большую роль в армии играл Иностранный легион — колониальные войны воспитывали убийц и карателей.

Отношения с Германией оставляли желать лучшего, и поэтому немецкое посольство в Париже находилось под особым наблюдением. Французская контрразведка понимала, что возле посольства могут крутиться изменники. Особенно интересовал французов военный атташе посольства подполковник фон Шварцкоппен.

Нравы тогда были простыми, методы работы шпионов сегодня кажутся наивными — даже странно, что их не ловили на второй же день.

Французы придумали оригинальный ход, известный еще в Вавилоне и Древнем Египте. Они вызвали к себе уборщицу и приказали ей просматривать мусорную корзину немецкого атташе, а разорванные бумажки доставлять куда следует.

И вот появилось подозрение, что атташе получает сведения о французских укреплениях и новых крепостях.

Сведения об этом поступали от ничего не подозревающего подполковника. Он умудрялся выбрасывать в корзину, будто специально, чтобы уборщица могла отличиться, все черновики своих писем и донесений. Как настоящий граф и джентльмен, он сначала писал черновик, а потом перебеливал его.

В выкинутых обрывках черновиков несколько раз встретилось имя (вернее всего, кличка агента): «этот мерзавец Д.» или «этот Дюбуа». Постепенно накопилась информация, из которой следовало, что этот агент — артиллерист, по-видимому, из Генерального штаба и имеет доступ к секретным документам.

Начальник контрразведки, полковник Сандер, и его заместитель майор Анри чувствовали, что вот-вот нащупают агента. И вот в корзинке обнаружилась записка на папиросной бумаге — донесение агента. Это был верх легкомыслия немецкого атташе.

Французы торжествовали. Записка была написана от руки. Оставалось лишь сверить почерки.

Майор Анри проверил список офицеров-артиллеристов Генерального штаба и выписал имена тех, кто, как казалось, подходил на роль агентов.

И сразу же он выделил подозреваемого номер один. Это был капитан Альфред Дрейфус.

Все в нем было подозрительно. Родом он происходил из оккупированного немцами Эльзаса. И хоть его родители переехали оттуда сразу после перехода области к немцам, подозрения не ослабели. А почему они уехали? Шпионить собирались? Задание получили?

Но не это было важно.

Оказалось, что Дрейфус — еврей. А евреев старались не брать на военную службу. Тем более неприятно было майору Анри увидеть еврея в списке офицеров Генерального штаба.

Среди французского командования антисемитов тоже было немало. Армия должна быть «своя и для своих», а евреи были чужими. Нечего им делать в славной французской армии, которая с таким позором проиграла войну.

Майор Анри затребовал к себе документы капитана Дрейфуса и пришел к выводу, что записка написана его почерком.

Тут же последовало постановление принять меры.

Капитан Дрейфус, невысокого роста худой человек в очках, был крайне удивлен, когда в понедельник 15 октября 1894 года ему было приказано с утра явиться к начальнику Генерального штаба, но не в мундире, а в гражданской одежде. Сначала Дрейфус ничего не заподозрил и решил, что ему поручат какое-нибудь задание деликатного толка, которое удобнее выполнить в штатском. В кабинете один из офицеров продиктовал Дрейфусу записку. Тот писал и удивлялся — какой странный текст! Почему он должен кому-то направлять сведения о 120-миллиметровой гаубице?

Не успел он дописать записку, как один из офицеров выхватил ее, а второй воскликнул:

— Именем республики вы арестованы! Вы обвиняетесь в государственной измене!

— На каком основании? — спросил Дрейфус.

— Оснований больше чем достаточно!

И капитана Дрейфуса отправили в тюрьму.

Через несколько дней сведения об аресте просочились в газеты. Газеты вышли под заголовками: «Арест еврея-офицера», «Предатель — еврейский офицер».

Но в чем заключалось его преступление, до самого суда никто не знал.

Лишь на суде, который начался 19 декабря, записка из корзины немецкого атташе была показана пяти экспертам, которых прислало Министерство обороны. Двое из экспертов заявили, что почерк записки не имеет ничего общего с почерком Дрейфуса, двое других сказали, что, вернее всего, записку написал он, а пятый вообще запутался в своих показаниях.

Главным свидетелем обвинения был майор Анри.

— Вот сидит предатель! — кричал он.

Адвокаты были беспомощны, судьи обрывали свидетелей защиты, обвиняемый казался совершенно спокойным, лишь слишком часто снимал и протирал платком очки. Сидевшим в зале он казался типичным евреем-предателем, хотя еще никому из них не приходилось видеть еврея-предателя.

Через несколько лет подобный процесс пройдет в Киеве, в России. Это будет так называемое дело Бейлиса. Там совершенно невинного человека обвинят в том, что он убил русского мальчика, чтобы выпить его кровь.

Вот из таких грязных потоков антисемитизма и выросли не только погромы в России, но и фашизм в Германии. Главное для любого человеконенавистника — это отыскать виновного во всех своих бедах и страданиях. В зависимости от политической ситуации такими виновными могут быть евреи, негры, буржуи, коммунисты, лица кавказской национальности... Но чаще всего это те, кто беззащитен.

Через четыре дня, в течение которых суду и обвинению, трудившимся рука об руку, ничего не удалось

отыскать и доказать, судьи удалились на совещание, а в здание суда ворвался курьер с пакетом от военного министра. Как потом стало известно, в пакете находился приказ судьям не церемониться и не тратить времени даром. Есть преступник, евреям не место в благородной французской армии, так объявляйте приговор!

Судьи единогласно постановили: виновен в измене родине!

Через несколько дней на плацу военного училища, которое в свое время с отличием закончил Дрейфус,

*Позорная казнь Дрейфуса —
жандарм ломает его саблю*

перед строем солдат и курсантов с него сорвали погоны и сломали шпагу.

— Солдаты! — закричал Дрейфус. — Вы позорите невинного человека! Да здравствует Франция!

Перед отправкой на каторгу на остров Дьявола, откуда никто не возвращался живым, Дрейфусу разрешили написать письмо домой. Он написал жене вот что: «Дорогая, сделай все, чтобы отыскать настоящего предателя. Он же существует, он где-то рядом!»

Бывшему капитану, а теперь пожизненному каторжнику Дрейфусу больше не на кого было надеяться.

Но то, что было тайной для Дрейфуса, для остальной Франции тайной не было. Виновен и должен погибнуть!

По Франции прокатилась волна антисемитизма. Под влиянием этих событий венский журналист Теодор Генцль написал книгу «Еврейское государство», где он доказывал, что евреи должны создать свою независимую страну, чтобы никто не смел их там оскорблять и унижать. Он назвал эту страну Сионом и предложил основать такое государство в Палестине, на родине еврейского народа, которая в то время принадлежала Турции.

А Дрейфус таскал бревна и валил деревья на острове Дьявола. Он был молчалив, он не заводил друзей, он был чужим среди бандитов и убийц. Натерпелся он там немало не только от тюремщиков, но и от заключенных. Ведь рабу всегда приятно думать, что есть кто-то слабее его.

А в Париже тем временем развивались иные события.

Командование французской армии не было единым во мнении, что лучшим выходом из создавшегося положения было обвинить во всех грехах Дрейфуса. Его дело было настолько шито белыми нитками, что, когда начальника контрразведки отправили в отставку, его преемник Пикар получил приказ продолжить расследование неофициально. Во-первых,

потому, что немецкое посольство продолжало получать донесения от агента «Д», а во-вторых, существовала опасность, что несправедливый суд, когда его истинные пружины станут известны газетам и политикам, еще более опозорит армию.

Новый шеф контрразведки продолжал просматривать уловы уборщицы из немецкого посольства и в марте 1896 года получил от нее обрывки синего конверта, который использовался в Париже для местной городской почты. В нем были клочки письма. Видно, господин атташе почему-то не послал заготовленное и даже запечатанное письмо. Конверт был адресован майору Эстергази, и в нем атташе просил подробнее пояснить обсуждавшиеся вчера вопросы.

Полковник Пикар насторожился. Эстергази был ему знаком. Сын французского генерала, отпрыск знатнейшего венгерского рода был известен в столице своими дебошами. Ему вечно не хватало денег, хотя доходы его были значительны.

Пикар не стал докладывать министру о своих подозрениях, потому что понимал, как возмутятся генералы. Одно дело судить безвестного еврея, другое дело — своего, знатного, любимого шалуна.

Граф не может быть предателем!

Пикар устроил слежку за Эстергази, который был довольно беспечен. Дважды за месяц он заходил в немецкое посольство. Пикар добыл образцы почерка графа, и оказалось, что именно этим почерком написана записка, за которую отправили на каторгу Дрейфуса.

Пикар доложил обо всем министру.

Министр ответил, что одно дело, когда настоящим преступником оказался какой-нибудь обыкновенный офицер. Тогда он разрешил бы открыть дело вновь. Но судить графа — это все равно что судить генералов. Это значит дать пощечину армии, которую она не

переживет. А раз этот еврей уже сидит на острове, пускай дальше сидит...

— Я отказываюсь молчать! — заявил тогда Пикар и этим погубил свою карьеру.

Министр отпустил его, а сам вызвал того самого майора Анри, который теперь числился в заместителях у Пикара, и приказал ему немедленно придумать, раскопать, изобрести новые доказательства вины Дрейфуса, чтобы «любителю евреев» Пикару не удалось погубить армию вообще и Эстергази в частности.

Но Пикар тоже не хотел сдаваться. Он вызвал к себе честного адвоката и сообщил ему о письме Эстергази и об ошибке, погубившей Дрейфуса. Тогда адвокат связался с братом осужденного, потому что жена и брат Дрейфуса, как и обещали, отчаянно боролись за его оправдание.

Дрейфусы кинулись в Генеральный штаб. Но там их и слушать не захотели. И тогда брат Дрейфуса придумал оригинальный ход. Он подал в суд на графа Эстергази, обвиняя его, как гражданин Франции, в измене. Одновременно он передал газетам письма Эстергази.

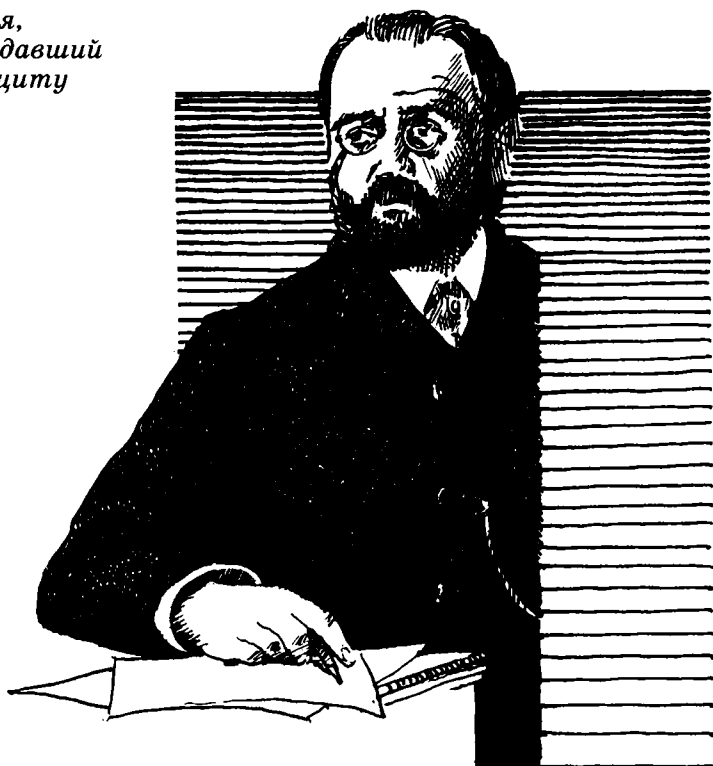
Тогда граф разыграл возмущение и потребовал немедленного суда чести.

Суд чести из генералов и офицеров лучших кровей тут же собрался и единогласно оправдал графа.

Анри не удавалось отыскать новых преступлений Дрейфуса. Многие честные французы требовали освободить капитана. В ответ на это Министерство обороны отправило Пикара в отставку за разглашение военной тайны.

Тогда в январе 1898 года величайший французский писатель того времени Эмиль Золя опубликовал в газетах письмо к президенту страны, которое называлось «Я обвиняю!». В нем он разоблачил военную верхушку и потребовал суда над командованием армии.

*Эмиль Золя,
первым подавший
голос в защиту
Дрейфуса*

Вместо этого президент по требованию армии приказал судить Золя за клевету на честных и благородных генералов и графов.

Золя превратил суд над собой в суд над командованием армии и французской элитой. Мало у кого оставались сомнения в том, что писатель прав.

А в результате?

В результате Золя был приговорен к штрафу в три тысячи франков и году тюрьмы. Ведь он якобы оклеветал не только армию, но и суд. Золя пришлось бежать из страны, потому что во Франции началась настоящая охота за ведьмами. Генералы торжествовали.

Но Франция все же была демократической республикой, и, несмотря на сопротивление властей, майора

Анри допросили в прокуратуре. Он признался в том, что подделал письма Дрейфуса, чтобы посадить его в тюрьму. Это было настолько серьезным служебным преступлением, что Анри пришлось посадить в тюрьму, где он на следующий день перерезал себе горло бритвой... Или, может быть, кто-то помог ему это сделать.

Эстергази дали уехать в Англию, где он благополучно жил до самой смерти еще двадцать пять лет. Никто его не тронул.

К тому времени Дрейфус провел на каторге уже пять лет.

Но держать его на острове Дьявола более было невозможно. Уже не оставалось сомнения в том, что он ни в чем не виноват.

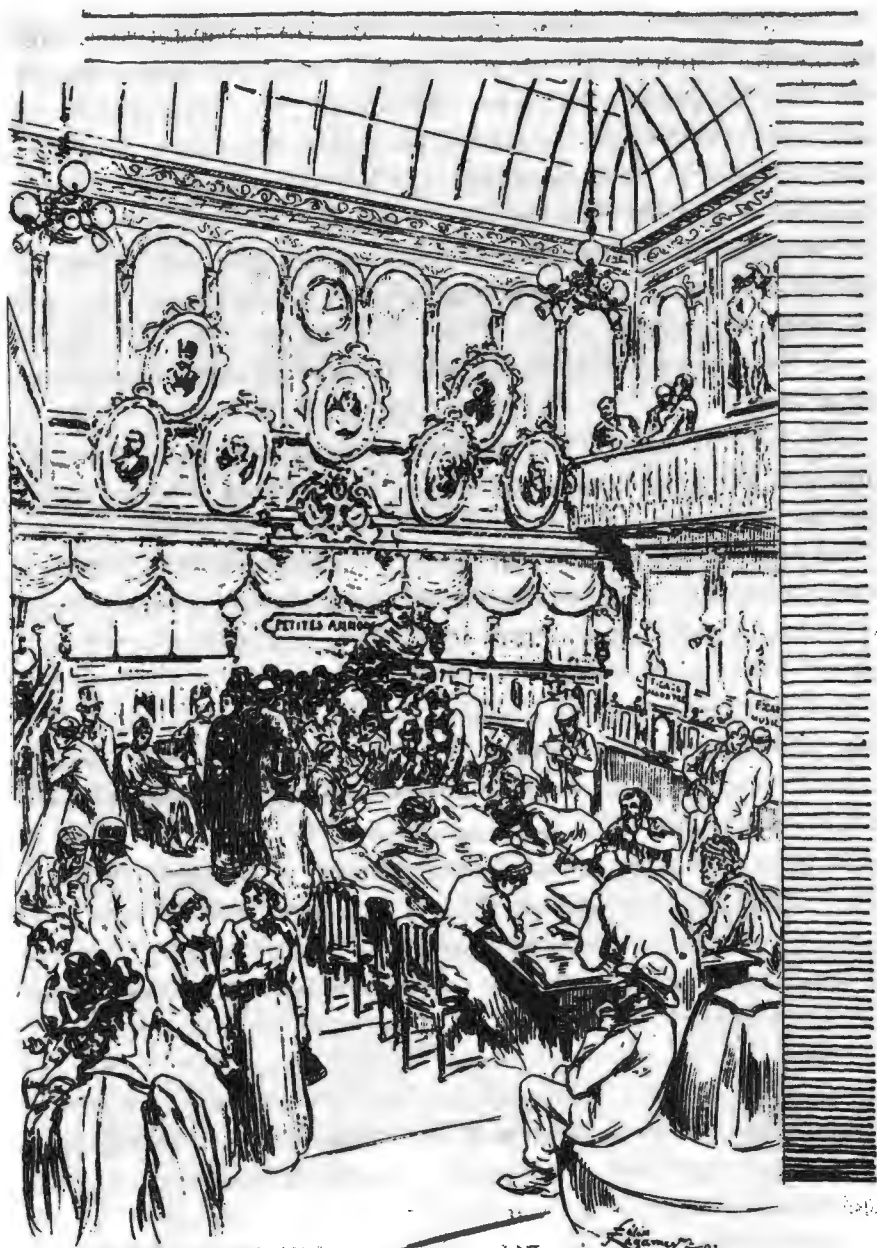
И все же командование армии продержало его на каторге еще полгода, а затем его привезли в Париж... Вы думаете, чтобы оправдать? Ничего подобного — для того, чтобы судить снова.

Дрейфуса судили, снова признали предателем и на этот раз дали ему десять лет тюрьмы. Эмиль Золя из изгнания назвал приговор «смесью невежества, спеси, жестокости, лжи и преступления».

После окончания суда, принимая во внимание то, что состояние здоровья подсудимого не позволяло отправить его снова на остров Дьявола, военный министр милостиво подписал приказ об освобождении капитана.

Когда Дрейфуса выпустили из тюрьмы, он заявил: «Мое сердце не успокоится, пока во Франции останется хоть один человек, который будет думать, что я совершил преступление, и обвинять меня в преступлении, совершенном другим человеком».

Прошло еще семь лет, прежде чем сторонникам справедливости удалось добиться нового пересмотра дела. К тому времени все действующие лица первого

**Редакция парижской газеты «Фигаро» —
здесь создавались новости**

суда сошли со сцены. И вот наконец в 1906 году, через десять лет после начала мучений, Дрейфус был восстановлен в армии, ему присвоили новый чин майора. Он даже получил орден Почетного легиона. Когда министр вручал ему орден, собравшаяся толпа сторонников Дрейфуса начала кричать: «Да здравствует Дрейфус!» Майор ответил: «Да здравствует правда!»

Подводя итоги этого дела, во многом определившего судьбу Франции в XX веке, английская энциклопедия «Британика» писала: «Эта ситуация привела к национальному кризису. В своем лучшем проявлении она выразилась в страстном отрицании антисемитизма, что делает Франции честь, в худшем — она выявила и усилила внутренние противоречия, которые стали причиной национальной слабости».

Что касается Альфреда Дрейфуса, то он вскоре покинул армию и вышел в отставку. Однако, когда в 1914 году началась Первая мировая война, он вернулся на службу, хотя ему было почти шестьдесят лет. Всю войну он в чине подполковника командовал фронтовым управлением боеприпасов. Умер Дрейфус в преклонном возрасте в 1935 году.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ШАХМАТЫ ИМПЕРАТОРА.	
Наполеон против Фултона	8
ПРОПАВШИЙ ПОСОЛ.	
Исчезновение Бенджамина Батхерста	17
ОБОГНАВШИЙ ВРЕМЯ. Воздушный корабль	28
ДВЕ НАХОДКИ АДМИРАЛА. Яблоко в руке Венеры	38
ФИГУРЫ ИЗ НЕБЫТИЯ. Юношу приказано убить! ...	48
ПОДАРОК ИМПЕРАТОРУ. Листы в корзине	60
ПОЛЕТ В СТРАТОСФЕРУ. С опережением на сто лет	75
СЕМЕЙСТВО БЕЛЛ. Три писательницы	89
КРОЛИЧЬЯ НОРА. Додо летать не может	108
ГИБЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОГО ПРЕЗИДЕНТА.	
Заговор против Линкольна.	124
ПОЛАГАЮ, ВЫ — ДОКТОР ЛИВИНГСТОН?	
Неугомонный миссионер	135
ОЗЕРО ПО КОЛЕНУ. Сумасшедший король	147
САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ УБИЙЦА.	
Кто вы, Джек Потрошитель?	161
ПРОПАВШИЙ ГОРОД. Озеро над головой.	170
Я ОБВИНЯЮ! Дело артиллерийского офицера	175

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

127018, Москва, Суцевский вал, д. 49

Издательство «Дрофа-Плюс»

*Редакция художественной
и научно-популярной литературы*

Телефон редакции: (095) 795-05-43

Оптово-розничную продажу книг производят:

Торговый дом «Школьник»

Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1а

(м. «Таганская», радиальная)

Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76

Магазин «Переплетные птицы»

Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1

Тел.: (095) 912-45-76

Булычев Кир

Б 90 Тайны XIX века / Худож. К. Сошинская. – М.: Дрофа-Плюс, 2003. – 192 с.: ил. – (Тайны истории).

ISBN 5-9555-0038-3

Когда была изобретена первая подводная лодка? Кем были загадочные Пиренейская дикарка и Каспар Хаузер? Что произошло с баварским королем Людвигом? Какова судьба знаменитой английской писательницы Шарлотты Бронте? Об этом и о многом другом рассказывает Кир Булычев в седьмой книге из серии «Тайны истории».

УДК 82-4(02.053.2)

ББК 84(2Рос=Рус)6-4я5

Тайны истории

КИР БУЛЫЧЕВ

(Игорь Всеволодович Можейко)

ТАЙНЫ XIX ВЕКА

Заведующий редакцией

Е. В. Туинов

Ответственный редактор

Т. О. Новикова

Художественный редактор

А. А. Данилин

Компьютерная верстка

Т. В. Федорова

Корректор

М. В. Макарова

Подписано к печати 20.08.03. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Бумага типографская. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,00. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4310113.

ООО «Дрофа-Плюс».

127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Издание осуществлено при участии ООО «Дрофа».

127018, Москва, Сущевский вал, 49.

По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа-Плюс» обращаться по адресу:

127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ФГУИПП «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Ваш ребенок с удовольствием ходит на уроки истории?

Или он на них скучает и вы не знаете, что делать?

Подарите ему книги из новой серии «Тайны истории» -
ручаемся, что этот подарок придется по душе
и юному историку, и тому, кто считает историю
совершенно лишним предметом в школьной программе.

История полна загадок.

Иногда людям удастся их разгадать, а порой загадка
так и остается неразгаданной, но тем интереснее узнать
о ней и попытаться самому найти ответ.

Как первобытные люди делали свои орудия?

Был ли всемирный потоп?

Как люди разгадали смысл египетских иероглифов?

Существовал ли на самом деле король Артур?

Зачем княгиня Ольга ездила в Константинополь?

Кем был загадочный старец Федор Кузьмич?

Кому посвятил свои знаменитые
повести-сказки Льюис Кэрролл?..

Тайны истории раскрывает читателям

Кир Булычев.

Вышли в свет:

«Тайны древнего мира»

«Тайны античного мира»

«Тайны Средневековья»

«Тайны Нового времени»

«Тайны Руси»

«Тайны Российской империи»

«Тайны XIX века»

Готовится к печати:

«Тайны морей и островов»

Из юного биолога Алиса Селезнева
превратилась в настоящего историка.

Тайны и загадки прошлого не дают ей покоя.

На этот раз она решила узнать, что же
случилось с английскими принцами, сыновьями
короля Эдуарда IV, которых заточил в Тауэр их дядя,
злодей Ричард Глостер.

Но, сидя в XXI веке, правды не узнаешь.

И Алиса вновь отправляется в лабиринты истории.

На машине времени она попадает в XV век,
прямо ко двору Эдуарда IV.

И как раз вовремя!

На охоте ей удастся спасти жизнь одному из принцев,
юному Эдди, королеве Елизавете и ее дочери Лиззи.

И теперь она сможет увидеть все, что происходило
при дворе короля Англии, собственными глазами.

Удастся ли ей раскрыть зловещую тайну
исчезновения принцев?

А может быть, с ее помощью эта тайна окажется
не такой уж зловещей?..

Обо всем этом вы узнаете из книги
Кира Булычева «Принцы в башне».

В серии **«Алиса и ее друзья в лабиринтах истории»**
вышли следующие книги:

«Древние тайны»
«Пашка-троглодит»
«Чулан Синей Бороды»
«Драконозавр»
«Принцы в башне»

Любители фантастики и приключений!

Вы, конечно, слышали про Алису Селезневу. С ней уже подружились миллионы девочек и мальчишек как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. И все потому, что эта веселая, отважная и находчивая девочка из будущего стала главной участницей самых невероятных событий, о которых рассказал замечательный писатель-фантаст

КИРА БУЛЫЧЕВА

Алиса

Это 19 книг замечательной фантастики, в состав которых войдут все повести Кира Булычева о приключениях Алисы и ее друзей

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ
ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ
ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК
ПЛЕННИКИ АСТЕРОИДА
МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ
АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ
И СНОВА АЛИСА
АЛИСА И СЫЩИКИ
ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА
ЗВЕЗДНЫЙ ПЕС

ДЕТИ ДИНОЗАВРОВ
ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ
ПРИВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ
СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД
ОПАСНЫЕ СКАЗКИ
ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ
АЛИСА И ЧУДОВИЩЕ
СЕКРЕТ ЧЕРНОГО КАМНЯ
ВАМПИР ПОЛУМРАКС

КИР БУЛЫЧЕВ,

который пишет фантастические книги, и Игорь Можейко, доктор исторических наук, — один и тот же человек. У этих писателей даже борода одна на двоих. И нечего удивляться, узнав, что серию книг «**Т а й н ы и с т о р и и**» они написали вдвоем.

Кир Булычев

ТАЙНЫ XIX ВЕКА

Почему-то раньше мне казалось, что XIX век так к нам близок (мой дедушка прожил в нем большую часть жизни), что тайнам там нечего делать. А если они и есть, то мы их уже тысячу раз обсуждали. Однако близость к нам не лишает события того времени таинственности. И эти тайны интересны для нас хотя бы потому, что люди, жившие тогда, ничем от нас не отличались...

